

ОХОТА

и ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

8

1999

●
На первой странице обложки:
Выживут ли эти медвежата после вы-
пуска на волю?

Фото В. Пахетнова к статье
«Медвежата-сироты»

●
На второй странице обложки:
Пустельга. Винторогий козел (Мархур)
Фото И. Федорищева к очерку
«Новосибирский зоологический парк»

●
На четвертой странице обложки:
Н. Дроздов в Хакассии
Фото А. Колбасова
Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»

Охотоведение на

В. САФОНОВ,
член-корреспондент РАСХН
директор ВНИИОЗ

Охотоведческая наука в течение последних 10—12 лет претерпевает те же трудности, что и российская наука вообще.

В сентябре 1987 г., как гром среди ясного неба, грянуло постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1102. Оно предписывало всей науке, без разделения на академическую, вузовскую и отраслевую, фундаментальную и прикладную, перейти на хозрасчет и самофинансирование. Понятие «финансовое содержание науки» было заменено понятием «договорные отношения», в научном лексиконе появилась новая, претендующая на рыночную, терминология: научно-техническая продукция (НТП), конкуренция, конкурсный отбор научно-исследовательских программ и т. д. Подобные законодательные акты позднее получили название «обвальных». Однако «обвала» в реорганизации науки не произошло. Здесь, как и во многих аналогичных случаях, сработал отечественный инерционный механизм: лучшее средство от дурного закона — дурное исполнение. Процесс сразу «не пошел», наряду с формализованной договорной кампанией еще много лет (да и поныне, только в резко уменьшенных размерах финансирования) сохранялось именно содержание науки по так называемому «базовому методу», то есть выделение средств на содержание исходя из когда-то и кем-то определенной базы для того или иного научного учреждения. Но зато катастрофически резко упал общий уровень бюджетных средств, выделяемых государством на науку. С 1991 г. объем государственного финансирования научной-технической системы России снизился в 15—20 раз (В. Страхов, 1999). В США на науку выделяют (включая участие фондов) до 150 млрд долларов, российская наука получает всего 2,5 млрд долларов (Г. Месяц, 1998). Законодательно закреплена норма ассигнований науки в размере не менее 4 % расходной части бюджета РФ еще ни разу не соблюдалась.

Существует «Концепция реформирования российской науки на период 1997—2000 годов», на деле же государство устранилось от решения проблем организации науки, предоставило са-

мым научным учреждениям замедлять или ускорять свою кончину в новых условиях: Свидетельств тому много. Назову хотя бы два. Во-первых, завершающийся в настоящее время этап аккредитации научных учреждений предусматривал такой безликий набор отчетных форм, который никак не мог бы выявить ростки перспективных экономических новаций в научной сфере. По существу вся затея свелась к простой инвентаризации научных институтов в РФ: их сегодня насчитали 4364. Что же поддерживать государству в их деятельности, так и осталось неясным. Повидимому, и цели такой изначально не ставилось. Во-вторых, не так страшен современный хронический дефицит бюджетных ассигнований, выделяемых институтам, как их узкое целевое предназначение — только на зарплату и начисления на нее. Пытаться наделить этим пособием всех, видимо, преследуют цель как-то предотвратить социальный взрыв. Как известно, наука — далеко не дешевое занятие и, несмотря на всевозможные ухищрения создать видимость деятельности, она в современных условиях финансирования со стороны государства и неустойчивости со стороны разрушающегося производства обречена на прозябание и невосполнимое отставание от мирового уровня.

В охотоведении функции отраслевого научного обеспечения с 1922 г. на протяжении полувека осуществлял ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова (ранее ЦНИБС, ВНИПО, ВНИО, ВНИИЖП), который подчинялся одному из ведомств, в разное время монопольно или преимущественно выполнявших функции заготовок пушнины, дичи и другой промысловой продукции: Наркоматам земледелия, снабжения, внешней торговли, заготовок, Центросоюзу СССР и РФ. С начала 60-х гг. специализированное подразделение по охотоведению начало функционировать в структуре НИИСХ Крайнего Севера (г. Норильск). В конце 60-х гг. была организована ЦНИЛ охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты при СМ РСФСР. В 70—80-е гг. отраслевая наука фактически разделила сферы влияния по ведомственному признаку: ВНИИОЗ обслуживал в основном кооперативные заготовки и отраслевые предприятия Центросоюза, ЦНИЛ — государственные промыслово-охотничьи структуры. Правда, в это же время ВНИИОЗ выполнял государственные программы, координируемые Госкомитетом по науке и технике СССР, но финансируемые Центросоюзом (для последнего это было престижно).

Кроме указанных специализированных научных учреждений различного статуса (институт, самостоятельная лаборатория, отдел в составе института) фундаментальными и прикладными проблемами охотоведения занималась сначала Центральная лаборатория (позднее преобразованная в институт) охраны природы и заповедного дела Минсельхоза СССР, потом Госкомэкологии РФ, некоторые заповедники, ряд институтов Академии наук и вузы. Все перечисленные научные структуры сохранились и поныне, хотя и претерпели в годы экономических реформ существенную трансформацию. О прежнего их кадрового состава едва ли сохранилась 1/3.

В советские годы охотоведческая наука выполняла (и выполнила!) государственный заказ: обосновать создание в социалистической системе хозяйствования самостоятельной отрасли — охотничье-промыслового хозяйства со всеми присущими ей атрибутами; разработать научные основы организации охотхозяйственных предприятий (от промыслово-охотничьих станций до коопзверопромхозов и госпромхозов); создать научную базу для планирования заготовок охотпродукции; разработать методы интенсификации производства пушнины и дичи (звероводство, пантовое оленеводство, дичеразведение, интродукция животных, биотехния).

Создание охотхозяйственного производства, пришедшего на смену разрозненному собирательству даров природы, потребовало прежде всего научно обоснованного планирования. Идея организации службы прогнозов «урожая» пушных зверей в 1932 г. была высказана профессором А. Н. Формозовым и в 1934 г. воплощена во ВНИПО (так тогда назывался ВНИИОЗ). Аналогом такой службы за рубежом было Бюро по изучению популяции животных при Оксфордском университете, возглавляемое известным экологом Ч. Элтоном. Деятельность этого Бюро была тесно связана с работой Компании Гудзонова залива — фирмы, ведущей заготовки пушнины в Канаде. Отечественная служба прогнозирования «урожая» пушных зверей по охвату территории, количеству входивших в нее научных структур (региональных отделений и опорных пунктов института), производственно-заготовительных звеньев системы Заготживсырьё Наркомзага СССР и охоткорреспондентов (в 1940 г. их было уже 5500 человек) значительно превосходила зарубежный аналог. На основании анализа первого в нашей стране опыта отраслевого эко-

охота

и охотничье хозяйство 8 1999

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

логического мониторинга была издана в 1941 г. «Методика прогноза изменений численности пушных зверей и воспроизводства их запасов» под редакцией профессора С. Наумова. В дальнейшем текущее (за 2—3 месяца до начала промыслового сезона) и долгосрочное прогнозирование осуществлялось и совершенствовалось в интересах заготовительных и плановых организаций нашей страны. В 1949 г. институтом (в то время ВНИО) издана «Инструкция по стационарному учету пушных зверей конторами и охотхозяйствами «Заготживсырье»» под редакцией И. Кириса. Создание государственного ведомства по управлению охотничьим хозяйством в России — Главохоты РСФСР с ее госохотинспекциями и егерями на местах — способствовало возникновению еще одной службы слежения за динамикой биоресурсов: в 1959 г. была образована группа биологической съемки при Окском госзаповеднике на базе 12 областей и автономных республик европейской части России. Важную роль в ее создании и развитии сыграли известные зоологи В. Теплов и С. Приклонский. На начальном этапе эта служба дополняла службу прогнозирования «урожая» пушных зверей в непромысловых регионах и в основном охватывала водоплавающих и лесных куриных птиц, вальдшнепа и копытных зверей. В 1985 г. она была реорганизована в Государственную службу учета при ЦНИЛ Главохоты РСФСР и существует поныне параллельно аналогичной службе при ВНИИОЗ.

Состояние охотоведческой науки неразрывно связано с судьбой обслуживаемой отрасли. Для последней в настоящее время характерны следующие тенденции: распад охотхозяйственных предприятий, необратимый в условиях рыночной экономики; переориентация государственных функций в сфере охотпользования с экономических на

социально-экологические; утрата прежних атрибутов отраслевой самостоятельности (производственных структур, управления, планирования, госзакупки продукции) и сохранение лишь функций государственного контроля.

Не менее важна, наряду с производством товарной продукции, и сфера услуг, или так называемая любительская охота. Здесь в слегка измененном виде сохранилась прежняя организационная структура, в обстановке деградации прежних форм промысловой охоты даже повысилась социальная значимость общественных объединений охотников-любителей, и прежде всего ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Но, к сожалению, и эта составляющая охотничьего хозяйства России лишена на ближайшее будущее оптимистических перспектив. Известно, что каждый из почти 15 млн охотников США способен тратить на охотничьи нужды такие суммы, которые обеспечивают ежегодно суммарный экономический эффект около 60 млрд долларов и создание 704 тысяч рабочих мест, при этом местные и федеральные бюджеты получают в виде налогов более 3 млрд долларов. В России так и не может сформироваться «средний класс», способный инвестировать охотничье хозяйство. Рассчитывать на бюджетные ассигнования также не приходится.

В этой ситуации невольно вспоминаешь наши надежды почти десятилетней давности. В моей статье «Судьба охотоведческой науки», опубликованной во 2-м номере нашего журнала за 1990 г., освещался опыт перестройки работы ВНИИОЗ применительно к новым экономическим условиям. Тогда казалось, что главные причины затруднений кроются в том, что стремящаяся к самофинансированию наука опережает производство, которое еще не освоилось от ведомственных административных и финансовых пут, и поэтому не имеет средств для научных разработок.

Институт же, привыкший обслуживать чиновничьи интересы ведомства, не доводит свои разработки до уровня, необходимого непосредственно производству, то есть до убедительной завершённой стадии, способной обеспечить спрос на рынке научно-технической продукции и услуг. Мы видели тогда путь к процветанию науки в создании научно-производственных объединений (НПО) и аналитических (сервисных) лабораторий в самом институте, в которых сосредоточивалось и эффективно использовалось дорогостоящее научное оборудование. Но жизнь оправдала далеко не все наши надежды.

Переходный период в экономике неизмеримо затянулся. Производственные структуры по мере освобождения от ведомственной зависимости попадали в жесткие кредитные и налоговые тиски и одна за другой отмирали или реорганизовывались. Они оказались нежизнеспособными в рыночных условиях не только по субъективным, но и объективным причинам, связанным со спецификой охотничьего хозяйства: диффузностью и динамизмом ресурсов, ограниченными возможностями их концентрации и интенсификации производства, приоритетностью естественных процессов воспроизводства. В обстановке выживания и стремления получить сиюминутную выгоду хозяйства стали искать альянса не с наукой, а с кредитно-финансовыми учреждениями. Насыщенные дорогим оборудованием, аналитические лаборатории стали жертвами хозрасчета среди внутренних подразделений института из-за амортизационных отчислений. Оборудование стало в тягость, фондоснащенность науки снизилась, у сотрудников, обладающих одной авторучкой, появилось больше шансов использовать заработанные средства на зарплату, чем у работающих с приборами.

Вместе с тем нельзя не упомянуть о положительных, обнадеживающих симптомах в жизни института. После распада Центросоюза СССР и утраты интереса к охотничьему хозяйству со стороны Центросоюза РФ институт вошел в состав Российской академии сельскохозяйственных наук и был сохранен как научное учреждение. Выход из ведомственного подчинения и вхождение в крупное научное сообщество способствовали большей самостоятельности института и повышению объективности его разработок. Однако уровень финансирования научной тематики из бюджета с 1993 г. и поныне не превышал 30 % от общего объема выполненных работ, 70 % институт зарабатывает самостоятельно за счет хоздоговорных научных разработок, грантов и предпринимательской деятельности. Основные средства института оцениваются в 15 млн руб., годовой объем выполненных работ составляет около 3,5 млн руб., численность работников 150 человек, в том числе 6 докторов и 30 кандидатов наук. Из 14 бывших отделений сохранилось 7, называемых теперь филиалами института. Сохранена и опытно-производственная база, функционирующая на хозрасчете или смешанном финансировании.

ВНИИОЗ выполняет довольно широкий спектр хоздоговорных работ, в том числе и лицензируемых, имея 8 федеральных и местных лицензий в области природопользования (кадастр, ОВОС, научное коллекционирование, проектно-изыскательские работы), издательской деятельности, ветеринарных и туристических услуг. При институте действует специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности «звероводство и охотоведение» (биологические и сельскохозяйственные науки). В 1998 г. ВНИИОЗ аккредитован Министерством науки и технологий РФ, принят в члены престижной Международной ассоциации агентств рыболовства и дичи.

В современных условиях распада охотхозяйственных предприятий, утраты отраслевой самостоятельности и интеграции охотпользования (охотничьего хозяйства) в комплексе АПК в ранге сельскохозяйственной подотрасли (наряду с пчеловодством, оленеводством, рыбоводством и т. п.), по-видимому, целесообразно внести коррективы в название ВНИИОЗ: не охотничьего хозяйства и звероводства, а охотоведения и звероводства. Это будет соответствовать фактическому смещению тематики от ведомственных эфемерных интересов в сторону «вечных» фундаментальных проблем природопользования, биологических и социально-экономических основ охоты. Думается, что наша страна, обладающая уникальными охотничьими традициями и возможностями, даже в условиях современного экономического кризиса и упадка науки может себе позволить иметь такой институт, тем бо-

лее что предмет его изучения — охота — древнейший вид человеческой деятельности, выходящий за рамки сугубо производственных (экономических) проблем.

Охота наряду с другими промыслами была традиционным занятием населения, игравшим существенную роль в экономике крестьянского подворья, а в жизни коренных малочисленных народов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей — одним из основных видов деятельности и частью их национальной культуры. Рассредоточенность и динамизм природных биоресурсов определялись исторически сложившиеся способы их освоения, гармонично сочетающие в себе возможности и потребности человека с естественным самовозобновлением ресурсов. Возрождение этой деятельности и ее модификацию в новых условиях следует считать одним из наиболее реальных (в современных условиях экономического упадка страны) путей восстановления товарной значимости этой сферы природопользования, к тому же и наиболее безвредным экологически. Идея смены парадигмы природопользования, высказанная профессором В. В. Дежнским (1999 г.), нами полностью разделяется, ибо она соответствует современной стратегии устойчивого развития, мудрому девизу «не навреди» и историческим традициям России.

Особого внимания заслуживает сейчас и в ближайшем будущем совершенствование методических и организационных основ ресурсного мониторинга. Объединение сил и модернизация в этой области охотоведения необходимы прежде всего потому, что периоды лихолетий всегда наносили ущерб биоразнообразию и генофонду биоты. Этот негативный процесс идет и сейчас, симптомы его очевидны. Не располагая достоверной информацией о тенденциях в динамике охотничьих ресурсов, данными индикации состояния экосистем, невозможно принимать правильные управленческие решения. Статическое состояние, чрезмерные монополизация и формализация этой службы не могут быть оправданы ни финансовым дефицитом, ни иллюзией методической чистоты учетных данных,

ни ведомственными амбициями. Необходимо создать на базе уцелевших охотоведческих учреждений и заповедников региональные центры сбора и обработки ресурсной информации, обеспечить конкурсный отбор проектов научных программ по методическим основам учета и мониторинга, как того требует упомянутая выше Концепция реформирования российской науки.

И еще одна проблема. Как в сельском хозяйстве невозможно добиться положительных сдвигов, только реорганизуя управленческие структуры и обходя интересы основного производителя — крестьянина, так и в охотничьем хозяйстве первоочередным объектом внимания должна стать фигура охотника во всей ее многогранности. Нынешняя неопределенность статуса охотника в социальном, экономическом, правовом, моральном аспектах сдерживает перестройку в охотничьем хозяйстве. Занятие охотой, труд охотника представляются и оцениваются с разных, иногда диаметрально противоположных позиций. Нередко формируется негативное общественное мнение об охотнике, что в определенной степени влияет и на директивные решения об охране фауны прежде всего от охотника. Наблюдается явный крен в сторону декретирования охранных мероприятий без опоры на массу организованных охотников как главную материальную силу для проведения в жизнь идей рационального природопользования.

Приходится констатировать, что в выработке основных принципов развития охотничьего хозяйства и охотоведения отсутствует согласованный подход. Многолетний опыт подготовки проекта Федерального закона об охоте, Концепции развития и научного обеспечения охотничьего хозяйства, других важных документов свидетельствует о непримиримых разногласиях, ведомственной амбициозности, попытках любым путем отстоять корпоративные интересы. В интересах дела необходимо быстрее найти взаимоприемлемые решения, принять основополагающие документы и, руководствуясь ими, остановить процесс разрушения охотничьего хозяйства и охотоведческой науки.

Фото А. Севастьянова

В защиту права собственности

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Конституция Российской Федерации, статья 2

В. ТЕМЕРОВ,
заслуженный юрист России

В нашу редакцию поступают письма, в которых читатели жалуются на неправомерные, по их мнению, изъятия охотничьего оружия, боеприпасов, и просят разъяснить действующее законодательство.

Так, читатель Бумансенко А. А. из Балахтинского района Красноярского края пишет, что, будучи членом общества охотников и рыболовов с 1980 года, приобрел охотничье ружье. В ноябре 1997 года в километре от места охоты он собрал его, за что с составлением протокола на него был наложен штраф штатным инспектором. В январе 1998 года он вновь был задержан охотинспектором, несмотря на то, что не было никакой добычи, при этом были отобраны ружье и документы. После уплаты им штрафа, охотинспектор предложил явиться через 15 дней за оружием и документами. Однако, когда он в назначенный срок явился в охотинспекцию, выяснилось, что его оружие и документы были переданы в органы МВД другого, Новоселовского района, а оттуда — в Красноярск. И до сих пор он их не может получить. Читатель просит разъяснить, насколько правомерны действия охотинспектора и может ли он обратиться за защитой своих прав в суд.

Исходя из изложенных обстоятельств, следует признать, что имели место определенные, хотя и не столь тяжкие, нарушения правил охоты. За что виновный был обоснованно подвергнут штрафу, о чем были составлены протоколы.

Однако дальнейшие действия должностных лиц свидетельствуют о грубом нарушении прав и законных интересов охотника. В соответствии со ст. 256 КоАП, дела о нарушениях правил охоты должны рассматриваться по месту их совершения, и в связи с этим передачу оружия в органы МВД другого района, и тем более пересылку в краевой центр, можно считать неправомерными.

Охотинспектор обязан был при составлении протокола подробно указать, какое именно оружие и документы им изъятые, с указанием системы и заводского номера, и передать все это, до рассмотрения дела в инспекции, в местное отделение милиции на ответственное хранение под расписку дежурного. При этом инспектор обязан был подробно разъяснить охотнику его права, к примеру, что он может знакомиться с материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и др., о чем в протоколе должна быть отметка.

В данном случае рассмотрения дела (судя по письму) вообще не было, а оружие необоснованно отправлено в краевой центр. Нарушен предусмотренный кодексом об административных нарушениях процессуальный порядок рассмотрения дел.

В результате этих нарушений охотник превратился по существу в потерпевшего, поскольку его незаконно лишены права владеть и распоряжаться своей собственностью.

Вместе с тем следует признать, что существующие противоречивые положения в действующем законодательстве вносят путаницу в действия должностных лиц при решении вопроса о судьбе изъятых у нарушителя оружия.

Так, например, ст. 85 КоАП и п. 2, ст. 243 ГК РФ предоставляют должностным лицам госохотинспекции право применять в качестве дополнительной меры наказания за нарушение правил охоты конфискация оружия и боеприпасов. Однако эти положения не могут применяться на практике, поскольку противоречат ч. 3, ст. 35 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда».

Исчерпывающие разъяснения по этому вопросу даны в постановлении Конституционного суда РФ от 11.03.98 г. № 8-П «О проверке конституционности ст. 226 Таможенного кодекса РФ, ч. 2, ст. 85 и ст. 222 КоАП».

Конституционный суд постановил признать не соответствующими Конституции РФ ее ст. 35 (ч. 1 и 3); ч. 2 ст. 85 и ст. 222 КоАП — в той мере, в какой они допускают применение конфискации без судебного решения. Предусмотренная ч. 2, ст. 85 КоАП конфискация, во всяком случае, может применяться только в судебном порядке.

Постановление Конституционного суда РФ окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

Таким образом, Алексей Андреевич, лишить Вас права собственности на охотничье ружье в административном порядке нельзя.

Вместе с тем следует отметить, что органы МВД за нарушение правил охоты имеют право изъять оружие и аннулировать разрешение на его хранение и ношение в случаях, строго предусмотренных ст. 26 и 27 Федерального закона «Об оружии», с соблюдением при этом необходимой процессуальной процедуры.

Так, например, предварительно нарушителю должно быть направлено письменное предупреждение, в кото-

ром указываются, какие именно конкретные нарушения им были допущены, и назначен срок для их устранения. Только в случае невыполнения этих указаний может быть рассмотрен вопрос об аннулировании разрешения. Причем это решение может быть обжаловано в суде.

Судя по всему, такого предупреждения не направлялось и оснований для изъятия оружия и аннулирования разрешения не имелось.

Следует также иметь в виду, что аннулирование разрешения не означает безвозмездного изъятия ружья. Собственник оружия в этом случае имеет право им распорядиться по собственному усмотрению — продать его или передать в установленном порядке другому лицу.

В случае неправильной конфискации или изъятия, пострадавший имеет право требовать возвращения принадлежавшего ему имущества, возмещения убытков, в том числе и за моральный ущерб, путем предъявления судебного иска к соответствующим учреждениям и должностным лицам.

В защиту прав и свобод охотника

Уважаемая редакция! Я — председатель правления Новокубанского районного общества охотников и рыболовов, по поручению Совета (на учете состоит 1670 членов общества) убедительно прошу разъяснить охотникам порядок хранения охотничьего оружия.

В последнее время у нас (уверен, что не только у нас) возникают конфликтные ситуации с работниками разрешительной системы УВД, РОВД и т. д. Мы считаем, что работники милиции предъявляют требования к условиям хранения охотничьего оружия не в соответствии с законом об оружии, принятым Государственной думой 13 ноября 1996 года.

Работники милиции предлагают, вернее требуют выполнения (обязательного) следующих условий.

Охотничье нарезное оружие должно храниться в сейфе, который прикреплается к полу, стене. Толщина стенок сейфа должна быть не менее 4 мм, сейф должен иметь два внутренних замка.

Охотники, имеющие нарезное оружие, обязаны установить сигнализацию с выводом ее на ПЦН вневедомственной охраны, за что, естественно, взимается ежемесячная плата — 70—80 р.

В комнате, где стоит сейф, на окна обязательно должны быть решетки. Входная дверь должна быть укреплена (как, не знаю).

Если хотя бы одно из этих условий не выполнено, о продлении срока действия разрешения можно не мечтать.

За годы так называемых реформ на охотника идут гонения буквально со всех сторон. Охотник обязан платить членские взносы, обязан пройти медкомиссию (платную), одновременно он проходит медкомиссию и для техосмотра. Врачи одни и те же, но, увы, платить надо дважды. Сейчас вводятся обязательный экзамен по охотминимуму, который будут принимать представители охотуправления при администрации края. За это «удовольствие» члены общества опять-таки обязаны уплатить один-полтора минимальных оклада. При получении лицензии обратно необходимо сдать экзамены по правилам безопасности обращения с оружием (конечно, платные). За лицензию тоже надо платить. Плюс к этому, по постановлению администрации края, за регистрацию ружья снова выкладывая деньги. За отстрел нарезного оружия при перерегистрации обратно плати, и так до бесконечности. Охот-

ника обложили со всех сторон как волка в окладе.

В законе об оружии сказано, что если нет противопоказаний к владению оружием, то любой гражданин России вправе приобрести пять единиц нарезного оружия, пять единиц гладкоствольного (ст. 13). Но сейчас гораздо легче на рынке автомат купить, чем получить лицензию на нарезное оружие рядовому охотнику.

Уважаемая редакция! Знаю, у всех охотников России одни и те же проблемы. Задайте вопрос начальнику разрешительной системы РФ о порядке хранения охотничьего оружия, нужны ли: сигнализация, решетки на окна, сейфы толщиной не менее 4 мм. За что и сколько должен платить охотник, и как все эти требования увязываются с законом об оружии.

Если бы было объяснение в журнале за подписью начальника разрешительной системы России или его заместителей, это сразу прекратило бы все недоразумения между охотниками и работниками милиции. Ведь в нашей стране уничтожают самых законопослушных ее граждан.

В. ВЕРГУЛЕНКО
г. Новокубанск Краснодарского кр.

В защиту прав потребителя

В конце сентября мы с приятелем Вадимом и верными помощниками — спаниелем и ирландским сеттером приехали на охоту по приглашению знакомого егеря в угоды под городом Переславль-Залесский. Места там богатейшие, и мы надеялись хорошо поохотиться. Но погода внесла свои поправки. Утром вышли на улицу и ахнули: трава и земля белые — заморозок, а на термометре минус 6. Хотя и рановато холодам. Решили не спешить — пусть немного отпустит, и земля и болотца оттают. Так и поступили, хотя большой пользы от этого не было. Всякая разная дичина куда-то исчезла, и мы ходили впустую, хотя собаки работали очень хорошо — старались, но когда дичины нет...

Егерь тоже взял спаниельку, которая поразила меня своей работоспособностью. Три охотника и три собаки, и ничего! Тоскливо. А перед этой охотой я приобрел два десятка патронов «Байкал» с пятым номером дроби, и десяток взял с собой, думал, что пострелять придется... Предулыщая партия патронов «Байкал» тоже с пятеркой отлично себя показала, и резкость, и кучность были что надо. В общем налетаи и вылетаи дичина!

Часа в два дня подошли мы к большому карьеру, обильно заросшему всякой водяной растительностью. Здесь, по словам егеря, всегда утки держались. Вадим со спаниелем пошли в обход карьера, а мы с егерем остались на

этом берегу в камышах, метрах в два друг от друга. На всякий случай в верхний ствол Меркеля вставляю свой патрон с четвертым номером дроби в контейнере, а в нижнем оставляю пятерку. Проходит минут 10 — выстрел, второй, и из камыша поднимается стая кряковых, растягивается цепочкой и идет на меня, невысоко! Решаю стрелять по уткам в штык, вторым в угон. Ловлю налетающего селезня стволами, закрываю, давлю на спуск. Чик. Осечка! Моментально поворачиваюсь — грохот выстрела, селезень складывается и шлепается в небольшое болотце за мной. А Вадим стреляет еще раз, и новая стайка уток опять идет на меня. И опять осечки! Провожая глазами уходящую стаю...

Так Меркель меня никогда не подводил, не понимаю, что случилось. Такой шанс был... и всего одну утку взял, а мог бы еще пару-тройку матерых! Все, проехало. Вернее, пролетело. Рассматриваю осечные патроны — капсюли еле наколоты. Неужели что-то с пружинами? Вставляю снова патроны в стволы, навожу их на воду — осечки! Иду и подбираю селезня — хорош, тяжелый и почти перелинял. Хоть какое-то утешение.

Подходит егерь и спрашивает, почему стрелял только один раз, ведь так хорошо утки налетели. Рассказываю все как было и показываю патроны. Он заряжает ими свое ружье и... тоже осечки! Несколько попыток ничего не

дали. Я успокаиваюсь — не в пружинах дело, а в капсюлях. Из какого металла их дяди делали? И чем может обернуться дело с таким браком на серьезной охоте? Это же просто преступление выпускать такие изделия! А не очень давно, в № 6 за 1998 г. журнала «Охота и охотничье хозяйство», прочитал статью Ю. Алексеева «Сунар-магнум» о пулевом патроне. «С прекращением выпуска капсюля-воспламенителя «Жевело» с латунным корпусом в городе Муроме у российских охотников не стало надежного капсюля. Практически все виды охотничьих КВ, выпускаемые в России, могут быть охарактеризованы как нестабильные и ненадежные». Вот так-то! Не дай вам бог, охотники, приобрести патроны с такими капсюлями. Я лично перешел на патроны «Тайга». У них новый вид капсюля.

Ю. ШЕВЯКОВ, г. Москва
От редакции. Не первый раз охотники жалуются на осечки, происходящие при использовании патронов с капсюлями «жевелло», изготовленными Муромским приборостроительным заводом, корпуса которых изготавливаются не из латуни, а биметалла, т. е. стали, покрытой тонким декоративным (примерно 0,05 мм) слоем меди. Эти капсюля требуют более сильного удара бойка, чтобы промять металл и заставить сработать капсюльный состав. Эти капсюля продолжают выпускать, а отсюда такие неприятности постоянно сопровождают охотников.

М. БЛЮМ

В. ПАЖЕТНОВ

Фото автора

«Осторожно! Тут медведи!»

Крупные хищные млекопитающие всегда привлекали особое внимание человека. В далеком прошлом эти звери выступали его серьезными противниками и конкурентами. Те времена давно прошли, человек переселился из диких лесов в благоустроенные дома, научился производить корма и устраивать свою жизнь в соответствии со своими потребностями, придумал оружие, позволяющее ему с безопасного для себя расстояния добывать любых животных и разрушать целые экосистемы. Но в глубине души у людей осталась тонкая ниточка связи с дикой природой и ее обитателями, та самая связь, которая роднит их с первозданным миром, породившим челове-

диких животных для дальнейшего коммерческого использования с целью привлечения зрителей — это зоопарки, цирковые артисты, уличные поводыри, фотографы, кинематограф. При этом роль зоопарков особая: кроме показа животных посетителям они осуществляют большую просветительскую и научную работу.

В России не существует деятельности, направленной на добычу детенышей крупных хищников, кроме специальных отловов для содержания в неволе. Некоторое исключение составляет добыча волков на логовах, но желающих содержать дома волка немного. Поэтому детенышей этого зверя обычно сразу уничтожают с целью сокраще-

МЕДВЕЖАТА - СИРОТЫ

ство. И живет в каждом человеке потребность общения с окружающим, еще сохранившимся от техногенного разрушения, миром дикой природы. Эта потребность выражается в страсти охотника и необыкновенной терпеливости рыбака, в отчаянной целеустремленности туриста и яркой радости ребенка, посетившего зверинец или обычный городской парк. По этой же причине люди подбирают и несут в свой дом нуждающихся в их помощи собак и кошек, которые нередко становятся полноправными членами семьи и платят своим хозяевам преданностью и любовью.

Чувство сострадания, зачастую перемешку с чувством гордости и тщеславия, заставляет людей подбирать и диких животных-сирот. Иногда люди проявляют исключительное упорство в стремлении отловить какого-нибудь зверька, совершенно не задумываясь о дальнейших последствиях при его содержании. Так появляется и продолжает существовать извечная проблема необходимости уничтожения или пожизненного содержания в заключении той части диких животных, которые попадают к человеку в плен. Другого пути в их прошлом не существовало, не существует пока и в настоящем. Наиболее яркий интерес люди проявляют к детенышам крупных хищников. Это и понятно: одно дело — держать в доме собаку, даже самой престижной породы, совсем другое — потешить себя, на зависть другим, содержанием тигра, медведя или волка.

Детеныши-сироты крупных хищных млекопитающих в раннем возрасте теряют мать по разным причинам. Как правило, причиной их сиротства является человек. Приобретение беспомощного зверька обычно вызывает у человека высокие чувства ласки, нежности, заботы и любви, и люди охотно берут сирот «на воспитание». Лишь немногие содержатели приобретают

ния численности вида, признаваемого вредным для народного хозяйства. Тигр — зверь особо охраняемый, весьма опасный, и возможность появления у людей детенышей этого зверя маловероятна. Другое дело — медведь. Повсеместно в нашей стране на этого зверя проводится охота, и появление у людей медвежат в возрасте от рождения до трех месяцев — явление нередкое.

В течение столетий формировались традиции добычи буроого и гималайского медведя на берлоге. При этом сложились определенные правила, которые предусматривали добычу всех зверей, находящихся в одной берлоге. Так, если в берлоге оказывалась медведица с лончаками (медвежатами второго года жизни), отстреливали всех зверей, если новорожденные — их забивали. Считалось, что лончаки без матери до весны все равно не выживут, а новорожденные зачастую не бросают на верную смерть даже браконьеры — жалеют малышей, хотя рискуют при этом быть уличенными в браконьерстве. И появляются медвежата-сироты.

Мне пришлось работать в Приморье, в Восточной Сибири, в Европейской России. Положение с медвежатами-сиротами везде одинаковое. Обычно их содержат до осени, а потом забивают на мясо. Забавный, пушистый и милый малыш вскоре становится упрямым, требовательным, а порой и злобным вымогателем, вот и стараются от него освободиться любым способом. И освобождаются. Если самому убивать жалко, пытаются куда-нибудь определить: в зоопарк, зооцентр, детский лагерь или в училище, кому угодно и куда угодно, лишь бы поскорей избавиться от взрослого «террориста». Нередко медвежат завозят подальше в лес и «выпускают на волю». При этом люди проявляют явное лицемерие, так как наверняка знают, что выросший у человека медведь жить в лесу не станет,

обязательно пойдет к людям за кормом. И еще, медвежата, как все дети, крепко запоминают оказанное им ласковое обращение и в этой связи будут упорно искать возможности контакта с человеком даже в том случае, если будут сыты. Не хлебом единым довольствуются не только люди!

Человек, выпустивший в лес своего бывшего любимчика, с «чистой» совестью уезжает домой — он сделал все что мог. Что дальше произойдет с медвежонком в самом скором времени, кто его пристукнет на ближайших задворках человеческого жилья, это уже вовсе неважно — «не на моих глазах». Кто-то из медвежат-сирот остается жить у человека в клетке. Жалкое, грязное существование красивого лесного зверя

свою хозяйственную деятельность в лесу и медвежата-сироты продолжают появляться. Они будут всегда до тех пор, пока популяции медведей будут существовать в природе. Много раз предпринимались попытки вернуть медвежат-сирот после выкармливания обратно в лес, на волю. Почти все они оканчивались неудачей. Так было до настоящего времени.

В последние 30 лет в Центрально-лесном заповеднике были проведены работы по изучению экологии и поведения бурого медведя, в том числе по формированию поведения в эксперименте с медвежатами-сиротами. Исследование позволило предположить возможность выпуска медвежат-сирот на волю после специального их выра-

специалист я знаю, что другого метода, способного удержать медведя на расстоянии от человека, не существует. Медведь — крупный, хорошо вооруженный и опасный для здоровья и жизни человека зверь. Только страх по отношению к человеку и следам его жизнедеятельности, сложившийся у медведя в процессе филогенеза и поддерживаемый охотой на него, обеспечивает человеку безопасность в угодьях, заселенных медведем. И самому медведю страх сохраняет жизнь, так как дикие звери, которые не проявляют страха по отношению к людям, вскоре погибают по вполне понятным всем причинам».

Методика предусматривает выпуск на волю медвежат-сирот после достижения ими возраста семи месяцев. А в дикой природе медведица ходит со своим потомством до полутора лет. Медвежата находятся под опекой матери в продолжение всего лета, осени, а на зиму вся семья ложится в одну берлогу. При этом медвежата имеют возможность через реакцию подражания обучаться у матери, наблюдая за ней и копируя ее поведение. Так, например, было замечено, что, когда медведица кормится, медвежата лезут к ней под самую морду. Дрессировщики давно заметили и широко используют в своей работе также то, что медведи могут обучаться всевозможным трюкам быстрее, если будут видеть, как это делает уже обученный медведь. Важнейшим приспособлением в жизни медведя является удивительная способность переживать зимний бескормный период в убежище-берлоге в состоянии сна.

Медвежата обязательно должны знать, где и как построить берлогу, и могут получить такой урок только у своей матери. Самостоятельная жизнь у диких медвежат начинается вскоре после того, как медведица выйдет из берлоги со своими медвежатами-второгодками — лончаками. К этому периоду медвежата, действительно, проходят полную школу обучения в пищевом, оборонительном, территориальном, гнездостроительном (часть оборонительного) поведении и обладают достаточно высокой жизнеспособностью. Полный набор социального, полового и хищнического поведения у медведей формируется в более зрелом возрасте, когда они ведут одиночный образ жизни. Подготавливаемые для выпуска на волю медвежата-сироты лишены возможности опеки со стороны матери, всецело завися в раннем и детском возрасте от человека. В период выращивания, контактируя с дикой природой, они вынуждены всему обучаться самостоятельно. Насколько это оправдано и будет ли их поведение таким, чтобы медвежата смогли выжить в довольно жесткой естественной среде после выпуска на волю? Ведь они должны уметь не только самостоятельно прокормиться, но также научиться избегать возможные опасности, ориентироваться на местность, накопить

Кормление медвежат-сирот

на подачках. И живет медведь до поры до времени, сдавленный крепкой железной решеткой, ест, спит, потом отупело мотается у решетки из стороны в сторону, безразлично смотрит сквозь досужих посетителей в далекую даль.

Вовсе безобразно содержание медведей на цепи. Обычно на цепи держат медведей различные поводыри. При этом у подростка медведя цепь чаще всего крепится не за ошейник, а за кольцо, продетое в верхнюю губу. С таким креплением человеку легче управлять зверем. У медведя вырабатывается необратимая, так называемая «внутри-семейная» связь с человеком, как с медведицей-матерью, через запечатление различных сопровождающих человека запахов, звуков, образов и через пищу. И в какие бы условия ни попадал такой медвежон, в любом возрасте после содержания у человека, он будет безоглядно стремиться к контактам с людьми.

Как и прежде, охота на медведей продолжается, люди не прекращают

выращивания. Была разработана и сейчас успешно применяется на практике методика реабилитации медвежат-сирот. Эта работа проводится на Торопецкой биологической станции заповедника «Чистый лес». Начиная с 1990 г. на этой станции вырастили 61 и выпустили на волю 49 медвежат-сирот. В разные годы по разным причинам в период содержания на биостанции погибли 12 медвежат.

Первый вопрос, который задают люди при обсуждении этой работы: «Выживут ли эти медвежата после выпуска на волю?» Второй: «А вам не жалко, что выкормленного вами медведя убьют охотники или браконьеры?» Чтобы не уходить от этих вопросов, можно ответить сразу: «Выпущенные на волю после специального выращивания медвежата-сироты обладают достаточно высоким уровнем выживания, и у них есть шанс начать обычную для диких медведей жизнь». И на второй вопрос: «Мне жалко всех медведей, которых отстреливают люди, но как

необходимые для зимовки жировые запасы, построить берлогу и успешно пережить зиму. И только на следующий год, с весны, они уже выступают по отношению к естественной среде на равных правах с дикими медведями-второгодками. Эти и многие другие вопросы не раз возникали в период работы с медведями-сиротами.

В начале работы с медведятами в возрасте старше трех месяцев практиковались многодневные экскурсии в естественные угодья с одним и тем же человеком. При этом образовывалась как бы «семья», где человек выступал в качестве «матери», а со стороны медвежат связь поддерживалась через реакцию следования. При этом медвежата запечатлевали индивидуальный запах человека. Индивидуальный запах других людей вызывал у них реакцию избегания. Человек определял маршрут передвижения и угодья, в которые считал необходимым водить медвежат. Со стороны человека не предпринималось каких-либо действий, направленных на обучение медвежат, и пресекались всякие попытки детенышей к прямым контактам (прикосновение, игра и т. п.). Было выяснено, что медвежата в период посещения ими естественных угодий самостоятельно обучаются разыскивать и поедать многие виды растительной и животной пищи. При этом необходимо отметить, что в разных группах медвежат-сирот в разные годы предпочтение отдавалось одним и тем же пищевым компонентам, именно тем, которые поедают дикие медведи. В конце июня, в возрасте старше пяти месяцев, медвежата перестают быть зависимыми от подкормки человека, поедают более 30 видов растений, добывают личинки короедов, раскапывают муравейники, разоряют гнезда ос и мышей. К шестимесячному возрасту они обретают самостоятельность, то есть их поведение обеспечи-

вает им самостоятельное выживание в дикой природе.

Специально выращенные медвежата-сироты обладают сформировавшимся пищевым и оборонительным поведением, на естественных кормах накапливают необходимое для успешной зимовки количество жира, без всякого научения строят такую же, как и дикие медведи, берлогу и спят в ней до весны. А с весны начинают жизнь практически на равных с дикими медведятами того же возраста: в конце весны — начале лета семьи медведей распадаются. Только бывшие сироты уже имеют опыт самостоятельной, очень непростой лесной жизни, а медвежатам-лончакам «от мамы» такой опыт еще нужно приобрести.

Насколько трудна и опасна самостоятельная жизнь у шестимесячных медвежат сразу после выпуска, сказать однозначно нельзя. Во-первых, угодья по кормности и защитности бывают разными — кто в какие угодья попадет. Во-вторых, важно, кто из медвежат и кому попадется на глаза: тигру, волку, медведю, стае бродячих собак, мародеру или пасечнику. В-третьих, кто и как из диких медвежат сумеет выпутаться из ситуации, которую ему уготовила судьба. Дикая жизнь прямолинейна в своей простоте одинаково для всех и компромиссы в ней — явление, отнюдь не частое. Кто-то погибнет, кто-то выживет. Большинство специально выращенных медвежат-сирот после выпуска на свободу выживают до весны. Практика это подтверждает. Все выпускаемые на волю медвежата помечены ушной меткой, на которой указан индекс почтового отделения, куда такую метку можно отослать, не называя своих данных, то есть инкогнито. Сделано это в расчете на то, что метку может отправить лицо, добывшее медведя незаконно, так как для работы чрезвычайно важно знать судь-

бу выпущенных на волю медвежат-сирот. Отдельные медвежата-сироты регистрировались нами в течение последующих лет. Один медведь в возрасте 3 лет 8 мес был добыт охотниками по лицензии в 120 км от места выпуска.

Важнейшим достижением в работе с медведятами-сиротами является тот факт, что мы не располагаем сведениями, подтверждающими выход медвежат после выпуска к людям. Исключение составляют 4 случая. Все они произошли в течение 10—30 дней после выпуска и объясняются нарушениями в методике содержания медвежат в период специального выкармливания.

Итак, о прошлом и настоящем медвежат-сирот, то есть тех детенышей лесных медведей, которые попадают к человеку в раннем возрасте, можно сказать однозначно — все они потенциальные смертники без перспектив на свободу. Других путей нет. По крайней мере они мне неизвестны. Есть ли у таких медвежат будущее? Может быть, если люди сумеют приложить усилия к тому, чтобы предложить этим сиротам возможность проживания в жесткой, но родной, естественной для них среде. Может быть, если подарить им свободу, — и не сомневайтесь, диким зверям свобода дороже дармового хлеба! Может быть, если люди проявят гуманность, используют уже накопленный опыт выращивания медвежат-сирот, приложат усилия к проведению специальных работ по выпуску их на волю. У таких медвежат-сирот появится шанс начать вольную жизнь медведя, шанс на будущее.

Под этим камнем может быть что-нибудь съедобное

Во время посещения естественных угодий медвежата самостоятельно обучаются разыскивать растительную и животную пищу

Медвежата легко взбираются на деревья

НОВАЯ САМОЗАРЯДКА

MP - 151

К отечественным самозарядным ружьям добавилась еще одна модель Ижевского механического завода, созданная на базе помпового ружья ИЖ-91. Ружье MP-151 имеет газоотводный механизм с кольцевым газовым поршнем, перемещающимся по наружной поверхности трубки подствольного магазина, рассчитанного на заполнение четырьмя патронами. Однако если к магазину пристроить имеющийся в комплекте удлинитель, то его емкость увеличивается до семи патронов. Припаянная к стволу стойка, располагающаяся под стволом примерно посередине, является газовой камерой, которая с трехпозиционным газовым регулятором позволяет производить перезарядку при стрельбе различными по мощности патронами.

При выстреле часть газов через отверстие в стволе после прохождения порохового пыжа попадает в газовую камеру и, воздействуя на газовый поршень за счет расположенных с двух сторон ствольной коробки тяг, давит на ползун, который перемещает затвор назад, а клин затвора в определенный момент подается вверх и заходит в паз ствольной муфты, за счет чего ствол оказывается прочно соединенным с затвором. Патронник надежно закрыт, и пороховые газы при выстреле будут перемещаться только по стволу к дульному срезу, производя необходимую работу. Все детали, соприкасающиеся с пороховыми газами при выстреле (внутренняя поверхность патронника и канала ствола, а также газовая камера, поршень, обтюрирующее кольцо и втулка газового переключателя), покрыты хромом для защиты их от поверхностного разрушения и увеличения срока службы.

Следует обратить внимание на то, что затвор несколько облегчен, а это способствует более легкому отпиранию системы после выстрела за счет уменьшения потерь энергии.

Разработаны эти ружья в 1998 г., а их серийное производство запланировано в 1999 г. со стволами длиной 600 мм (цилиндрическая сверловка), 700 и 750 мм (получоковая и чоковая сверловки) под патроны с длиной гильзы 70 мм и максимальным давлением 663 кг/см². Вес ружья от 3,5 до 3,6 кг. Длина ружья с самым длинным стволом 1290 мм.

После выстрела вся подвижная система перемещается назад, под воздействием своей пружины отсекатель поворачивается и патрону открывается путь на лоток, который и подается на

него под воздействием пружины магазина. В конце подачи патрона на лоток им отжимается задний конец отсекающей, за счет чего происходит прекращение движения патронов, оставшихся в магазине, а подающийся патрон фиксируется упором от дальнейшего перемещения назад. После расходования патронов затвор остается в заднем открытом положении, поэтому при необходимости можно рукою бросить патрон в окно ствольной коробки.

Конструкция ударно-спускового механизма мало чем отличается от ударно-спускового механизма помпового ружья ИЖ-81. В самозарядном образце не требуется задержка затвора в крайнем переднем положении для исключения случайного отвода его назад без производства выстрела. Поэтому этот механизм отсутствует. Сам же ударно-спусковой механизм имеет курок и собран на отдельной плате, которая вынимается из ствольной коробки после выталкивания двух ошей.

Чтобы отделить ствол после снятия цевья, необходимо оттянуть затвор назад за рукоятку на 10–20 мм. Затем вынуть две оси крепления ударно-спускового механизма к ствольной коробке и извлечь его из ружья. Для извлечения и разборки затвора следует, нажимая рукой на поршень, отвести затвор немного назад (и отжать выколоткой и сдвинуть), а находящийся снизу в пазу затвора задний конец стебля рукоятки перезарядки отжать выколоткой и сдвинуть вперед. После этого, удерживая рукоятку перезарядки, отвести назад затвор, нажимая на поршень, до выхода рукоятки перезарядки из паза затвора и коробки. Для разборки газового регулятора совместить паз на кольце регулятора с выступом на газовой камере, после чего снять кольцо. Затем снять фиксирующие втулку регулятора полукольца и вытолкнуть ее назад через газовую камеру.

Можно только приветствовать ижевских оружейников, которые теперь начнут конкуренцию с газоотводкой Тульского оружейного завода. Дальнейшее совершенствование этого нового образца также придает уверенность в том, что ружье будет иметь спрос среди наших охотников. Во-первых, можно заказать ствол любой из указанных длин со сменными дульными сужениями, а во-вторых, вскоре будет создан образец под патрон 12x76 с отъемным корбочатым магазином.

М. БЛЮМ

НОВОСИБИРСКИЙ ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК

Новосибирский зоологический парк основан в 1947 г. В настоящее время в нем содержится около 4000 особей 399 видов животных. Более 120 видов занесены в Международную Красную книгу. Около 180 видов — в Красную книгу России и СНГ. На 38 видов ведется Международная Племенная книга. Коллектив зоопарка участвует в 32 международных программах по сохранению редких и исчезающих видов животных; состоит в трех международных союзах: ЕАЗА (Европейская Ассоциация Зоопарков и Аквариумов), ЕАРАЗА (Европейско-Азиатская Региональная Ассоциация Зоопарков и Аквариумов), международного союза Директоров (из зоопарков России Новосибирский является единственным, который принят в этот союз). Включен он и в международную компьютерную программу.

Новосибирский зоопарк добился определенных успехов в сохранении и размножении редких и исчезающих видов. Так, за последние 20 лет в зоопарке получено потомство от рысей — более 150 особей, от персидских леопардов — 64, от речной выдры — более 120, от различных мелких кошек — более 700, от снежного камчатского барана — 20, от различных видов журавлей — 20, от попугаев — более 2000 особей.

Благодаря усилиям коллектива зоопарка ведется огромная научная работа по спасению редких видов животных нашей планеты. Сотрудниками зоопарка опубликовано более 50 научных работ по содержанию, размножению и постнатальному развитию редких и исчезающих видов животных. Впервые в мировой зоологической практике в нашем зоопарке получено потомство от речной выдры, перьявки, азиатской дикуши, пугоранского барана...

Только в Новосибирском зоопарке из всех зоопарков мира содержится аргали и пугоранский баран.

Кроме научной зоопарк ведет большую просветительскую работу.

Ежегодно зоопарк посещают более 700 000 человек.

И. Федорищев
Фото автора

Черный гриф
В новом зоопарке
Водные процедуры
В поисках корма
Лама

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

Петр Александрович МАНТЕЙФЕЛЬ

С. КОРЫТИН, профессор,
доктор биологических наук

О Петре Александровиче Мантейфеле писалось не так уж мало, и все-таки образ выдающегося ученого, педагога и человека нарисован общо, без желаемой детализации. Время безжалостно, все меньше остается людей, кто знал его лично и общался с ним. Предлагаемая статья наряду с известными фактами содержит и крупницы новых сведений о Петре Александровиче.

Не было случая, чтобы на лекциях профессора Мантейфеля кто-то заснул, хотя среди охотоведов гуляк имелось немало (когда коллеги дотопывались, как ему удается достичь этого, он говорил, что некоторые студенты спят, как зайцы, — с открытыми глазами). Его умение владеть аудиторией загадочно. Внешне лекции казались обыденными. На кафедре выходил мощный, высокий, немного сутуловатый старик с бородой и усами и, не имея с собой никаких конспектов и бумажек, глуховатым, прокуренным голосом начинал рассказывать настолько интересно, что услышанное не забывалось, несмотря на почти полное отсутствие научных терминов и цитат, жестикуляции и других внешних эффектов. Находились скептики, называвшие его лекции «сказками». Но удивительное дело: по прошествии нескольких десятилетий конспекты лекций многих блестящих преподавателей Московского пушно-мехового института кажутся скучными и бесконечно устаревшими, а тетрадки лекций Мантейфеля, несмотря на внешнюю простоту, читаешь с напряженным интересом. Его влияние на студентов и коллег было весьма сильным. Студенты любили Петра Александровича, звали его «Дядей Петей» или сокращено «ПАМ».

Лекции Петра Александровича отличались новизной: не пересказ учебников, а факты, собранные его учениками, результаты собственных наблюдений и экспериментов, свои мысли и гипотезы. Кроме того, они были пособием любознательному студенту, попавшему после института в медвежий угол, но не потерявшему интереса к науке. Говоря о биологии какого-либо зверька или птицы, П. А. Мантейфель всегда указывал, какие вопросы не изучены или слабо изучены, что в них запутано и как надо приступить к делу, чтобы

внести ясность, получить новые знания. Такие места в его лекциях я подчеркивал синим карандашом, а отвлечения и шутки — красным. Красный цвет мелькал на каждой странице, а синий иной раз занимал и половину ее.

Петр Александрович великолепно знал живую природу, и не по учебникам, а в натуре. На практических занятиях и экскурсиях со студентами он не только безошибочно определял растения, голоса птиц, но и мастерски подражал им. Мог изобразить самца, самку, даже голос птенца-слетка. Нередко подозванная птица прилетала чуть не вплотную к оторопевшим студентам. И это умение казалось волшебством. Кабинетным ученым такое было не по силам.

П. А. Мантейфель во все времена относился к естественному поведению животных с величайшим вниманием и был великолепным знатоком его. Известна такая история. Дикие козлы и бараны в первые месяцы жизни внешне сходны между собой. Чтобы разделить по видам отловленный охотниками молодняк, скопившийся в Зооцентре, его сотрудники обратились к известному московскому профессору — знатоку копытных. Он соглашался, если ему будут предоставлены черепа этих зверей, поскольку только они имеют четкие видовые отличия. Тогда пригласили Петра Александровича. Он давал каждой животинке... окурок: если съела — козленок, если отвергала — барашек. Впоследствии «диагноз» подтвердился полностью. Основой разделения послужило различное отношение козлов и баранов к табаку и другим растениям, содержащим алкалоиды.

У Петра Александровича была мужицкая крепость языка, никаких украшательств, ничего лишнего. И часто словечки использовал если не простонародные, то незатертые. Так, например, вместо «навряд ли» он говорил «навряд». Когда я сказал ему о своем желании попробовать ловить зверей с помощью снотворных приманок, он почесал в затылке и сказал: «Ну, воронто, может, и наловишь, а зверей навряд...» В его лекциях было много юмора и, я бы сказал, поэтической зоркости взгляда.

Лекции Петра Александровича несли

П. А. Мантейфель (1882—1960)

не только знания: они будили в охотоведах мысль, интерес к науке, живой природе, учили мыслить трезво и в то же время смело и дерзко, не преклоняясь перед авторитетами, презирать наукообразие во всех его формах. Научная дерзость — характерная черта самого П. А. Мантейфеля, и он привил ее своим ученикам. Может быть, это часто осуждаемое качество отчасти и послужило залогом успехов его школы. В то же время Петр Александрович преподавал основательность в научных исследованиях, постоянно ратовал за проверку наблюдений, получаемых в природе, путем постановки экспериментов, в том числе и на животных, содержащихся в неволе.

Лекции П. А. Мантейфеля несли также и нравственный заряд: они воспитывали сплоченность, честность и порядочность, энтузиазм в служении дикой природе. Своим поведением Петр Александрович являл достойный пример для тех студентов, душа которых была открыта добрым воздействиям. Среди романтически настроенных охотоведов таких было немало. И поскольку любимым учителям их ученики осознанно и неосознанно подражают, в жизни передавалась не только научная, но и нравственная эстафета. Среди мантейфельской школы почти не было оступившихся в моральном плане людей.

И все-таки загадочная притягательность лекций Мантейфеля заключалась не только в них, а в нем самом, в его личности — внутреннем облике человека и ученого. ПАМ был неординарен во всем. Он совершенно не походил на других преподавателей. В переводе его фамилия означает «человек-черт». На черта он действительно был похож, но на черта доброго, веселого и озорного. С конца его носа часто свисала хрустальная капелька, которой он нисколько не стеснялся. Профессор имел

голубую кровь, дворянское происхождение, мог говорить по-немецки, а курил махорку, да еще злейший самосад, из которого свертывал здоровенные самокрутки, а концы пальцев на его больших, как у крестьянина, руках были коричневыми от постоянного копчения махорочным дымом.

Все в Петре Александровиче являло своеобразие, поражаало его умение взглянуть на любую вещь с необычной точки зрения. Как-то зашел разговор о раннем облысении, собеседники острили, и ПАМ, имевший лысину, сказал: «Лысина есть у всех, но у некоторых она заросла». При таком взгляде лысина выглядела нормой. Мантейфель была свойственна универсальность знаний: он хорошо знал животных, ботанику, химию, агрономию и многое другое. Ценил универсальность в людях. Про одного ветеринара, сделавшего диссертацию по кишечнику лося и собиравшего в этом направлении материал для докторской работы, ПАМ говорил, что он видит мир через прямую кишку лося. Известный ученый, доктор наук Н. И. Калабухов писал о П. А. Мантейфеле: «Необычайная широта кругозора и связанная с этим интуиция, навевшая часто его, а вместе с ним и тех, кем он руководил, на наиболее верное, хотя иногда и неожиданное решение вопроса».

Петр Александрович был человеком не робкого десятка. В первую мировую войну он не подчинился приказу о капитуляции дивизии и увел остаток своей роты в леса. Зная хорошо природу и полевою жизнь, не дал солдатам сгнить и вывел их через несколько недель к русским. В 65 лет подвергся нападению на мосту двух грабителей. Того, что поменьше, поднял и бросил через перила в воду, другой убежал. От усилий произошло кровоизлияние в глаз, но победил. В перерывах между лекциями Петр Александрович, когда был помоложе, нередко соревновался со студентами — чья рука сильнее — и обычно выигрывал спор. Его физическая мощь и черты характера импонировали охотоведам, людям романтической профессии. ПАМ был душой охотоведческого братства в институте, кумиром охотоведов.

Но главный секрет умения заинтересовать слушателя, пожалуй, состоял в обаянии Петра Александровича, в его доброте к людям. Говорят, что обаяние — свет души. И этой теплой ауры хватало не только на ближайшее окружение, но и на всех учеников: и сидящих в аудитории, и окончивших институт. П. А. Мантейфеля трудно было заставить одного: вечно с ним кто-то разговаривал — и на кафедре, и в электричке, и у него дома, и на охоте. Чаще всего это были настоящие и бывшие студенты, аспиранты. Некоторые явно злоупотребляли его временем, и меня это возмущало: он ученый, ему надо книги писать, а все идет и идет. Сам я стеснялся часто общаться с ним и приходил лишь при явной необходимости. По прошествии многих лет понял, что

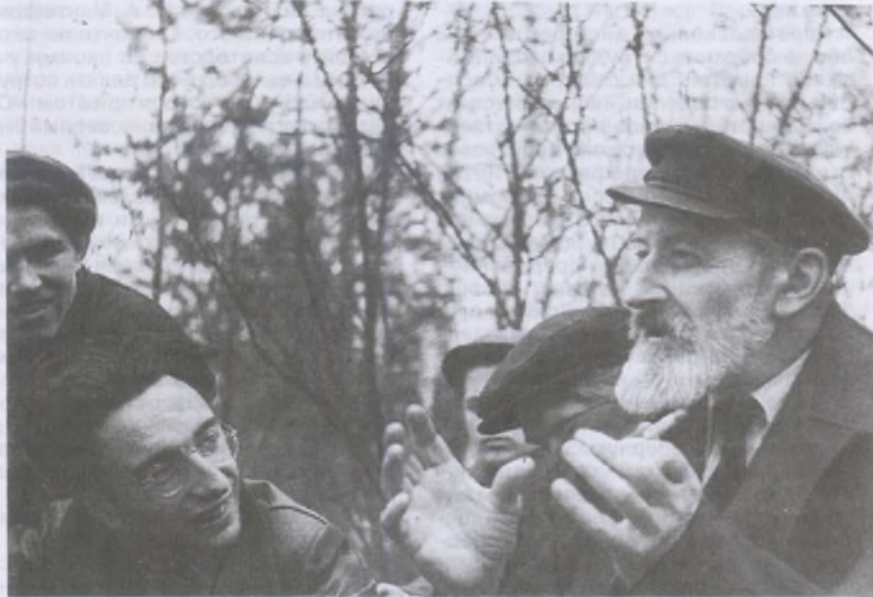
совершил ошибку: такая уж у Петра Александровича была стезя — он жил этими разговорами и приносил ими неоценимую пользу ученикам. Без этого не было бы Мантейфеля и его школы; и как много я потерял, ограничив свои контакты с Петром Александровичем, хотя имел на них полное право, являясь аспирантом. Бывший член Кружка юных зоологов зоопарка, которым руководил ПАМ, доктор биологических наук Ю. А. Исаков писал: «Общение с этим талантливым ученым дало мне значительно больше, чем университетское образование».

Много общался ПАМ не только устно, но и письменно. По-моему, у него полжизни уходило на ответы бесчисленным корреспондентам, просившим совета, разъяснений, идей. Как жаль, что не осталось копий этих писем: сколько в них было нового, дельного, интересного. Думаю, что из его посланий можно было составить не одну книгу.

Злые языки обвиняют Петра Александровича в расчетливом сотрудничестве с печально известным академиком

дующей шумихи с мичуринской биологией. И не его вина в том, что некоторые его мысли оказались созвучными мичуринскому лозунгу активного отношения к природе. Более поздняя статья П. А. Мантейфеля «Внутривидовые и межвидовые отношения животных» (1953 г.) также содержит наблюдения и взгляды, которых он придерживался всегда и которые многократно излагал в своих лекциях студентам задолго до ее публикации.

Хорошо помню проверку кафедры П. А. Мантейфеля в МПМИ, учиненную весной 1953 г. вышестоящим министерством. Комиссию возглавлял доктор наук ихтиолог Н. Лебедев. Многодневные «допросы» сотрудников, посещение их лекций, изучение научных планов каждого убедили этого бойкого человека, что никакой «передовой мичуринской биологией» на кафедре и не пахнет и потому ее надо разогнать. Директору Московского пушно-мехового института И. М. Медведеву пришлось использовать все свое влияние и административное искусство, чтобы спустить на тормозах эту диверсию.

«Сказки» Дяди Пети

Т. Д. Лысенко, погрязшим в политике. Но дело обстояло иначе: не Мантейфель, а Лысенко искал себе поддержки, заигрывал с Петром Александровичем. А последний относился весьма скептически к теоретическим изыскам Лысенко. Помню его слова, сказанные на кафедре своим аспирантам: «Ну, загибает Трофим! Ведь был хорошим агрономом, а как ударился в теорию, стал глупости писать». П. А. Мантейфель всегда оставался самим собой и не менял своих взглядов в угоду кому-то. Со своими биотехническими идеями (1929 г.) и планом реконструкции фауны (1934 г.) он выступил задолго до васхнилловской сессии 1948 г. и после-

Но, в сущности, Лебедев был прав: кафедра жила своей жизнью, а не той, что навязывалась извне. Мичуринская фразеология, к которой для камуфляжа прибегали научные сотрудники, лаборатории, кафедры и институты, в те времена обычно не влияла на избранные ранее направления и занятия. Это был тот фиговый листок, те «Белые одежды» одноименного романа Дудинцева, в которые был вынужден рядиться для маскировки научный и преподавательский люд страны, чтобы выжить в тот смутный период.

А время было не только смутным, но и жестоким. Вскоре после памятной сессии ВАСХНИЛа в 1948 г., повлекшей

за собой разгром генетики, мы с Валентином Бисеркиным — студентами охотоведы первого курса МПМИ — гуляли вечером по парку этого института. Увидев огонек в конце аллеи, подошли к нему. Нашим глазам представилось дикое средневековое зрелище. В пламени большого костра горели книги. Толстые фолианты в кожаных переплетах коржились на красных угольях. Помощник завхоза, со следами недавних излишеств на лице, подбрасывал огню все новую и новую пищу из книжного вороха, привезенного на большой тачке. Он уничтожал только что запрещенные книги из институтской библиотеки. На наших глазах огонь пожирал труды «формальных генетиков» и иже с ними. Научная классика по мановению пальца Сталина превращалась в пепел. Это он, говорят, познакомившись с приготовленным текстом заглавного доклада Лысенко на всесоюзной сессии 1948 г., написал на нем: «Так и только так». Иногда, обгорев с края, книга вдруг почему-то, словно живая, раскрывалась и распущенные листочки мгновенно схватывались огнем, который вскидывался к небу столбом и на секунды побеждал тьму ночной.

Через несколько дней состоялось общее собрание сотрудников Лущмеха. На повестке дня стоял один вопрос — об очищении наших рядов от вейсманистов и морганистов. «Четвертовали» заведующего кафедрой, известного генетика, профессора Петра Фомича Рокитского. После разгромного доклада, прочитанного незнакомым человеком, очевидно представителем министерства, сделали перерыв. Мне, находившемуся на балконе, хорошо было видно, как вокруг Рокитского, сидевшего понурился голову, образовался круг свободных стульев, словно он был зачумленным, — круг отчуждения: люди, сидевшие в начале собрания возле него, сменили места — общение с изгоем могло обернуться обвинением в инакомыслии, вызвать недовольство партийного и другого начальства... Рокитский был обречен, и пытаться тогда защитить его было бессмысленным, также как стоять на пути несущейся с гор снежной лавины.

И только один человек подошел к нему. Это был П. А. Мантейфель. Он сел рядом с Рокитским, закурил, потом они стали о чем-то говорить. Кончился перерыв, зал заполнялся людьми, и только в центре пустующего колечка светились две лысины: маленькая, аккуратная — Петра Фомича и большая, блестящая — Петра Александровича. П. Ф. Рокитского с заведования кафедрой и уволили из института. Во искупление своих формально генетических «грехов» его послали в Сыктывкар заведовать отделом животноводства в институте академического филиала Республики Коми.

Как известно, в науке самое ценное — идеи. Плодотворная, четко сформулированная идея, дающая правильное, а не τυпиковое направление

исследователю, имеет большее значение, чем само исполнение. Очень часто судьба аспиранта зависит от того, разработкой какой идеи он занялся. Идея подобна дрожжам в тесте. Людей, рождающих ценные идеи, мало. П. А. Мантейфель был генератором, мощным фонтаном идей. Зная цену хорошей идеи, ученый, наткнувшись на нее, бережет в тайне, надеясь сам заняться ею или отдать ее сыну, лучшему ученику. Душа у Петра Александровича была щедрой, он раздавал идеи всем, кто в них нуждался. Их можно было почерпнуть из его бесед с юннатами и студентами, из его статей и книг, а более всего из читавшихся им лекций.

В сущности, лекции Петра Александровича были россыпью научных идей. ими пользовались и студенты, и охотоведы-практики, и научные сотрудники, и маститые ученые. На его идеях проведена уйма исследований, написаны сотни статей и книг, защищены многие десятки кандидатских и докторских диссертаций. К сожалению, далеко не все авторы этих произведений указывают, кому принадлежит идея. Такова уж психология человека. Но никогда П. А. Мантейфель не сетовал на это. Он почти не писал статей в соавторстве со своими учениками и запрещал это делать сотрудникам кафедр, говоря при этом: «Соавторство с учеником — верный путь поссориться с ним».

С заработанными деньгами Петр Александрович расставался так же легко, как и с рожденными им идеями. Если у студента приключилась беда и нужна безвозмездная помощь, П. А. Мантейфель первым раскрывал кошелек. Деньги большей частью он передавал старшему лаборанту кафедры, добрейшей женщиной А. С. Вильканец, а она распоряжалась ими, помня наказ — не говорить, от кого идет подмога. Неофициальный фонд кафедры на случаи несчастий пополнялся Петром Александровичем регулярно, хотя он и не был богатым человеком.

П. А. Мантейфель никогда не отказывал просившим денег взаймы и не сердился, если их не отдавали. Субсидируя, просил лишь об одном: «Не на значай срок, когда будет возможность — тогда и отдашь». На мой вопрос, почему он так делает, Петр Александрович сказал: «Нередко бывает, что в назначенный срок не смог человек отдать, — ему неудобно. Глядишь, он, завидев тебя издалека, сворачивает, а потом передает, что уж и гадости стал о тебе говорить». Петр Александрович долго жил на свете, хорошо знал людей и был мудр не только как ученый, но и по-житейски, как человек. Вспоминая сейчас различные его высказывания, которые тогда казались сомнительными, приходишь к выводу: а ведь прав был старик. Это касалось и отношений между людьми.

Петр Александрович работал не один, а всем огромным коллективом своих учеников: бывших членов КЮБ-

За, студентов-учащихся, охотоведо-практиков, аспирантов, научных сотрудников, своих последователей из других исследовательских и учебных заведений. Только в Московском пушно-меховом институте у П. А. Мантейфеля было 30 аспирантов — людей, которых он приобщил к исследовательской работе. Но это лишь небольшая часть его учеников, пришедшая в науку. Всего из 804 студентов, получивших специальность биолога-охотоведа в стенах МПМИ, 134 стали кандидатами, из них потом 28 человек защитили докторские диссертации. И в этом большая заслуга Петра Александровича — именно он, как никто другой, умел зажечь в молодых душах стремление к научному поиску. Фактически школа Мантейфеля насчитывает не одну сотню людей, ставших учеными.

У Петра Александровича имелась большая научная библиотека, собиравшаяся всю жизнь. Каталогами в ней занимался «Дядя Володя» — младший брат его. Он жил в Москве, был слаб здоровьем, бедствовал, но был горд и не принимал от родичей никакой помощи. Чтобы лишить его возможности отказываться, Петр Александрович «нанял» брата библиотекарем: и гордость дяди Володи не страдала — деньги были не подаванием, а заработанные. Почерк у дяди Володи был старинный, каллиграфический — каталоги выглядели прекрасно. На полях прочитанных работ П. А. Мантейфель делал заметки, записывал свои соображения, а также биологические ошибки авторов. Таких ошибок находилось изрядно, и удивляешься, как их не замечали научные редакторы и рецензенты выпускавшихся книг.

После кончины П. А. Мантейфеля его библиотека и личный архив были переданы ВНИИОЗу. Среди книг и оттисков очень много с дарственными надписями авторов. У Петра Александровича были свои сторонники и противники, и, зная неплохо зоологический, охотоведческий мир, любопытно читать эти надписи и по ним наблюдать эволюцию отношений. Чем злобнее был человек по отношению к П. А. Мантейфелю в последние годы его жизни и после смерти, тем слаще и лыстивее были дарственные надписи на тех, зачастую малозначащих, статейках, которые он писал в начале своей карьеры, когда благосклонность и широкая спина Петра Александровича имели для него значение. Как-то Петр Александрович сказал: «Научные работники, как женщины, сами целуются, а в душе ненавидят друг друга».

Зная об идеальном порядке в библиотеке и архиве П. А. Мантейфеля, я был поражен невероятным бедламом на большом старинном письменном столе в его домашнем кабинете. Стол был завален журналами, авторефератами, оттисками статей, письмами и другими бумагами. И только в середине был разгребен участок, на котором Петр Александрович работал. Как ни странно, в этом хаосе П. А. Мантей-

фель прекрасно ориентировался и мгновенно находил нужное. Впоследствии я убедился, что беспорядок на столе имеет и полезные свойства: когда все сложено стопочками, про некоторые бумаги забываешь. А когда навалом, то взором улавливаешь всю массу предстоящих дел по торчащим углам и не опаздываешь с ответами.

Несмотря на происхождение, культуру, высокое в общем-то иерархическое положение, у П. А. Мантейфеля была страсть к общению с простым людом: с егерями, охотниками, служителями зоопарков, лесниками, рабочими звероферм. В разговорах, на лекциях он почти не цитировал классиков, корифеев науки, но очень часто рассказывал, как отреагировала тетя Маша или знакомый лесник на тот или иной случай. Не раз приходилось слышать из его уст изречение старого промысловика: «По науке-то оно, может, и так, а по жисти иначе».

Петр Александрович находил общий язык с разными людьми. Например, на собачьих выставках он был своим человеком как у владельцев болонок и борзых, среди которых встречались люди старого мира, звучала учтивая речь, французские слова и поцелуй ручек у дам — стройных пожилых amazонок, некогда лихо скакавших вместе с мужьями на псовых охотах, так и у хозяев гончих и лаек, в кругу которых слышались запальчивые споры, энергичные выражения и крепкие словечки. Кстати, сам П. А. Мантейфель увлекался охотой с гончими и держал выжлеца Грома. Пес этот не блистал на выставках, но гонцом был отличным.

Петр Александрович был красивым и благородным человеком, но никогда — святым. Среди профессоров Пушно-мехового института шли постоянные шахматные баталии. П. А. Мантейфель радовался — светился весь, когда удавалось обыграть сильного противника, и при случае не забывал лишний раз рассказать о своей победе. Когда доцент К. Д. Малышев, не без ехидства, заметил, что хвастаться нехорошо, П. А. Мантейфель просто-душно сказал: «А как без бахвальства-то? Без него не проживешь». Удивляла способность Петра Александровича двумя-тремя словами передать сущность человека.

П. А. Мантейфель любил шутить и, рассказывая что-нибудь веселое, сам при этом смеялся. Некоторые его сравнения были очень меткими. Про молодую фигуристую женщину сказал: «как мешок с арбузами», а худеньких восточных женщин рисовал просто: «сажа да кости».

П. А. Мантейфель не состоял в рядах советских писателей, но он был писателем, и писателем незаурядным. Его многократно издававшиеся рассказы о животных читали, «проглатывали» миллионы людей в нашей стране и за рубежом. Они неоднократно переводились на различные языки. У меня хранятся «Записки натуралиста», издан-

ные... на испанском! Удивляет и восхищает лаконичность без ущерба для выразительности.

П. А. Мантейфель был дважды женат. От первой жены имел сына Бориса, который стал биологом, доктором наук. Внук Юрий не свернул с биологической стези и также защитил докторскую диссертацию.

Вторая жена Петра Александровича, Анна Георгиевна Уварова, прочно обеспечивала тылы бесконечно занятого супруга. Жили они в коммунальной квартире номер 4 восьмого дома на Метростроевской улице. Работал ПАМ в длинной узкой комнате с одним окном, по стенам которой до потолка простирались бесчисленные открытые книжные полки и каталожные ящики. Ситцевой пестрой занавесочкой была отгорожена кровать, где Петр Александрович спал, приподнявшись за письменным столом. В одном из посещений, когда хозяин на минуту вышел, я не удержался и отогнул занавеску. Боже, как нетребователен был этот человек к своему быту: кровать из некрашенных железных прутьев времен военного коммунизма и одеяло из грубого сукна, старенькое, вытертое, такие, наверно, бывают в сиротских домах. Но все сверкало чистотой. И при такой-то скудости в доме так «сорить» деньгами — не каждому это понять.

Умер Петр Александрович 24 марта 1960 г., семидесяти восьми лет от роду, от рака легкого, в тяжких страданиях, которые переносил стоически. Ученику своему К. Т. Сулимову, часто бывавшему у него в больнице, в разговоре сказал: «Семьдесят семь мне — вроде бы много, а жизнь пролетела как один день». Курил до последнего дня, устраивая иногда «охотничьи» костры из спичек в пепельнице. В стихах охотоведа Григория Бобакова есть об этом:

Он спички в пепельнице жег,

Устраивал «нодью»

И, терпкий нюхая дымок,

Жизнь вспоминал свою.

Костер игрушечный погас,

Но в блеске угольков

Он видит сотни дерзких глаз

Своих учеников.

Мантейфель был крупным научным и

общественным деятелем. Он входил во многие научные советы и коллегии при министерствах. Без совета и участия Петра Александровича не обходилось ни одно значительное дело в охотоведении, охотничьем хозяйстве и звероводстве. На основе его биотехнических идей работали ведомства, связанные с промысловой и любительской охотой, над разработкой научных задач, поставленных им, трудились десятки аспирантов и сотни научных сотрудников разных уровней, его лекциям и беседам внимали тысячи студентов, охотников и любителей природы, его многочисленные заметки в газетах о животных и книги о них читали миллионы людей. Многие сотни охотоведов и звероводов, окончив МПМИ, во всех уголках огромной страны думали и решали проблемы на работе с учетом идей и мыслей Мантейфеля. В центральных ведомствах, охотобществах, хозяйствах и заготконторах — всюду были ученики Мантейфеля. Жили они дружно и верно следовали заветам учителя.

У Петра Александровича, как и у всякого по-настоящему талантливого человека, было много горячих поклонников и немалое количество недоброжелателей и завистников. Прошло много лет после кончины П. А. Мантейфеля, и до сих пор не смолкает дискуссия по поводу его фигуры. Значимость идей, мыслей и дел П. А. Мантейфеля с годами высвечивается все больше и больше. Можно с уверенностью сказать, что в последние полвека деятеля, равного Мантейфелю, в отечественном охотоведении не появлялось.

В своих идеях он, основоположник нового биотехнического направления, значительно опередил свое время. И его казавшаяся некоторым оторванностью от сермяжной жизни, биотехническая мечта («Верьте, дети, сказкам Дяди Пети»), через десятки лет обернулась актуальнейшей научной дисциплиной, целительным лекарством природы, ущемленной гусеницами вездеходов, дымом заводов, зловонными стоками животноводческих комплексов, мертвящей поступью цивилизации. Талантливый ученый, каким был Мантейфель, — всегда провидец.

П. А. Мантейфель со студентами Московского пушно-мехового института, 1955 год

ОХОТА НА УТОК

Н. ЗВОРЫКИН

Утиная охота чрезвычайно разнообразна и интересна и по обстановке и по стрельбе, позволяющей делать и весьма легкие, и очень трудные выстрелы; она увлекает и начинающего и умудренного опытом охотника, она интересна и промысловнику и любителю.

Из всех так называемых благородных уток кряква — наиболее распространенная и несомненно наиболее интересная для охотника. Она хорошо затаивается в кряях, осенью держится дольше остальных пород, позволяя осуществлять многие способы охоты. По объему своего вкусного мяса и осеннему ожирению кряква также привлекает внимание охотника.

Эти особенности выдвигают крякву на первое место и заставляют при опасности охоты на уток уделять ей почти исключительное внимание, тем более что, усвоив приемы охоты на крякву, охотник путем небольшого опыта заметит и некоторые особенности добывания других видов уток.

Кряква не любит глубоких водоемов с чистым дном. Любимыми местами ее являются стоячие воды или воды со слабым течением, заросшие тростником, камышом, участки, подернутые хвощом, заводи с ряской и кувшинками, свисающие к воде кусты, примыкающие пожни с осокою, плавни с низкорослым кустарником, илестые, а осенним сезоном — и песчаные отмели.

Днем кряква любит отдыхать в кряях берега или на торчащих из воды новообразованиях, на обнаженных корнях водорослей, а то и на воде под защитой камыша, тростника, рогозника или хвоща.

Кряква весьма прожорливая птица. То она щиплет траву, то щелочет водяной мох, водоросли, пропускает жидкий ил через свой клюв и набивает зоб ракушками, слизняками, червями, всевозможными насекомыми, мелкой рыбой, тиной, грязью, мелкими гадами и, конечно, при случае семенами хлебных растений.

Кряква поднимается грузно и несколько вкось. Кряква летит на совершенно вытянутых крыльях с характерным присвистом маховыми перьями: «вих, вих, вих, вих»

Днем кряквы любят отдыхать

Фото А. Севастьянова

Так как днем она таится в крепях, то кормится на узком пространстве дневки, время от времени отдыхая. К ночи же кряква покидает место, где провела день, и улетает на ночную кормежку на другие водоемы, затопленные луга, пожни, лужи, поля, канавы, пруды, мочажины, ямы — на все те места, где она в траве, водорослях, в иле, в воде или на дне может найти себе пищу...

Кряква поднимается грузно и несколько вкось, испуганная же внезапно, на близком расстоянии, поднимается вертикально.

Кряква летит на совершенно вытянутых крыльях, делая мало заметные взмахи с характерным присвистом маховыми перьями «вих, вих, вих, вих». Полет ее прямолинейный и быстрый.

По быстроте полета чирок превосходит ее вдвое, однако и полет кряквы определяется скоростью свыше 100 км в час.

Наиболее распространенными охотами на уток являются: 1) весенняя стрельба селезней на манок, 2) охота с собакой по травам и водным крепям, 3) охота на перелетах, 4) подкарауливание в местах кормежки, 5) сидка в местах дневки, 6) охота с подхода и подкарауливание вообще, 7) охота с чучелами и 8) охота с подъезда.

Охота с собакой. Одна из наиболее распространенных охот на уток августовского сезона — охота с собакою по травам и водным крепям.

Охотники пользуются для этой охоты собаками всевозможных пород и беспородными. Легавые, помеси легавых с беспородными, гончие и даже некоторые дворняжки оказывают иногда хорошую услугу.

В большинстве случаев стойки при охоте в водных крепях не требуется, так как роль собаки главным образом заключается в том, чтобы поднять утку на крыло или же вытолкнуть ее из густых зарослей на более чистое водное пространство, где можно было бы наглядеть ее.

Важно, чтобы собака была послушна, сообразительна, обладала хорошим чутьем, не боялась воды и обладала силою для преодоления подчас весьма трудной работы в плывав среди крепких длинностебельных водорослей. Большую услугу оказывает подача собакой убитой птицы, если охотник находится не на челне, а на берегу.

Собака не должна забегать далеко вперед, а обшаривать площадь, находясь на расстоянии недалекого выстрела. Когда крепкие, хорошие утиные места перемежаются с пустыми (например, голые песчаные берега, вытопанные скотом луга, недавно скошенные сухие пожни), то собаку следует подзывать и лучше брать в лодку, так как, если этого не сделать, она будет стремиться дальше к подходящим для уток угольям и может разогнать дичь задолго до подхода или подъезда охотника.

Хорошая утиная собака, найдя затаившуюся молодую утку в береговой

крепи или под берегом, делает стойку, иногда же, почуяв, бросается прыжком и заставляет птицу спастись влет или в плывав. В последнем случае собака преследует уплывающую утку на суше, по следу, оставляемому птицей на воде и водорослях.

В этот сезон громадное большинство молодых уток летает, но не всегда может легко подняться. Молодые, особенно при затаивании, часто остаются верными своей прежней привычке прятаться, нырять и плыть от опасности, забывая, что у них имеется еще новое средство спасения — крылья.

Собака таким образом и поднимает на крыло решающихся взлететь и выгоняет на воду затаивающихся.

Услуги собаки по отыскиванию затаившейся птицы незаменимы — ни затаившаяся, ни нырнувшая утка не может быть обнаружена охотником без ее помощи.

Преследуя уплывающую утку, собака показывает принятое птицей направление, помогает охотнику выбрать более удобное место, где можно проследить за птицей и стрелять.

Молодые утки (равно как и раненые) обыкновенно ищут спасения на суше и, преследуемые на воде, чаще уходят к береговой полосе или на берег, конечно, если он представляется защитным. Нырнув у одного берега, утка очень часто выныривает незаметно у противоположного берега и скрывается в осоке прилегающей пожни. Дельная собака, потеряв след на воде, не замедлит проверить оба берега и обнаруживает птицу.

Чтобы предпринимать целесообразные действия, охотник должен бдительно следить за собакою и понимать приемы ее работы.

Охота производится как с берега, так и с лодки. Иногда условия местности делают охоту с берега успешной, но в большинстве случаев легкий и неверткий челн приносит несравненную пользу, позволяя и приближаться, и отдаляться от берега, и въезжать в середину водяных зарослей. Во всяком случае, имея челн, можно выйти и на берег, если это по условиям местности выгоднее, сделать же наоборот, не имея при себе лодки, конечно, невозможно.

Когда к реке или озеру примыкают обширные травянистые и несколько водяные пожни, или если на лугах имеются ямы, заполненные водою и заросшие водяными растениями, утки (особенно уже хорошо летные) любят опускаться выводком в траву. Будучи там прекрасно защищены, они имеют возможность и отдыхать и кормиться, ползая, а иногда и плавая, в зависимости от уровня воды и наличия протоков.

В таких местах можно хорошо поохотиться с собакою, а где уток много, то и без собаки, выхаживая постепенно пожни в ожидании подъема.

На этой охоте полезно иметь не утятницу, а хорошую легавую вообще, которая, как и по прочей дичи, вела бы

по следу и делала крепкую стойку. Собака же, не обладающая хорошими полетными качествами, будет поднимать уток на большом расстоянии, а то и вне выстрела.

Хождение по пожням без собаки, если уток немного, может оказаться и малоуспешным, так как значительное количество их удаляется ползком и в плывав от принимаемого охотником направления и таким образом избегает подъема на крыло.

В начале сезона охоты, в годы благоприятной дружной весны, многие выводки настолько взматереют, что легко и довольно скоро поднимаются при приближении челна или пешего охотника. В таких случаях работа собаки по отыскиванию и подъему птицы не только не оказывает помощи, но и мешает.

Охотник должен сообразоваться со степенью взматерения уток и воспользоваться прекрасным способом охоты без собаки — с подъезда.

Этот способ охоты получает особую притягательную силу поздно осенью, когда все утки, как молодые, так и старые, запаслись жировым слоем и зимним пуховым покровом, а селезни, кроме того, оделись в осенний наряд. Охота с подъезда поэтому будет описана подробно, как основной способ осенней охоты на уток.

Но далеко не весь молодежь способен к открытию охоты владеть своими крыльями. Много еще таких утят, которые от опасности побоятся спастись воздушными путями, а вечером, кормясь около места своей дневки, удивленно прислушиваются к пролетающим стайкам.

Не мешает помнить, что на утиных охотах компанией несчастные случаи от неосторожных выстрелов бывают нередко. Лучше ездить в челне одному стрелку с одним гребцом.

Полезно иметь в виду, что стрелять можно только в ясно видимую птицу, а не в место, где предполагается ее нахождение.

Часто, когда утка невидимо плывет по камышу или хвощу, шевели надводными стволиками этих растений, некоторые охотники стреляют по невидимой цели, сообразуясь с движениями раздвигаемых водорослей, и вместо утки ранят или убивают плывущую за уткой собаку.

Стрельба уток с собакой по травам и водяным крепям в начале сезона обычно происходит на близком расстоянии, поэтому дробь нужно употреблять мелкую. Номера 7 и 8 вполне соответствуют и дают значительно меньшее количество промахов и подранков.

Охота на перелетах. Обыкновенно охотник ищет затаившуюся птицу и если вспугнет ее, то видит ее, в испуге удаляющуюся от него. Мало ли птиц, научных постоянными преследованиями человека, избегает опасности, не показывается и не поднимается на крыло, отдаляясь под прикрытием от человека. Таким образом охотник ред-

ко видит все количество птиц, которое слышало его; охотник часто не знает даже о приблизительном количестве дичи в определенных угодьях.

Охота на перелете — другое дело. Найдя пролетный на кормежку путь в обильных утиных местах, охотник имеет возможность сделать смотр летящим утиным полчищам и составить себе представление о количестве птиц. Охотник может быть здесь и стрелком, и любознательным наблюдателем.

Кряква и другие породы уток кормятся преимущественно ночью, когда болят лунь и ястреб-тетеревятник отдыхают.

Дневка уток происходит в одном месте, а кормежка — в другом, иногда отдаленном на 1—10 и более километров. При легкости и быстроте полета, расстояние в 10 километров легко ими преодолевается.

Быстрота полета уток, и часто быстрота максимальная, так как охотник встречает уток на пути их полета, должна приниматься стрелком с соображением, во избежание неверных выстрелов. Ошибка большей частью заключается в направлении выстрела в ту точку, где находится птица, а не в ту, где она будет находиться в момент пересечения снарядом линии полета птицы. А ведь опоздание на долю секунды дает отклонение на несколько метров!

К открытию охотничьего сезона на уток перелеты еще недостаточно оживленны. У многих молодых еще не настолько окрепло крыло, чтобы совершать быстрые и вольные полеты, да и сама птица еще не взматерела.

Недели же через две вся молодежь, выведками и сбившись в стайки, прекрасно держит воздушный строй и летит, ничем не показывая различия в полете со старыми.

По мере взматерения птицы и прибытия ее с глухих лесных речек и маленьких озер, где она вывелась, на более открытые просторные и типичные утиные угодья, стайки их на дневках делаются многочисленнее. Примятость травы, обсиженность берегов, кочек и торчащих над водой корневиков водорослей становится заметнее, а утерянные перья свидетельствуют о тщательном совершаемых туалетах.

Как только зайдет солнце, утки собираются из крепей, отодвигаясь постепенно от берегов, и начинают перекликаться. Звуки «каа-ка-ка» и «кээ-кээ-кээ» неизменно предшествуют скоплению птицы, и в скором времени вся наличность (небольшая группа или целая стая), будто испуганная чем-то, дружно с характерным лопотом поднимается вкось довольно высоко и сейчас же принимает прямой линейный направление к месту кормежки.

В начале сезона стайки летят, чуть только солнце село, а затем ближе к осени они отправляются, когда уже вечерняя заря погасает.

Места кормежки бывают самые разнообразные: озера с неглубоким дном, водорослями и с чистыми мелкими плесами, пожни, залитые водой, песчаные

отмели (куда волной наносит раковины) и илистые места, заливы, речки, лужи, пруды и т. п., при условии достаточного корма и приволья для всех прилетевших уток.

Для охоты на перелетах важно правильно выбрать место — «ворота», выражаясь образно, в которые пролетает утка на кормежку. Место это не должно быть слишком близко от дневки, а также и от кормежки, так как в первом случае птица летит высоко, а во втором начинает уклоняться в разные стороны, выбирая место для посадки.

Подкарауливание в местах кормления будет уже особенным видом охоты, когда птицу бьют и сидячую, и спускающуюся, и прилетающую.

Выбор места для стоянки на перелете должен быть сделан после обследования и наблюдения, с тем чтобы в следующую зарю окончательно стать на выбранное место на основании данных предыдущего полета уток.

Очень важно становиться лицом к заре, избегая затемнения фона деревьями, горами и т. п., на которых силуэты летящих уток делаются невидимыми. Надо также иметь в виду, что при сумеречном освещении даже незначительная ветвь дерева или куста может помешать своевременно увидеть налетающих уток. Кроме того, если только возможно, очень полезно сообщаться с такими условиями местности, которые позволяли бы без особых затруднений находить убитую птицу.

При раннем вечернем лете и на утренней заре целесообразнее становиться за заслон, однако не такой, который бы мешал движению ружья, а главное — зрению. При позднем лете достаточно прислониться к незначительному предмету, — важен не столько заслон, сколько неподвижность.

Для охоты на перелете можно и не знать, куда именно летают утки на кормежку, но необходимо выяснить, каким путем пролетают утки, чтобы выбрать наиболее удобное место для стоянки.

Летят утки и одиночками, и маленькими стаями, и громадными табунами. Пролет с кормежки происходит более мелкими группами, потому что за ночь утки разбиваются на кормежку. Утренний лет начинается перед восходом солнца.

Охота на перелетах может, следовательно, производиться на вечерней и утренней зорях.

Стрельба на перелетах трудная, особенно на вечерней заре, из-за освещения. Утка в темноте видит значительно хуже, чем при свете. Лунные ночи безусловно вносят поэтому значительное оживление в утиную компанию: утки разговорчивее, подвижнее и перелетают нередко с одного места на другое. В лунную ночь поэтому значительно чаще слышится свист крыльев.

Целесообразными номерами дробы для этой охоты следует признать 7 и 6.

Куропатка белая
в осеннем наряде

М. ХАЛЕЕВ

В многочисленном отряде куриных значительное место занимают различные куропатки. Так, в Скандинавии, на северо-западе и на необъятных просторах севера России, а также на Аляске обитают тундряная и белая куропатки, причем на Аляске белая куропатка местами столь многочисленна, что ее, в порядке забавы, мальчишки добывают силками и простой рогаткой.

В южном регионе бывшего Советского Союза, в частности в Узбекистане, водится очень нарядная каменная куропатка. В лесостепной и степной части России, а также в большинстве стран Европы постоянно живет куропатка серая, о которой и пойдет речь впереди. В Испании обитает куропатка красная. В Шотландии и Северной Ирландии моховые болота, заросшие вереском, местами густо заселены грауссом, который также является разновидностью белой куропатки, правда не меняет цвет своего оперения на зимний период. Кстати говоря, кроме бекаса именно граусс являлся той птицей, которая послужила основой при становлении собак легавых пород английского происхождения и является главным объектом охоты по перу на протяжении всех времен у английских охотников.

Куропатка серая

В нашей же стране наиболее широкое распространение имеет куропатка серая, и так как она населяет наиболее удобные ландшафты для охоты с легавой собакой, то всегда считалась птицей спортивно-охотничьей и желанным трофеем любителей охоты по перу. Кроме этого, куропатка серая, хорошо выдерживающая стойку собаки, является очень удобной птицей для испытаний и состязаний собак легавых пород, что имеет большое значение для отбора производителей и обеспечива-

Окончание следует

И ОХОТА НА НИХ

Куропатка серая

ет спортивную сторону охотничьего собаководства.

Серая куропатка приблизительно вдвое больше осеннего перепела, то есть около четырехсот граммов.

Ведет она исключительно наземный и оседлый образ жизни. По повадкам и поведению очень похожа на обычную маленькую домашнюю курочку. На деревьях и даже низенькие кусты никогда не садится. Вся ее жизнь протекает исключительно на земле.

Оперение у нее плотное, ржаво-бурого цвета, со светло-серым брюшком, на котором спереди расположено большое темное пятно.

Будучи птицей зерновой, питается падалицей хлебов, семенами сорных трав, а также различными жуками и другими насекомыми, среди которых, безусловно, много вредителей сельскохозяйственных культур. Вследствие этого серая куропатка считается птицей полезной, и поэтому в некоторых странах Европы чуть ли не в законодательном порядке поощряется наличие определенного количества их пар в сельскохозяйственных угодьях. Между прочим, замечено, что на так называемой «кормовой зеленке», культивируемой с большим количеством применяемых минеральных удобрений и ядохимикатов, ни луговая, ни болотная птица не держится. В настоящее время в связи с развалом сельского хозяйства в нашей стране и вследствие этого с резким сокращением применяемых минеральных удобрений и ядохимикатов повсеместно наблюдается значительное увеличение количества луговой и степной дичи, и в частности серой куропатки и зайца-русака.

В нашей стране очень широко распространена от Архангельской области на юг и восток до песчаных просторов пустынь. В крупных лесных массивах не селится, предпочитая им луга, степи и сельскохозяйственные угодья, перемежающиеся с участками, зарос-

шими бурьяном и кустарником. Между прочим, как указывается некоторые источники, в Петербургскую губернию завезена на телегах из-под Астрахани только во времена Екатерины II и с тех пор населяет нашу область, хотя и не очень плотно, но в достаточном количестве в некоторых районах. В благоприятные погодные условия даже многочисленна в соседних Псковской и Новгородской областях.

Весной, как только стает снег и прекратятся крепкие утренние заморозки, образовавшиеся парочки подыскивают удобное местечко для гнезда. В устройстве гнезда заняты оба: самец и самка, и в начале мая начинается кладка, в которой бывает до двадцати пяти яиц грушевидной формы оливкового цвета. Насиживание продолжается около трех недель. Неоднократно было замечено, что если насиживающую птицу чем-то потревожить и она взлетит с гнезда, то яйца оказываются разбросанными и ей приходится по возвращении их вновь собирать.

Вылупившиеся птенцы, как только обсохнут, тут же начинают бегать и добывать корм. Через несколько дней становятся уже поршками, способными на короткие перелеты. Испугавшись чего-нибудь, они так затаиваются, что на них можно в буквальном смысле наступить. К августу месяцу, когда у нас повсеместно открывается охота с легавой по перу, молодые первой кладки догоняют в росте родителей, но не разлетаются, а держатся всем выводком вместе. Более того, отдельные выводки не только не разлетаются, а, наоборот, сбиваются, образуя иногда стайки со значительным числом особей.

В протечке жизни у куропаток всегда было и есть три непримиримых врага, наносящих значительный урон их количеству и при некоторых условиях способных к полному уничтожению куропаток в данной местности.

Главный урон поголовью куропаток наносит суровые многоснежные зимы, в особенности если таких зим бывает подряд две. Кроме того, если случаются оттепели, перемежающиеся крепкими морозами, верхний слой снега образует прочный наст, не дающий возможности ночующим в снегу куропаткам выбиться наверх и спастись от смерти вследствие неминуемого в этом случае голода. Вот в таких случаях охотникам необходимо оказать им помощь, а сделать это очень просто. Достаточно зимой отловить какое-то количество пар, передержать, а весной выпустить на волю. Из старых литературных источников известно, что именно так поступали и именно охотники, задачей которых было обеспечить себя успешной и добычливой охотой в наступавшем охотничьем сезоне. Завидный пример для нашего времени.

Вторым врагом серых куропаток является ястреб-тетеревятник, охотящийся за ними в течение всего года и, конечно, в какой-то степени уменьша-

ющий их численность. Однако главным врагом этой птицы является человек, способный в многоснежные суровые зимы в определенном месте уничтожить все их поголовье, но не в результате ружейной охоты с легавой собакой, а путем отлова сетями и различного рода силками. Дело в том, что серая куропатка — очень доверчивая птица и в голодное время легко идет на различного рода приманки в виде мякины, чем и пользуются некоторые алчные люди в сельской местности. Конечно, ни один настоящий охотник этого себе не позволит, он возьмет в сезон охоты только положенное по норме количество птиц, насладившись работой своей собаки.

Охота с легавой по куропаткам довольно простая, но интересная и может быть добычливой в тех местностях, где этой птицы много. Охотник идет за работающей против ветра собакой и, как только она делает стойку, подходит и изготавливается к стрельбе. Но тут, в отличие от охоты по перепелу и другим куриным, его может ожидать значительная разница в поведении птиц. Ранее было сказано, что куропатка — птица стайная. Так вот, если охота проводится в местах, где ни стайки, ни отдельные выводки еще не разбиты, собака, как правило, поднимает стаю. Неожиданно для собаки и охотника с треском и шумом вся стая поднимается одновременно. Треск и шум поднимающихся птиц может быть столь громким, что начинающий охотник может просто, как говорят, опешить и в первый момент растеряться. Поднятая стая может оказаться очень многочисленной.

Естественно, собака при таких охотах должна быть опытной, хорошо натасканной и надежного, то есть полного, послушания. В этом случае нельзя стрелять просто по стае. Надо выбрать одну и стрелять в нее. Как правило, падают в таких случаях несколько. Прежде всего надо подобрать подранков, а они обязательно бывают и могут далеко разбежаться. Мертвобитые никуда не денутся, а подранков собака может долго искать. Как много может быть сбитых птиц? Так вот, автору известен случай, когда после дуплета по стае один саратовский охотник подобрал десять птиц. Охотился он в заволжских степях вдоль трассы на Волгоград. Конечно, это очень редкий случай, а обычно падают две-три птицы, сбитые одним выстрелом. По рассказам, после малоснежных мягких зим куропаток здесь бывает так много, что, отстрелявшись по стайке, охотники не ищут рассеявшихся неподалеку отдельных птиц, а идут дальше в поисках следующего табунка. Этот жадноватый охотник автору подарил фотографию, на которой он изображен сплошь увешанным битой птицей. Автором тут же на фотографии была сделана надпись «хапуга». Такую фотографию в наше время даже стыдно помещать в печати в качестве иллю-

страции. После взлета стаи не пытайтесь в этом месте найти еще хотя бы одну. Улетают все.

Уважаемые друзья по страсти, из сказанного вы поняли, что охотиться по куропатке без надежно работающей легавой собаки дело бесполезное: только случайно вы добудете желанный трофей и получите удовольствие.

Однако и при наличии хорошо работающей собаки может случиться неприятность, которая испортит вам настроение. Как было сказано выше, серые куропатки обитают в местах, заросших бурьяном. Избегайте мест, где много череды и репейников, а то может случиться такое, что ваша длинношерстная собака, с хорошего хода влетев в них, выскочит, вся облепленная колючками. Ляжет, бедная, и начнет зубами вместе с шерстью их выдирать, и придется вам, достав расческу, помогать ей в этом противном занятии.

Стрельба по куропаткам довольно простая; улетают они хотя и быстро, но не высоко поднявшись над землей, и всегда по прямой. Дробь применяется мелких номеров: на первый выстрел хороша семерка, а на второй вполне достаточно пятерки. Мясо куропаток сочное, очень вкусное, и опытные кулинары готовят из них замечательное жаркое.

Куропатка белая

В настоящее время довольно многочисленна только во всех северных частях нашей страны, однако совсем не встречается в прибрежной полосе Ледовитого океана. Во всех Скандинавских странах белой куропатки много, и здесь она является едва ли не основным видом охоты с легавыми. У нас же любители легавых могут позволить себе это удовольствие только в Архангельской и Мурманской областях, а например, в Ленинградской области, несмотря на то, что она есть, охота на нее запрещена уже более двадцати лет. И если специально на нее охот здесь не организуется, то тем не менее при встрече она все же оказывается жертвой. Уж очень эта птица нарядна и поэтому особенно привлекательна даже для опытного и выдержанного охотника.

Весит она около шестисот граммов. По образу жизни является птицей парной и оседлой, однако в зимний период в зависимости от погодных условий и наличия кормов совершает, хотя и не очень значительные, но все же кочевки на юг от своего постоянного местобитания.

Свое наименование «белая» эта птица получила за то, что на протяжении всего зимнего периода одета в совершенно белый наряд, а как только весной возвратится из недалекого кочевья к месту гнездования, она начинает менять белые перья на ржаво-красно-бурые. Начинается эта линька с головы и шеи, а затем переходит на спину, кро-

ющие крыла, надхвостья и все остальное. В таком пестром наряде проходит весь период токования самцов, а ко времени завершения токов, что бывает в конце мая, куропатки оказываются в своем темном наряде. Характер токов очень схож с токами тетеревов. Самцы сбиваются по несколько штук на чистой полянке, где бегают, издают очень громкие звуки, похожие на хохот, при встрече друг с другом яростно дерутся из-за самок. В начальный период самок в току не бывает, приходят они сюда в середине токования самцов и, выбрав напарника, уходят. Так что к концу мая птиц в токах почти не бывает.

Гнездо пары располагают неподалеку от места токования, и представляет оно собой небольшое углубление в почве, прикрытое веточками небольшого кустика и выстланное стебельками сухих трав. К концу мая кладка заканчивается, и обычно в гнезде бывает до двенадцати и даже пятнадцати яиц бледно-оливкового цвета, испещренных красно-бурыми пятнами и точками. Яйца довольно крупные, грушевидной формы, длиной до 43 и диаметром до 33 мм.

Насиживает самка около 3 недель, самец держится рядом с гнездом, однако в насиживании участия не принимает. Но как только выведутся птенцы, водят их оба: самец и самка. Птенцы выводятся с хорошо развитыми маховыми перьями и поэтому уже через несколько дней могут перепархивать на значительные расстояния. Первое время птенцы питаются исключительно животной пищей, которую в изобилии находят во мху родового мохового болота. По мере роста и созревания ягод различных растений, которых очень много, питаются голубикой, морошкой, а затем брусничкой, черникой. В поисках корма, конечно, не оставляют без внимания насекомых, различных жуков, гусениц и тлей, составляющих животную часть их рациона.

За многолетнюю практику на полевых испытаниях и состязаниях легавых довольно часто приходилось быть свидетелем прямо жертвенного поведения родителей, когда собаки причивали выводок белых куропаток. Спасая потомство, самец обычно первым, взлетев с голосом и тут же упав, изображая подранка, начинает отводить врага от выводка. При этом, перепархивая с якобы поврежденным крылом, он все время удаляется, кувыркаясь в траве. Бывали случаи, когда от птицы до обнаружившей выводок собаки было не более пяти шагов. Безусловно, какая-то часть таких родителей оказывается в зубах хищников. Никаких птиц других видов, так ведущих себя около своего потомства, автору видеть не приходилось. Удивления достойна такая отвага и самопожертвование.

В августе и сентябре молодняк по величине уже сравнивается со старшими, и весь выводок от места вывода на довольно открытых местах переходит в места более крепкие — в заросли ку-

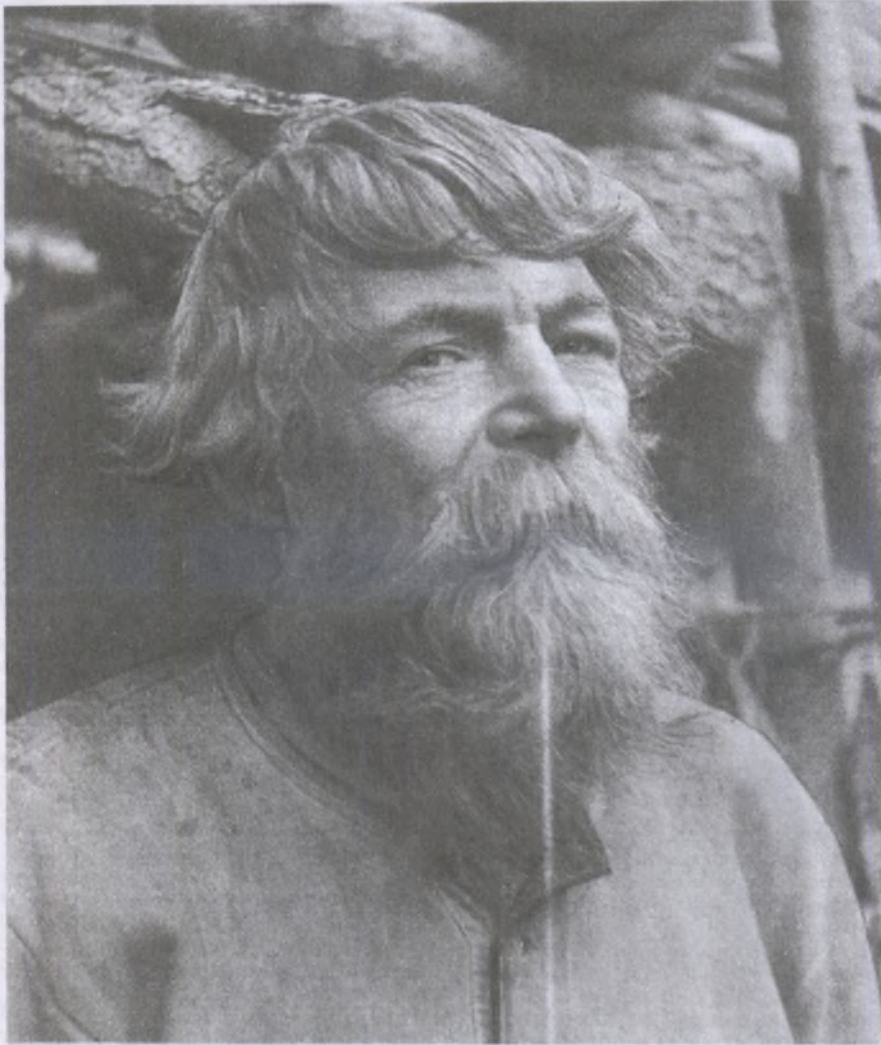
старника, где и держится в течение всего периода осенней линьки до выпадения снега. Как только снег скроет другие ягодники, куропатки какое-то время питаются веточками черничника, еще торчащими из снега, а когда зима скроет и этот корм, начинают питаться почками низеньких осин до самой весны.

Естественно, вследствие такого питания мясо белых куропаток не оказывается особым деликатесом: оно синего цвета, не очень сочное и не очень вкусное. Однако во все времена промышленное значение и массовая добыча этой птицы были значительны. Когда-то на базарах, обычно парами, в сезон охоты они в изобилии продавались по не очень высокой цене. В наше время в центральных гастрономических магазинах они довольно часто бывают в продаже, но только в столице и больших городах.

Из вышеизложенного читателю ясно, что основным местом обитания белых куропаток являются обширные моховые болота, поросшие низеньким кустарником ивняка, березок, осин, сосенок и елей. Держатся они по опушкам моховых болот и в широколиственных лесах, где находят и укрытие, и необходимый корм. Естественно, и охотиться на них надо в этих местах.

Сам процесс охоты практически не отличается от охоты с легавой на тетеревов. Однако есть и некоторые различия. Так, если взматеревшие тетеревята в конце августа и в сентябре уже плохо выдерживают стойку собаки, то белые куропатки оказываются более терпеливыми и не только выдерживают стойку, а и подпускают легавую на довольно близкое расстояние, что обеспечивает уверенную стрельбу. Кроме этого, в отличие от поведения выводка тетеревят, взлетающих, как правило, поодиночке, выводок куропаток при его обнаружении прямо взрывается весь целиком. Отстрелявшись по взлетевшим, не тешьте себя надеждой найти на этом месте еще хотя бы одну. Улетают все. А так как кормятся они кучно и взлетают дружно, то даже от одного выстрела очень часто падает не одна, а две и даже три птицы. Улетают куропатки быстро и летят по прямой довольно далеко, но перед тем, как сесть, обычно, резко повернув, пролетают еще некоторое расстояние и только после этого садятся. Поэтому не спешите сразу подбирать упавших, а внимательно следите за полетом и постарайтесь поточнее заметить место посадки выводка, а может быть, и целой стайки. Дорогой мой читатель-охотник, я буду счастлив, если мой более чем скромный труд послужит на пользу Вам в многотрудном освоении искусства охоты. Ни пуха Вам, ни пера.

Робинзон по имени АГАП

Агап Афанасьевич Слободчиков

Е. ЗУЕВ

Работая охотоведом, я часто выезжал на несколько месяцев в самые отдаленные уголья. Об одной из таких поездок и хотелось бы рассказать. История эта, мне кажется, полезна для людей, которые вольно или невольно остаются с тайгой один на один.

В районе Баджалского хребта мне было поручено подобрать территорию для создания государственного заказника. Здесь, на северной границе распространения некоторых ценных видов

диких животных, нужно было сохранить соболя, выдру, норку, копытных зверей, а также редких птиц, внесенных в Красную книгу.

В обследовании территории будущего заказника согласился помочь местный охотник Геннадий Павлович Корякин. Был сентябрь — лучшая в Приамурье пора. Созрели ягоды, плоды диких растений, орехи. Везде было много грибов. На ивах, растущих вдоль стариц и протоков, висели плети лимонника с большими гроздьями оранжево-красных ягод. Звери и птицы активно кор-

мились, и некоторые из них заготавливали запасы для самого трудного периода года — зимы. То и дело при неожиданной встрече с человеком верещали бурундуки с защечными мешками, набитыми орехами лещины или кедрового стланика. На урожайных в этом году брусничниках и голубичниках были видны следы кормежек соболей, глухарей, медведей. Следы Топтыгина и копытных встречались на всех тропах, которыми мы следовали.

Шел третий день пути на северо-восток. Геннадий вышагивал впереди и выбирал путь, где легче было идти, — то просеки, проложенные первыми строителями БАМа еще в конце тридцатых годов, то ельники с твердым грунтом вдоль ключей и речек, то звериные тропы, пересекавшие многокилометровые мари. Его огромная фигура маячила метрах в двадцати впереди — ближе таежники в пути не сходятся. В этом случае идущему впереди легче увидеть зверя, а тот, кто сзади, успеет приготовиться, если он нападет; зимой под лед провалится только ведущий, а второй сумеет его выручить.

Тропа стала подниматься в сопку. Она вывела нас к огромному, лежавшему поперек реки тополю. Дерево было срублено топором в очень удобном для перехода месте. Вырубив длинные березовые шесты и балансируя ими, мы успешно переправились по дереву на другой берег.

На реке не было ни одной косы или отмели без свежих следов изюбра, медведя, мелких хищников. Под нависшими над обрывистыми берегами густыми зарослями плескались ленки и хариусы. На больших плесах вспенивали поверхность воды искривившиеся брызгами крупные таймени, взлетали вспугнутые нами стаи уток-каменушек. Нигде никаких признаков присутствия людей. Лишь на одной старой, заросшей тропе, ведущей к заброшенному прииску, заметили несколько заплывших смолой и потемневших затесок на лиственницах, сделанных золотоискателями.

Геннадий, оглядев ближайшие сопки, сказал, что где-то здесь должен жить дед Агап. Охотники зимой заметили его следы в ближайшем распадке, но избушки никто не видел и не знал, где она находится. Я заинтересовался жителем столь безлюдного участка тайги. Мы решили обойти все ближайшие тропы и найти старика.

Перешли мелкий ручеек. Его берега заросли буйной ярко-зеленой растительностью, не встречавшейся ранее. Все камни в воде были покрыты отложениями светло-серого цвета. Геннадий наклонился и зачерпнул пригоршню воды. Я последовал его примеру. В отличие от горных ручьев вода была теплой и вязущей на вкус. По обеим сторонам ручейка шли торные звериные тропы. Пройдя по одной из них вверх по течению ручья, мы вскоре подошли к подножию крутой скалы. Изпод нее и бил небольшим фонтанчиком

этот ручеек. Чувствовался природный запах сероводорода. Температура воды здесь была градусов пятьдесят. На дне вымытого водой углубления и на берегу было множество следов изюбрей, лосей и других животных. Незадолго до нашего прихода в этой «ванне» купался медведь. На берегу еще не высохли его следы и вода на листве зарослей после отряхивания шкуры. Часть горячей воды была отведена в вырытое и обложено камнями углубление, над ним был сооружен навес и сделаны стены из коры. «Это баня Агапа», — радостно сказал Корякин.

Мы пошли дальше. Появились следы человека, обутого в эвенкийские олочи, изготовленные из кожи. Тропа поднималась все выше к сопке и, наконец, перейдя через ручей, вышла на полянку. На ее краю показалось небольшое строение, а чуть дальше еще одна такая же постройка. Мы подошли к избушке.

Громкими гортанными звуками нас встретил крупный гусь-гуменник. Хозяина дома не было. Первая постройка оказалась жильем деда Агапа, вторая — складом. Избушка была сделана из двойных, плотно пригнанных листов еловой коры. Между корой засыпан сухой мох. Крыша и пол были также из коры и утеплены. Над низкой дверью виднелось небольшое окно. Внутри — просторные нары и железная печь, обложенная камнями. На нарах лежали аккуратно сплетенная из специальной лечебной травы циновка и одеяло из шкур рысей, легкое и очень теплое. Под крышей в углу мы заметили бронзовый четырехстворчатый складень, под ним несколько камней-самодетов, на длинной полке вдоль стен всей избушки — туески с лекарственными травами, корнями, семенами. На стенах, в удобных для хозяина местах, были рационально приспособлены снаряжение, посуда, прочие необходимые предметы. Под очень высоко расположенными нарами находился запас сухих дров, бересты. В печке уже лежали дрова и растопка. Нам оставалось только чиркнуть спичкой. Минут через двадцать, уставшие, мы уже пили крепкий чай.

Немного отдохнув, пошли смотреть хозяйство. Под навесом из коры, продолжавшим плоскую кровлю избушки, стояли скамейка, маленький переносной столик, каменная ступа, туески — с голубичным соком, медом, лущеными орехами кедрового стланика; рядом — летний очаг.

Склад, таких же размеров, как изба, был из еловой коры, только не утеплен. На полу и на полках мы увидели десятки различных туесков, ведер, мисок и даже корыто — все искусно и с любовью сделано из бересты. Туески были от трехведерной бочки до стакана, все закрыты плотно пригнанными деревянными крышками. Нашлась посуда и из дерева, но, как позже выяснилось, она менее удобна и долговечна и более сложна в изготовлении.

По периметру под крышей висело

много различных видов высушенных трав, корешков, плетей. В берестяных ящиках, стоявших друг на друге в углу, лежали сухие клубни диких растений. Вдоль стен на полу была разбросана трава, отпугивающая лесных грызунов. При входе мы обратили внимание на закрытый круглой крышкой лаз в погреб. Такие погреба заполняются весной льдом и служат холодильником до поздней осени. На стене склада снаружи висели полозья для легких ручных нарт, лотки для сбора ягод, инструмент для изготовления туесков, другие, непонятно для чего используемые предметы и снаряжение.

Рядом со складом, на старой развесистой елке, находился небольшой лабаз. К складу и дереву были прислонены и сохли трех-четырёхметровые осинные поленья. Здесь же, на дереве, висел аккуратно вырезанный кусок бересты. На нем углем отмечались дни и числа месяца. По записям было видно, что хозяин ушел в тайгу три дня назад и, видимо, должен был скоро вернуться.

Рядом с избушкой, вдоль границы темнохвойного леса, подходившего вплотную к поляне, звонко журчал на каменных перекатах прозрачный ручеек. В каждом из многих небольших омулков, глубиной меньше полуметра, играли хариусы.

...Начало смеркаться. Мы сидели под навесом у горевшего очага, и Корякин рассказывал мне о своих приключениях на охоте. Вдруг по направлению к сопке заревел изюбрь. Мы замолкли. Минут через десять рев повторился, сначала низкий, затем все более высокий, жалобный. У изюбра был разгар гона, брачной поры.

Неожиданно со стороны склада раздался громкие призывные звуки гуся, и вскоре совершенно бесшумно, освещаемый отсветами очага, к нам подошел старик.

Поздоровавшись, он снял с плеча понягу, расчесал костяным гребешком волосы, бороду и подсел к нам. Корякин начал рассказывать о цели нашего прихода.

Старик принес из избушки свою кружку, пил чай, слушал, отвечал кратко, сам вопросов не задавал. Первое впечатление о деду было как о человеке неразговорчивом и подозрительном. Но уже на следующий день я понял, что ошибся. Мы узнали от него все, что нас интересовало о местности, животных, берлогах, переходах зверей, солонцах и о самом хозяине зимовья. Старик оказался на редкость чутким, душевным и отзывчивым. Десятилетия, проведенные в одиночку в тайге, не притупили в нем таких качеств, как доброжелательность, достоинство, чувство юмора.

Потомственный охотник, он с двенадцати лет промышлял в Приморской тайге: добывал пушнину, ловил изюбрей для выращивания пантов, собирал женьшень, охотился на медведей, не раз встречался с тиграми.

Была у семьи Слободчиковых около

деревни небольшая мельница, а в горах — пасака и плантация дикого женьшеня. Раньше найденные корни возрастом менее пяти лет не сдавали, а высаживали в удобном месте недалеко от селения.

В 1932 году семью Слободчиковых раскулачили. Отправили в лагерь не только отца, но и всех братьев Агапа и его самого. В начале войны начали косить заключенных цинга и другая хворь. Агапа частично парализовало. Отпустили его старики травмами, а из лагеря отпустили — кончился 10-летний срок. Дома лечили китайцы: тибетская медицина подняла его на ноги, хотя последствия болезни остались до сих пор. С той поры он поселился в этих местах и живет здесь безвыездно. Когда мы встретили Агапа Афанасьевича, ему было за семьдесят.

У него есть еще одна избушка за непроходимой для человека, рвущейся с крутого склона речушкой. Мы видели искусно налаженную висячую переправу. Но живет он в этой избе только в знойную пору лета. Огород старик не возделывает. Все необходимое для жизни ему дает тайга. «Без тайги жить не смогу, — говорит старик. — Ведь здесь знакома каждая тропка, каждое дерево. Зверя увижу и то знаю, куда он направляется, где живет, где кормится, где отдыхает. Да и они меня знают, не боятся, подходят к самой избе. Один знакомый медведь повадился ходить за мной на кормные ягодники; когда я отвернусь, норovit есть собранную ягоду из туесков. Пришлось поставить его на свое звериное место. Животных нельзя приучать к нахлебничеству. Иначе они перестают быть дикими, и последствия будут самые печальные как для зверя или птицы, так и для человека».

Агап считает недопустимым держать летом в тайге собак или волчат. Гуменника он подобрал в начале зимы несколько лет назад. Уже по снегу тот шел пешком на юг с перебитым крылом. Дед увидел его след и прошел по нему несколько километров, прежде чем догнал. Рассказал, что раньше золотоискатели, сборщики растений тибетской медицины держали в избушке гуся, который более чуток, чем собака, и предупреждал хозяев о любой опасности или изменении в окружающей обстановке.

Весной старик собирал первые кладки некоторых птиц. После чего они откладывали яйца снова и благополучно выращивали потомство. Осенью он собирал мед диких пчел. Пчелиные гнезда утеплял на зиму, расчищал дупла для расширения семей, ставил возле них отпугивающие медведей устройства. Нашел в тайге новые пчелиные семьи методами, описанными Н. М. Пржевальским и другими авторами. От небольшого одичавшего стада ездовых северных оленей Агап получал и консервировал молоко. Яйца, мед, молоко и некоторые лекарственные дикоросы он использовал периодически в качестве профи-

лактических лекарственных средств.

Рыба заготавливалась перед первыми заморозками, когда из мелких ручьев начинала скатываться к Амгуни. Частично она вялилась, частично закладывалась в ледник. Охотой старик почти не занимался. В несколько самодельных ловушек добывал только волков и рысей, которые наносили в период глубокого снега большой ущерб изюбрю.

Несмотря на то, что жизнь этого человека в течение десятилетий была тесно связана с природой (только она его кормила, лечила, охраняла), за время нашего пребывания в верховьях Булюну мы не заметили никаких признаков оскудения окружающих мест. Наоборот, зверей и птиц здесь было больше, чем где-либо по пути нашего следования. Это неоспоримое доказательство того, что при разумном, хозяйском использовании живая природа может служить человеку беспрестанно долго.

Много еще хотелось бы узнать о жизни в тайге этого удивительного человека. Тем более что он ничего не скрывал от нас и однажды сказал: «Имеешь талант — сделай два таланта. Так учили нас деды». Но, к сожалению, начавшиеся дожди заставили поспешить, так как переправы через горные реки могли оказаться непреодолимыми. Мы начали собираться. Старик помогал увязывать снаряжение. На прощание подарил мне редкий самоцвет и туесок из бересты, который я до сих пор бережно храню.

Пожелав деду Агапу счастливой зимовки, мы вышли на тропу. Когда спустились к ручью, я оглянулся — старик стоял возле избушки и смотрел нам вслед.

...Я снова посетил этот некогда дикий уголок северной приамурской тайги, когда по границе заказника уже пошли первые поезда. Вдоль трассы БАМа, где мы десятки километров могли ходить только пешком, проложены хорошие дороги, выросли новые поселки, строятся рудники, ведутся лесозаготовки. Везде техника, транспорт, люди. Много ценной продукции даст стране этот регион.

Я поинтересовался судьбой Агапа. Мне рассказали следующее. После начала изысканий на правом берегу Амгуни загорелась горная тайга. Пожар был большой по площади и интенсивный по силе. В огне и дыму погибло много зверя и птицы. Частично выгорел и бассейн реки Булюну, где жил старик. Геннадий Корякин пошел узнать о его судьбе. Избушка и склад сгорели. Но по различным признакам он определил: дед ушел отсюда еще до пожара, забрав некоторую утварь. Он ушел, видимо, в свою запасную избушку, так как переход в ее сторону через реку был разрушен топором. С тех пор Агапа больше не видели.

ФОТОАРХИВ

Иван Васильевич
ИВАНОВ

И. В. Иванов, унтер-егермейстер царской охоты, вошел в историю русской охоты как организатор высочайших охот при императоре Александре II. Во время медвежьих охот И. В. Иванов всегда был рядом с императором.

Однажды 4 января 1872 года близ станции Торбино (Николаевской ж. д.) был обложен медведь, который оказался очень свирепым. В окладе он поранил двух кричан и вылез на императора Александра II, который его только заранил. Медведь бросился на императора. Его гибель казалась неминуемой, но Иванов в упор одним выстрелом уложил зверя наповал. Пуля унтер-егермейстера точно попала в глаз. Александр II наградил своего верного слугу золотой медалью.

Родион Федорович
ГЕРНГРОСС

Р. Ф. Гёрнгросс — известный эксперт-кинолог, автор книги по испытаниям легавых. На первом кинологическом съезде в 1925 г. он выступил с докладом о правилах испытаний легавых, который долгое время был предметом восхищения. Его статьи в охотничьих изданиях написаны талантливой рукой. Гёрнгросс оставил о себе глубокую память как об истинном русском охотнике.

Борис Васильевич
ЯСЮНИНСКИЙ

Б. В. Ясюнинский — заводчик пойнтеров, известный в мире эксперт, автор статей в журнале «Охотник», владелец знаменитого пойнтера Камбиз. Имя Ясюнинского блистало на страницах охотничьих изданий в 20-х годах нашего столетия. Он участник первого кинологического съезда в 1925 году, входил в состав комиссии по разработке стандартов и правил испытаний легавых собак вместе с такими авторитетами, как А. А. Чумаков, П. Ф. Пупышев, А. В. Богданов, А. А. Тюльпанов, С. Т. Меч.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

Бассет

«Евразия» — крупнейшая интернациональная выставка собак всех пород, ежегодно проходящая в Москве в феврале. Ее проводит Российская кинологическая федерация в соответствии с правилами, принятыми Международной кинологической федерацией (FCI). В 1999 г. в выставке принимали участие 2313 собак 135 пород, в том числе и охотничьих. Согласно классификации FCI, все породы разбиты на 10 групп и отдельно выделены породы вне классификации. В каждой группе определяется лучшая собака, которая получает титул BIG — лучший в группе CI, а на заключительном шоу из 10 победителей в группах выбирается лучшая собака выставки, получающая титул BIS. Это очень престижно, но породы, входящие в большинство групп, довольно разнообразны, и чем победивший бассет лучше вашего далматина, не всегда понятно для любителей конкретной породы. Тут остается только довериться авторитету экспертов, большинство из которых приглашаются из-за рубежа. Поэтому гораздо очевидней результаты экспертизы по породам.

Титул BOB присваивается лучшему представителю породы, а в каждом классе победители получают титул CW — победитель класса и сертифика-

«ЕВРАЗИЯ-99»

Веймерская легавая

В. ЖИВОТЧЕНКО
Фото автора

ты САС — кандидата в национальные чемпионы красоты. Красота — это, очевидно, ключевое понятие шоу-выставок, в которых участвуют шоу-собаки и где оценивается прежде всего внешний вид. Так, например, обращает на себя внимание шерсть, которая, как правило, более длинная и ухоженная, чем у рабочих собак. Бега среди кустарника на охоте, такую трудно сохранить. Правда, выделяется и рабочий класс. Но и тут все не так просто.

Так, у русских псовых борзых учитываются как рабочие дипломы, полученные за участие в бегах, а не на полевых испытаниях. И это потому, что с русскими псовыми борзыми нигде за рубежом не охотятся. Тем не менее среди 27 представленных на выставке русских псовых борзых лучшим был признан Алдебаран М. Г. Островской, имеющий 10 полевых дипломов. Рабочая собака, с которой регулярно выезжают на охоту. И это не помешало ей занять также престижное 2-е место в 10-й группе FCI, в которую входит 7 пород.

Но самыми многочисленными среди охотничьих пород на выставке были таксы. На рингах было представлено 60 гладкошерстных, 27 длинношерстных и 10 жесткошерстных такс. На удивление мало было легавых: английский сеттер,

два ирландских сеттера, шотландский сеттер, пойнтер и две веймарские легавые — всего семь собак. Вовсе не было отечественных пород. А например, родезийских иджебов, с которыми охотятся на львов, было 12, бассет-хаундов 12, благдаундов 14. Причем среди бассетов были собаки, имеющие дипломы за работу по кровяному следу.

Обидно, что даже конкурс «Гордость России» выиграла среднеазиатская овчарка, а ведь на одной из первых «Евразий» это была действительно отечественная порода — русско-европейская лайка. В рамках выставки также проводились конкурсы пар, производителей, питомников, щенков, юниоров, ветеранов, а также грумеров (собачьих парикмахеров), юных хэндлеров (проводников собак), показательные выступления по аджилити (преодоление препятствий) и обидиенс (подслушание, управление собакой).

На этой выставке много непривычного, начиная от экзотических пород и заканчивая необычными названиями конкурсов и соревнований. Но это то, что сейчас принято во всем мире. Хотим мы этого или не хотим, считаем хорошо это или плохо, но это есть, и по крайней мере организовано великолепно.

В. ГОРИН,
председатель республиканского общества охотников

Республика Татарстан богата разнообразными охотничьими угодьями. Когда-то всю ее северную половину покрывали леса. На юге они чередовались с пространствами степей и широкими лугами в долинах рек. Теперь, несмотря на то, что большая часть лесов вырублена, еще остались леса с преобладанием ели, сосны, березы, осины, липы, дуба, ольхи. О смешанном характере растительности лесов свидетельствует присутствие в них сибирской пихты. Во втором ярусе лесов обычны можжевельник, лещина, ряби-

В нашем обществе в конце 1988 г. состояло 20 617 охотников и 5151 рыбак. Членские взносы в 1998 г. взимались с охотников — 50 руб., с рыболовов — 10 руб.

По решению Совета нашего общества мы взимаем деньги за охоту на отдельные виды дичи. За одного глухаря весной — 30 руб., за тетерева — 15 руб. Охота на гусей за сутки стоит 10 руб., за сезон — 50 руб. На селезней уток весной за сутки — 5 руб., за сезон — 30 руб.; на вальдшнепа за сутки — 2 руб., за сезон — 20 руб. На водоплавающую дичь осенью за сутки — 5 руб., за сезон — 30 руб. На полевую, болотную и луговую дичь осенью за сутки мы берем 1 руб., за сезон — 5 руб. Охота на боровую дичь в сутки стоит

Правом на бесплатные путевки пользуются почетные члены и штатные работники ТРООиР, а также работники охотничьих хозяйств и лица, приглашенные для выполнения специальных мероприятий.

Благодаря уровню взимаемых оплат за разные виды охот, членским взносам и оплате за нетрудоучастие поддерживается ныне удовлетворительное экономическое состояние республиканского общества охотников и рыболовов. Имеющиеся средства позволяют нам уделять необходимое внимание и собаководству. Всего в ТРООиР в настоящее время зарегистрировано 1200 охотничьих собак.

Ведем мы активную борьбу с волками. В 1998 г. в охотничьих хозяйствах отстреляно 43 волка.

Наши взаимоотношения с администрациями районов в большинстве своем удовлетворительны.

Как и повсюду, досаждают нам браконьерство. Браконьеры охотятся теперь и на подкормочных площадках, и из-под фар с использованием автомобилей. Трудная борьба с ними ведется работниками охотнадзора, МВД, инспекторами рыбнадзора. Природоохранная прокуратура республики поддерживает эту борьбу, но тормозит и ее и развитие всего охотничьего хозяйства отсутствие Закона об охоте.

Перспективы развития охотничьего хозяйства у нас, как и повсюду, пока малоутешительны: идет раздергивание единой системы охотпользователей государственными структурами, физическими лицами, междоусобицами власть имущих. Общероссийский Закон об охоте, о котором так давно и много говорят, мог бы остановить разрушение охотничьего хозяйства, отдельными достижениями которого мы еще совсем недавно гордились.

У НАС В ТАТАРСТАНЕ

на. Повсюду встречаются шиповник, малина, ежевика, калина. Есть и черничники, и брусничники, много бывает земляники. В Волжско-Камском заповеднике (7600 га) есть сосновые боры, липово-дубовые и смешанные леса. Типичные степные растения представлены несколькими видами ковылей, и есть даже полупустынные участки с типчаком.

По густоте речной сети республика занимает первое место в Поволжье. Среди ее трех тысяч рек и речек, кроме Волги и Камы, выделяются Вятка и Белая. В долине Волги и низовьях Камы раскинулись воды большого Куйбышевского водохранилища.

Общая площадь охотничьих хозяйств республиканского общества охотников и рыболовов 3589,4 тыс. га. Из них лесные угодья занимают 691,2 тыс. га, полевые — 2522,4 тыс. га, водные — 261,8 тыс. га и прочие — 114 тыс. га.

По данным последних учетов, в наших угодьях обитают: 2400 лосей, 1800 кабанов, 1100 лисиц, 70 волков, 14 тыс. зайцев-русаков, 7,5 тыс. беляков, 18,6 тыс. ондатр, 1 тыс. норок, 500 бобров, 4 тыс. сурков, 1100 куниц, 500 енотовидных собак, 300 глухарей, 9,8 тыс. тетеревов, 3,8 тыс. серых куропаток. У нас гнездятся 30—50 тыс. разных уток, до 500 гусей (обычно серых). Встречаются на гнездовании и лебеди. Во время пролета останавливаются 200—400 тыс. разных уток и до 10 тыс. гусей. Из уток обычны: кряковая, шилохвость, свиязь, чирки, гоголь, красноголовый нырок и черныш.

Наиболее предпочитаемые охоты: осенняя — на водоплавающих, на зайцев и лицензионная охота — на копытных. Сам я очень люблю охоты с подсадной уткой, на гусей с профилями и на копытных. При этом добычливость охоты для меня большого значения не имеет. Важен, как говорится, процесс. Председателем республиканского общества охотников являюсь с 1977 г.

5 руб., в сезон — 30 руб. За охоту на зайца или лисицу взимается плата в размере 10 руб. в сутки и 100 руб. за сезон. За промысел нелегальных видов пушных зверей мы берем в сутки 10 руб. и за сезон — 80 руб. Плата за охоту на барсука 50 руб., на ондатру — 50—80 руб., на бобра — 10 руб. Однако пушной промысел теперь утратил свое значение в связи с низкими закупочными ценами и невостребованностью добытой пушнины.

Предоставление охотнику места для ночлега стоит 5 руб., места для собаки — 2 руб. За один день пользования лодкой взимается плата в размере 5 руб.

Лицензия на лося стоит 250 руб., а путевка для охоты на него — 2060 руб. На кабана соответственно 117 и 618 руб.

По густоте речной сети Татарстан занимает I место в Поволжье

Фото А. Севастьянова

Из разных районов России в редакцию часто приходят письма с жалобами на непомерную плату за право охоты. И, конечно, сейчас можно понять тех многих охотников, которые не получают регулярную заработную плату или вообще не имеют работы. Особенно трудно приходится престарелым ветеранам Великой Отечественной войны и инвалидам труда. Именно они чаще всего обращаются к нам с письмами и спрашивают, например, почему ветераны ВОВ соседней области освобождены от уплаты членских взносов, а мы платим, да еще так много?

Дорогие читатели, отвечая на ваши вопросы, мы прежде всего приведем несколько примеров и отметим, что во всех обществах охотников от уплаты членских взносов освобождены их почетные члены.

В Московском обществе охотников и рыболовов вступительный взнос составляет 250 руб., ежегодный членский взнос — 75 руб.; вместо трудоустройства уплачивается так называемый спецвзнос в размере 100 руб. и 8,5 руб. — Госпошлина. Но инвалиды войны и труда оплачивают только 40 % вступительного взноса, утвержденного Советом (то есть 100 руб.); членские и спецвзносы они не платят. Участники ВОВ и приравненные к ним лица (воины Афганской войны, лица, пострадавшие от Чернобыльской катастрофы, воины-интернационалисты и реабилитированные) спецвзносы не оплачивают; членские взносы для них установлены в размере 46,7 % (то есть 35 руб.).

Охотники спортивного общества «Динамо» платят 80 руб. членских взносов, 50 руб. за нетрудоучастие. Освобождаются от уплаты участники ВОВ, инвалиды всех групп, штатные сотрудники. Лица, приравненные к участникам ВОВ, а также чернобыльцы и блокадники уплачивают 50 % взносов, кроме Госпошлины. Достигшие 60-летнего возраста платят 50 % членских взносов и освобождаются от уплаты за нетрудоучастие.

В Тверском обществе охотников членские взносы составляют 126 руб. Размеры компенсации за нетрудоучастие определяются в районных обществах охотников. От уплаты взносов освобождаются штатные работники, ветераны ВОВ, инвалиды войны и труда. Но обычно районные общества сами устанавливают размеры льгот. В этом обществе существует правило, по которому охотник, не пользующийся правом охоты в течение 3 лет, восстанавливается затем в членах общества без вступительного взноса. Не требуются вступительные взносы и от лиц, отказывающихся от общероссийского охотничьего билета, от так называемых возвращенцев.

В Бурятии размер членских взносов устанавливается районными обществами охотников и составляет от 30 до 60 руб. За нетрудоучастие взимается от 25 до 30 руб. Вступительный взнос — 50 руб. От уплаты освобождаются ветераны ВОВ и воины-афганцы.

Правление общества охотников и его председатель избираются самими охотниками

ЗА ЧТО ПЛАТЯТ ОХОТНИКИ?

Фото А. Дигилевича

Как видите, в разных регионах России и разных обществах охотников оплата за право охоты устанавливается по-разному. Охотники платят также за путевки на охоту и за некоторые виды дичи, например за отстрел глухарей и тетеревов. И в этих случаях оплата бывает разной.

Почему же не существует единой общероссийской системы платежей за охоту? Дело в том, что общества охотников функционируют на основании Федерального закона об общественных объединениях, принятого Государственной думой 14 апреля 1995 г. В статье 31 этого Закона об источниках формирования имущества общественного объединения говорится:

«Имущество общественного объединения формируется на основе вступительных и членских взносов, если их уплата предусмотрена уставом; добровольных взносов и пожертвований; поступлений от проводимых в соответствии с уставом общественного объединения лекций, выставок, лотерей, аукционов, спортивных и иных мероприятий, доходов от предпринимательской деятельности общественного объединения; гражданско-правовых сделок; внешнеэкономической деятельности общественного объединения; других не запрещенных законом поступлений».

Кстати, закона, запрещающего взимать плату за путевки и за отстрел некоторых видов дичи, нет. Следовательно, размер почти всех выплат охотников зависит от решений Советов обществ охотников на местах. Председатель каждого общества охотников на

основании того же Закона об общественных объединениях избирается самими охотниками, и, значит, многое зависит от их собственной активности и организованности. Обычно же председатели рекомендуют в каких-то инстанциях выше, а члены общества по старой привычке лишь соглашаются с такой рекомендацией. Выходит, что жаловаться некому, — почти все зависит от рядовых членов обществ охотников.

Мы часто пользуемся здесь словом почти только потому, что оплата за лицензии на крупных или сравнительно редких животных регламентируется Постановлением Правительства. Так, например, Постановление Правительства от 15 ноября 1997 г. № 1433 предусматривало оплату за изъятие из среды обитания диких копытных животных, а также медведя, бобра, выдры и соболя. К сожалению, 8 февраля 1999 г. вышло новое Постановление (№ 138) «О предельных размерах за пользование объектами животного мира, отнесенных к объектам охоты...». Этим Постановлением предусматривается оплата за каждый день охоты и за каждую даже мелкую дичину. Ассоциация «Росохотрыболовсоюз» и власти некоторых регионов России в настоящее время добиваются отмены этого Постановления. Пока же от имени редакции отметим, что исполнение подобных Постановлений на огромных пространствах России неосуществимо, все более пополняет ряды браконьеров и ведет к полному развалу охотничьего хозяйства страны.

От редакции

В Татарстане за один день пользования лодкой взимается плата в размере 5 рублей

ПАТРОНЫ ДЕЛАЮ САМ

А. АЗАРОВ, член ассоциации
историков-оружиеведов «Арсеналь»

Цены на готовые патроны с августа 1998 г. сильно подскочили, и рядовым охотникам, видимо, опять придется почаше снаряжать патроны самим. Так будет гораздо дешевле... Какими же компонентами мы располагаем на сегодняшний день?

Гильзы. Начнем с пластмассовых. У них в металлический поддон запрессован донный пыж, между ними вставлена пластмассовая трубка постоянного сечения, так как в нем имеется отверстие под капсюльное гнездо. Высота донного пыжа должна быть не меньше высоты капсюля «Жевело». Это необходимо для того, чтобы дульце меньше развальцовывалось при выстреле. Длина гильз может быть разной: от 65 до 76 мм. В 80-е гг. у пластмассовых гильз 1-го поколения толщина трубок была больше и составляла примерно 0,8 мм. То есть к ним вполне подходили пыжи, изготовленные для бумажных гильз. Донный пыж изготовлялся из полоски бумаги, свернутой спиралью. Металлический поддон был из более жесткого металла. Это не давало выбрасывателя самозарядных ружей прорывать или отгибать закраину патрона. Их дульца достаточно легко завальцовывались.

Сейчас у пластмассовых гильз трубки более тонкие (примерно 0,6—0,7 мм), поэтому пыжи требуются уже большего диаметра, а донный пыж изготавливается из пластмассы. Закрепление трубки в поддоне более прочное. Капсюльное гнездо меньше раздается при выстреле. Однако металл поддона более мягкий, и поэтому случается, что в самозарядных ружьях выбрасыватель прорывает или отгибает закраину гильзы и не экстрактирует ее. Дульца таких гильз легко заделываются «Звездочкой». Однако при такой заделке из-за некоторой угловатости дульца у самозарядок возможны утыкания патронов в казенный срез ствола. Длина этих гильз чаще бывает 65—67,5 мм. Это говорит о том, что они предназначены для снаряжения с пыжами-контейнерами. Донный пыж у таких гильз плоский, что не способствует улучшению внутрибаллистического процесса. Там, где он соединяется с трубкой, создается мертвое пространство, в которое по-

падают несгоревшие порошинки, а газы, стремясь отжать металлический поддон от донного пыжа, выпучивают поддон. Это может привести к срыву выбрасывателя самозарядного ружья с закраины гильзы. Вот вам и задержка.

Бумажные гильзы. Качество их за последнее время ухудшилось. Часто просматривается щель между трубкой и донным пыжом. При выстреле газы прорываются между трубкой и донным пыжом, прожигая трубку. Одновременно газы, плотно прижимая трубку в месте кольцевой выемки к патроннику, отрывают или прорывают трубку в месте стыка с поддоном. В самозарядных ружьях это опять приводит к задержке. Гильзы, безусловно, однострельные. Хорошо выделяются способом «Звездочка». Боятся влаги. При заделке завальцовкой место стыка дульца с картонным пыжом желательно промазать клеем БФ.

Металлические гильзы. Применяя их, редко удается добиться приличного боя. В паспортах ружей указывается на ухудшение боя при использовании таких гильз. Это связано с несоответствием внутреннего диаметра гильзы с диаметром канала ствола, а также с тем, что в них по большей части применяется капсюль «Центробой», хуже воспламеняющий бездымный порох. Закрепление дробового пыжа тоже представляет проблему. В результате дробь сильнее сминается, порох сгорит не весь и не сразу, дульное давление подсакивает и сильнее разбрасывает дробь.

Уже много лет я использую двойные латунные гильзы для стрельбы на тренировках и отстрелах пернатых. Внутри латунной гильзы вставлена (после доработки) латунная гильза меньшего калибра (в гильзу 12 калибра — гильза 16 калибра). Этим устраняется несоответствие внутреннего диаметра гильзы диаметру канала ствола. После нескольких выстрелов внутренняя гильза раздается и перестает «болтаться». Затем у гильзы 16 калибра рассверливаем в капсюльном гнезде два имеющихся отверстия или просверливаем два новых диаметром 1 мм. С подсыпкой дымного пороха увеличивается факел пламени для воспламенения по-

роха. Дробовой снаряд закрепляем, вставляя дробовой пластмассовый пыж. Этот пыж хорошо стабилизирует внутрибаллистический процесс, не дает пыжам преждевременно начать движение до создания давления форсирования, надежно предохраняет дробь от высыпания.

У импортных пластмассовых гильз нижняя часть каморы сгорания сферична за счет формы донного пыжа, который под действием газов стремится прижаться к внутренней стенке гильзы. По этой причине не происходит прогорания трубки и раздутия поддона. Сам же поддон высокий. В самозарядных и помповых ружьях по вине гильз задержка не бывает. Такая камора способствует лучшему сгоранию пороха. У патронов «Тайга» гильза импортная. Высота металлического поддона от 12 до 20 мм. Донышко пластиковое, высотой 10—14 мм. Такая гильза несколько смягчает отдачу при выстреле. Сама закраина гильзы металлическая, что позволяет успешно их применять в самозарядных и помповых ружьях. Прорыв выбрасывателем исключается.

Выпускаются и полностью пластмассовые гильзы. Это одноразовые гильзы, к тому же не совсем удачные. Из той партии, которую испытывал я, многие лопались при первом же выстреле. О применении их на ответственных охотах и в самозарядных ружьях не может быть и речи...

Пороха. Дымный порох. Хранится без ограничения сроков. Не боится низких температур (не слабеет). Кривая горения положе — пик давления ниже, то есть он работает мягче. Это положительно сказывается на качестве выстрела, так как дробь в патроннике меньше деформируется, отсюда резкость и кучность в норме. Однако многие он отвергнут из-за дыма и копоти...

Бездымный порох «Сокол». Им вполне удобно снаряжать патроны в домашних условиях. Он менее чувствителен к разнице в навеске, поэтому многие его не взвешивают, а отмеряют меркой. «Сокол» незначительно реагирует на изменение плотности заряжения в пределах до 5 кг. Это тоже очень удобно при домашнем снаряжении. Навойники с динамометрами мало у кого есть, а запы-

живая гильзы вручную, возможны повреждения. Но у «Сокола» дульное давление больше, чем у «Сунара», а оно значительно определяет внешнюю баллистику. При большом дульном давлении дробь будет сильнее разбрасываться и кучность падать. У «Сокола» отдача больше, чем у «Сунара». «Сокол» имеет большую продолжительность выстрела, то есть он дольше горит. При этом не все порошинки могут сгореть, поэтому вес заряда берется в пределах 2,2 г — для 12 калибра, а для сравнения «Сунара» — 1,8 г. «Сокол» менее мощный порох, чем «Сунар». Он не создает большой пик давления, как «Сунар», значит, меньше деформирует дробь в патроннике. «Сокол» же меньше реагирует на компоненты патрона: гильзы, пыжи-контейнеры, obtураторы, амортизаторы, вес дроби. Это тоже очень удобно при снаряжении в домашних условиях. Плотность «Сокола» меньше, чем у «Сунара», его можно отмерять меркой. «Сокол» сжимается с усилием 6—8 кг.

«Сунар» более быстрогорящий порох, чем «Сокол». Его энергетические возможности используются более полно, поэтому вес «Сунара» берут меньше. «Сунар» более мощный порох. Кривая горения «Сунара» круче. Пик давления в патроннике выше, чем у «Сокола». Плотность «Сунара» выше, чем у «Сокола». Его надо только взвешивать на весах. Разброс навески не более 0,05 г. При снаряжении в домашних условиях это не совсем удобно. «Сунар» более полно сгорает в канале ствола, значит, будет меньше звук выстрела, меньше отдача, меньше пламя. Выстрел считается качественным, если ночью длина пламени до 15 см, а днем его практически не видно. Работа «Сунара» сильно зависит от компонентов патрона. При неудачном сочетании капсуля «Жевело-М», жесткого пыжа-контейнера, заделке «Звездочкой» давление может подскочить, отдача увеличиться, кучность осыпи упасть. При мягком войлочном пыже, «Жевело-Н», завальцовке закруткой возможна низкая начальная скорость дробового снаряда. Этот пример показывает, что даже замена капсуля «Жевело-М» на «Жевело-Н» может сильно повлиять на давление в канале ствола и соответственно на кучность осыпи. Конструкция пыжа-контейнера и его амортизатора также влияет на давление в канале ствола. Есть пыжи-контейнеры жесткие, а есть с полыми амортизаторами — мягкие. При жестких пыжах давление в канале ствола будет больше. При диаметре пыжа-контейнера 18,4 мм и выше вес «Сунара» уменьшить на 0,1 г. Изменение веса дроби также влияет на показатели баллистики. При увеличении веса дроби возрастает давление форсирования. Горение «Сунара» активизируется. А при увеличении навески на 0,25—0,4 г давление может подскочить за 1000 кгс/см². При снаряжении патронов порохом «Сокол» такое не грозит...

«Сунар» боится низких температур. За два часа при минус 20 °С он теряет в скорости на 10—15 %, а при минус 40 °С — на 17 %. Поэтому на каждые 10 °С понижения температуры вес «Сунара» надо увеличивать для 12 калибра на 0,15 г, для 16 — на 0,1 г. Гильзы незначительно влияют на внутреннюю баллистику при стрельбе «Сунаром», но все же в более толстостенных гильзах давление в канале ствола будет несколько выше, так как момент страгивания пыжей замедляется. Важно, чтобы характеристики по пикам давления (по абсолютным величинам) каждого пороха подходили к геометрии данного канала ствола. Тогда при выстреле стенки канала будут расширяться на одну и ту же величину (примерно на 0,1 мм), и дробовому столбику не придется несколько раз перестраиваться, деформируя дробинки... Было определено, что при чрезмерном повышении усилия сжатия «Сунара» начальная скорость повышается значительно. Это снижает эффективность выстрела. Известно, что кучность осыпи напрямую зависит от давления пороховых газов. При излишнем давлении возрастает разброс дроби и кучность снижается. При низких температурах компенсировать падение давления можно повышением усилия сжатия компонентов патрона с переходом к завальцовке на «Звездочку», а также применением капсуля «Жевело-М». Навеску пороха «Сунар» при этом оставляют прежней. За счет перехода на более жесткие пыжи, снижения высоты пыжей и амортизаторов, а также уменьшения веса снаряда с 35 до 30 г при том же весе «Сунара» можно сохранить энергию дробового снаряда на прежнем уровне. При этом повышается не только давление в канале ствола, но и начальная скорость. С переходом на «Звездочку» давление в канале ствола также возрастает, а начальная скорость остается на прежнем уровне. Кучность при переходе на «Звездочку» возрастает. Порох «Сунар» требует усилия сжатия примерно 10 кг. Надо иметь в виду, что окончательное поджатие всех компонентов патрона происходит в момент заделки дульца гильзы. В заводских условиях это усилие контролируется с учетом упругости пыжей глубиной хода матрицы при заделке дульца. В домашних условиях однообразия добиться трудно, нужен большой опыт и совершенные приспособления для снаряжения. С учетом большой чувствительности быстрогорящего пороха «Сунар» к компонентам патрона: капсулям, гильзам, obtураторам, пыжам-контейнерам, весу дроби, а также к усилию сжатия пыжей, усилию заделке гильзы, к наружной температуре — разработчики этого пороха не очень то рекомендуют заниматься домашним снаряжением патронов с этим порохом.

Порох «Сунар-Магнум». В России появилась возможность снаряжать патроны с увеличенным весом снаряда. Главная особенность здесь состоит в

том, что эти патроны можно применять в обычных охотничьих дробовых ружьях. Благодаря особому режиму горения, обеспечивающему плавный разгон дробового снаряда в канале ствола в сочетании с повышенным весом снаряда, этот порох незаменим при снаряжении патронов на гуся, для облавных охот, охот на берлогах, охот на волков, лисиц, копытных. Мощность патрона с увеличенным весом дроби, естественно, значительно повышается. Для 12 калибра берется 2,2 г пороха «Сунар-Магнум» при 42 г дроби. Для 16 калибра соответственно 1,9 г на 34 г дроби, для 20 калибра — 1,7 г на 28 г дроби. Режим горения обеспечивает уровень давления пороховых газов в патроннике: для 12 калибра — 650 кгс/см², для 16 калибра — 700, для 20 калибра — 750 кгс/см². Это вполне подходит для обычных дробовых ружей с длиной патронника 70 мм при качественных стволах без раковин. В общем-то этот порох был разработан специально для снаряжения патронов с пулями Полева. Благодаря плавному разгону снаряда, большей длительности воздействия газов на пулю и уменьшению деформации выстрел получается качественным, эффективным. Скорость пули повышается на 10—20 %. До 100 м по точности выстрел приближается к патронам для нарезного оружия. На пулю Полева 12 калибра берется 2,2 г пороха, 16 калибра — 1,9 г, 20 калибра — 1,7 г пороха «Сунар-Магнум». Для пули Майера, Бреннеке для 12 калибра — 2,3 г, для 16 калибра — 2,0 г, для 20 калибра — 1,8 г. Мои результаты стрельбы пулей Полева: на 50 м разброс не более 10 см, на 100 м — до 20 см. Но для такой стрельбы одной прицельной планки мало, нужен быстросъемный целик, регулируемый по горизонтали и вертикали.

Мои патроны на гуся — дробь 00 весом 41 г (на снаряд для 12 калибра беру 73 дробинки). При дроби 000 — 62 дробинки это тоже примерно 41 г. При дроби 0000 — 53 дробинки — 41 г. Плюс 1 г вес контейнера. Вес пороха 2,2 г. Гильза пластмассовая, капсуль «Жевело», obtуратор, войлочные пыжи, неразрезной контейнер.

Пыжи-контейнеры. Многолетнее применение на стенде и охотах доказало неоспоримое их преимущество перед другими пыжами. Пластмассовый пыж-контейнер стабилизирует внутривальцовочный процесс, улучшая obtурацию газов. Его трение в начальный момент движения по стволу сильнее, чем у дульного среза. Это обеспечивает необходимое давление форсирования, а уменьшение усилия трения в дульной части способствует повышению начальной скорости дробового столбика. Уменьшается и истирание дробинки о стенки ствола, уменьшается их рассеивание после вылета из ствола, нет вредного воздействия (удара) пыжей на дробовой столбик после вылета из ствола. Кроме того, такой пыж снижает значение согласования дроби с

дульным сужением, ослабляет роль пересыпки дробью крахмалом, компенсирует отрицательное влияние несоответствия диаметров канала ствола и гильзы.

Пыж-контейнер с пенополиуретановым наполнителем дает возможность вследствие изменения своей высоты до требуемых размеров при снаряжении патрона обеспечивать условия одинакового загиба дульца гильзы при соблюдении плотности завальцовки. При выстреле толщина пыжа уменьшается в 3 раза без упругого восстановления. Это обеспечивает регулировку засоряющего пространства, снижает уровень максимального давления, уменьшает деформацию дробин.

Устройство обычного пыжа-контейнера известно: обтюрирующая юбка с манжетами, амортизатор и непосредственно контейнер для дробин. Контейнер может быть разрезным и неразрезным. Амортизатор бывает выполненный заодно с юбкой и контейнером (в виде пустот). Есть амортизаторы, вставляемые в контейнер в виде пробки, древесноволокнистых пыжей, пенополиуретана и др.

Есть пыжи-контейнеры с крылышками. Крылышки выполняют роль съемника, то есть обеспечивают отделение пыжа-контейнера от дробового столбика в полете. Чем больше площадь этих крылышек (или больше самих крылышек), тем быстрее контейнер отделяется под напором встречного потока воздуха от дробин. Для стрельбы на 35 м я брал пыж-контейнер с четырьмя крылышками, а для стрельбы на 50 м — два крылышка симметрично отстригал. Кучность дробин № 5 на 50 м равнялась 50 %, резкость 2—3 диаметра в сосновой доске. Это хорошие результаты, то есть путем срезания крылышек можно создавать патроны для стрельбы на определенную дистанцию. При стрельбе пулями из гладкоствольного ружья внутрибаллистический процесс сдвигается к дульной части, дульное давление повышается, что может сбивать пулю с нужного направления полета. Известно, что газы еще некоторое время оказывают свое воздействие на снаряд. Так же разработан обтюрирующий пыж двустороннего действия. В процессе выстрела манжета обтюриатора, расположенная в сторону порохового заряда, раздвигается под действием пороховых газов, а манжета, расположенная в сторону пули, раздвигается за счет вклинивания в нее прокладочного пыжа, находящегося под пулей. Дульное давление при этом уменьшается, эффективность стрельбы пулями повышается.

Кроме того, разработан патрон с уменьшенным весом дробин для спортивных. При обычных компонентах патрона вследствие недостаточной инерции снаряда дробин малой навески и уменьшения усилия форсирования в процессе выстрела ухудшалось сгорание порохового заряда. Ухудшились и характеристики выстрела. В этом слу-

чае следует применять два обтюриатора, исключая прорыв газов, а между ними устанавливают войлочный пыж. Внутрибаллистический процесс при таком патроне стабилизируется. Патрон с увеличенным весом дробин снаряжается в латунную гильзу длиной 70 мм. Пыж-обтюриатор представляет собой стакан, передняя часть которого имеет форму конуса. Большее основание конуса по диаметру больше, чем внутренний диаметр гильзы. В передней части пыжа-обтюриатора выполнена полость, для размещения амортизатора из пенополиуретана. Дробовой пыж тоже полиэтиленовый со сферической перемычкой. Такая форма перемычки снижает деформацию дробин. При выстреле динамическая нагрузка воспринимается амортизатором, который, уменьшаясь по высоте в 3 раза, не восстанавливает свою форму, и упругой сферической перемычкой дробового пыжа. Эти амортизирующие элементы снижают уровень максимального давления и уменьшают деформацию дробин. Есть и переворачивающийся контейнер-стаканчик. В передней части стаканчика расположен диск с полукольцевым буртиком. С задней части непосредственно стаканчик для дробин. Стаканчик неразрезной. Открытый торец контейнера разворачивается за счет полукольцевого буртика на диске. Время разворота регулируется высотой этого буртика на диске.

В патронах «Тайга» используется импортный пыж-контейнер. На наружной поверхности пыжа два буртика. Между ними канавки. Это так называемый газовый затвор. Газы заполняют эту канавку и не дают возможности основному газам прорваться через пыж-контейнер.

Пыжи-контейнеры лучше работают в ружьях 12 калибра при сужении 0,8—1,0 мм, но при минус 10 °С он становится жестким, и здесь лучше использовать войлочный пыж. Применяя пластмассовые пыжи-контейнеры, вес пороха уменьшают на 10 %.

Теперь остановимся на дробин. Она бывает охотничья мягкая, охотничья твердая, спортивная, стальная. На охоту лучше использовать дробь твердую. Она будет меньше деформироваться. Она должна быть шаровидной, без каверн и хвостиков, графитованной. Еще лучше плакированная дробь, покрытая медью, мельхиором, никелем, но она, конечно, дорогая.

Капсюли. Для латунных гильз — «Центробой» или «Жевело». «Центробой» дает давление 19 кгс/см², «Жевело» — 42 кгс/см². «Жевело» может быть неоржавляющим и мощным. Диаметр «Центробоя» 6,55 мм, «Жевело» — 5,6 мм, KB 21 — 5,6 мм. Диаметр импортных капсюлей около 6 мм. Диаметр KB 22 — 6,0 мм. У капсюлей KB 21 (желтого цвета) иногда выпучивает сам капсюль и разрушается наковаленка, разваливаясь на осколки.

В. ПОЛЯКОВ

Не буду лукавить, к стрельбе пуль из ружья я отношусь без особого энтузиазма: ни добротная гладкостволка, ни сделанное специально «под пулю» ружье с полностью нарезным стволом не могут служить серьезной альтернативой хорошему карабину (винтовке) или штуцеру под грамотно подобранные для той или иной охоты боеприпасы. Но коль скоро даже за рубежом, где выбор охотничьего нарезного оружия просто огромен, продолжают совершенствовать пулевые ружейные патроны, с расчетом не только на полицию и спецслужбы, но и на охотников, я познакомлю читателей с новой ружейной пулей Barnes eXpander, созданной специалистами американской фирмы «Barnes Bullet». Вначале коротко о самой фирме и о ее продукции.

«Barnes Bullet» была основана в 1932 г. Фредом Барнеусом и с тех пор занимается разработкой и производством пуль для охоты. Важнейшим событием в истории «Barnes» следует считать разработку в 1989 г. тогдашним владельцем компании Ранди Бруксом не имеющей оболочки и свинцового сердечника экспансивной твердосплавной винтовочной пули Barnes-X (Барнес-ИКС), положившей начало целому семейству X-Bullet, построенному на общей конструктивной основе. В свое время по поводу достоинств и недостатков родоначальника семейства шли жаркие споры. Сторонники Barnes-X справедливо указывали на великолепную раневую баллистику пули, противники утверждали, что Barnes-X, по сравнению с оболочечными пулями, обладает несколько худшей кучностью боя, а также более интенсивно стирает нарезку ствола. И те и другие по-своему правы... Раневая баллистика пули действительно великолепна: умеренная экспансивность в сочетании с практически полным сохранением первоначальной массы обеспечивают отличный баланс останавливающего и пробивного действий. Даже при остаточной скорости более 900 м/с пуля, не «разбрызгиваясь», прошивает толстый слой мышечной ткани и прочные кости. Опытные охотники рекомендуют использовать Barnes-X по крупному и опасному зверю, когда стрелку необходима уверенность в способности пули дойти до жизненно важных органов животного при любом ракурсе стрельбы. Что касается якости худшей кучности боя и повышенного износа канала ствола, то, на мой взгляд, эти недостатки несколько преувеличены: просмотрев результаты отстрела серийных винтовок и карабинов, я не заметил сколько-нибудь существенного ухудшения кучности боя и выходящего за рамки допустимого износа канала ствола.

До выхода Barnes eXpander семейство X-Bullet включало в себя винтовоч-

Экспансивная пуля

12

калибра

Пулевой патрон и элементы его снаряжения

Деформация пули при стрельбе на различные дистанции. Слева направо: пуля до выстрела, деформированные пули при стрельбе на 91, 137 и 159 м

ные и пистолетно-револьверные пули всех основных калибров, а также специальные пули для дульно-зарядных образцов. Дополнив семейство ружейной пулей, компания довела начатое до логического завершения, перекрыв семейством X-Bullet все системы охотничьего оружия.

Приступая к созданию Barnes eXpander, инженеры фирмы четко знали, что от них потребуется. Поскольку желающих поохотиться на крупного зверя с ружьем 12 калибра практически нет, а пулевые монстры 4, 8 и 10 калибров еще в первой четверти XX века были вытеснены крупнокалиберным нарезным оружием, необходимо создать хорошую пулю для тех, кто ради разнообразия периодически постреливает оленей не из карабина или винтовки, как все «нормальные люди», а из ружья 12 калибра. Для таких «отщепенцев» тамошние производители оружия делают специальные пулевые ружья с полностью нарезным стволом. В отличие от обычных гладкостволок, нарезные ружья имеют более высокую, а главное — стабильную кучность боя. Поэтому разработчики, зная потребности охотников и тенденции развития оружия, сделали ставку именно на нарезной ствол.

С концептуальной точки зрения Barnes eXpander представляет собой ружейный вариант винтовочной пули Barnes-X. Как и все остальные представители семейства X-bullet, она выполнена из твердого сплава и не имеет оболочки. Диаметр пули составляет

14,61 мм, вес — 28,4 г. Экспансивная пустота в носовой части пули представляет собой профилированное отверстие диаметром 8,89 мм и глубиной 15,88 мм. Размеры и форма экспансивной пустоты позволяют получить стабильные параметры раневой баллистики в широком диапазоне остаточной скорости. При стрельбе по блокам 20-процентного баллистического желатина, используемого для оценки раневой баллистики винтовочных боеприпасов, пуля продемонстрировала великолепные результаты — на дистанции 46 м остаточный диаметр составил 31,75 мм (в 2,17 раза больше первоначального), а на дистанции 114 м — 30,48 мм; разница чисто символическая, но самое главное, что при столь высокой и мало зависящей от дальности стрельбы экспансивности Barnes eXpander обладает хорошей пробивной способностью. В подавляющем большинстве случаев она проходит в тканях расстояние более полуметра. Другим достоинством пули является схема трансформации головной части. При попадании она разворачивается на шесть жестких лепестков, которые, подобно тупым когтям медвежьей лапы, разрывают прилегающую ткань, тем самым увеличивая объем раневого канала.

Внешняя баллистика Barnes eXpander тоже смотрится очень неплохо — резкого «обвала» скорости не наблюдается. В целом по внешней баллистике пуля эквивалентна «Ремингтоновской» Copper Solid (подробнее о Copper Solid см. № 8 за 1995 г.), номинальная ос-

таточная энергия последней (вариант для патрона с 70-мм гильзой) на дистанции 92 м составляет 189 кгс·м против 197 кгс·м у Barnes eXpander. Да и кучность боя практически аналогична: при стрельбе патронами фабричного снаряжения из нарезных ружей Browning A-Bolt, Marlin 512, MossBerg 695 и Savage 210 на дистанцию 90—100 м средний поперечник рассеивания обеих пуль составляет порядка 70—80 мм. Это еще раз доказывает: кучность боя ружья с полностью нарезным стволом значительно стабильнее, чем у гладкостволки, и в меньшей степени зависит от конструктивных особенностей пули...

С 1998 г. один из крупнейших мировых производителей боеприпасов американская компания Federal предлагает охотникам фабричные патроны 12 калибра с пулей Barnes eXpander, состоящие из следующих основных компонентов: пули, помещенной в отделяющийся после вылета из ствола пластиковый контейнер, пластмассовой гильзы длиной 70 мм с высоким металлическим поддоном и размещенным между контейнером пули и пороховым зарядом пластиковым пыжом-обтюратором с функцией амортизатора. Внешняя баллистика патрона при стрельбе из баллистического ствола и результаты стрельбы по желатиновым блокам из одноствольной «переломки» Harrington & Richardson Model 988 Ultra Slug приведены в таблицах.

ТЕСТ НА ЭКСПАНСИВНОСТЬ И КУЧНОСТЬ БОЯ ПУЛИ BARNES EXPANDER, ПАТРОН FEDERAL PREMIUM

Дистанция стрельбы, м	Поперечник рассеивания, мм	Остаточный диаметр, мм
46	32	31,7
92	38	30,7
114	45	30,4
137	57	29,9

Примечание. Патроны отстреляны из нарезного ружья H&R Ultra Slug M988 с длиной ствола 610 мм. Прицел оптический Leupold 3x9". Фактическая начальная скорость пули 422 м/с. Остаточный диаметр замерялся после извлечения пули из блоков 20-процентного баллистического желатина. Поперечник рассеивания получен на основе пяти серий по три выстрела.

НОМИНАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ БАЛЛИСТИКА ПАТРОНА FEDERAL PREMIUM С ПУЛЕЙ BARNES EXPANDER

Скорость пули, м/с — энергия пули, кгс·м					
V_{46}/E_{46}	V_{92}/E_{92}	V_{114}/E_{114}	V_{137}/E_{137}	V_{159}/E_{159}	V_{183}/E_{183}
442/283	421/257	402/234	384/214	369/197	354/182

Примечание. Дистанция стрельбы приведена в метрах. Длина баллистического ствола 762 мм. Патрон стандартный с гильзой 70 мм.

С. БАРАНОВСКИЙ

Давно нет уже на белом свете многих людей, растений и птиц, о которых пойдет речь в этой истории. И шестой трамвай делает круг не около почты, на углу Новопесчаной улицы, а рядом с магазином «Смена» — неподалеку от «Гидропроекта». Гидропроект — старая кличка многоэтажного гиганта, выросшего в шестидесятые годы, на радость москвичам, в основании Ленинградского проспекта. На табличке у главного входа было написано именно это гордое, в меру понятное слово. Что там сейчас, не знаю — близко не подходил уже много лет.

А на месте Сучкова переулка, куда меня, десятидневного, мама принесла в полуподвальный этаж небольшого двухквартирного дома, уже давно стоит кинотеатр «Баку». Я часто бывал там со своим сыном и, сидя в темном зале,

Порой мне кажется, что все это было со мной...

— Уже двенадцатый час, а мы с тобой без добычи. Не стыдно тебе? Вижу, что устала, но ведь не пальнули ни разу. Перестань жевать осоку и поднимайся... Ну!..

Айка подползает ко мне на брюхе и укладывает морду на мой сапог. Дорожка, проложенная ею в траве, моментально заполняется бурой болотной жижей. Собака внимательно смотрит на меня, уверенная в том, что я, наконец, пойму: раз уж она — Айка — не носится впереди в поисках заветных запахов, а лежит пластом на моей ноге, это что-нибудь да значит. Ведь ей уже двенадцать лет. А мне — четырнадцать, и мы уже шестой час на ногах и на лапах.

поставить некуда. Кругом — макушки точно таких же кочек с расчесанной на прямой пробор сухой и редкой растительностью. Я встал и пошел к лесу. Айка, подвигивая, побрела за мной как привязанная, а как почувствовала лапами твердую почву, снова легла. Я опять принялся за уговоры: «Такая хорошая собачка, умница моя. Встань, пожалуйста, и давай поработаем». Айка медленно поднимается, отходит от меня метров на пять, погружает нос в густой черничник и начинает лениво бороздить его, совершая какой-то почти похоронный круг. Вот, это все, на что я сейчас способна, — говорит весь ее вид. Она доходит до того места, откуда начала свой маршрут, и пропадает

СОЧИНЕНИЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

пытался порой представить, что вот где-то здесь, только ближе к земле, шла жизнь, приходил с работы отец, встречали и провожали бесчисленное множество гостей. Этот участок земли — часть моей Родины. Я это физически ощущаю — подошвами, когда иду, к примеру, по улице Усиевича.

Впервые я задумался об этом в шестом классе в сочинении на тему «С чего начинается Родина?». Я с восторгом написал о том, как цветет под нашими окнами сирень, как здорово ловится на Истре плотва и как наша собака Айка ложилась около меня и никого не подпускала, когда я, наказанный, стоял в углу. А еще рассказал о том, какие у меня хорошие мама, папа и бабушка.

Я получил «три». Учительница сказала, что в сочинении отсутствует главная мысль о Родине как о Союзе Советских Социалистических республик. Мама, узнав об этом, почему-то расплакалась. А отец сказал: «Ты, Серый, все правильно написал. Молодец!» И в глазах его я тоже увидел слезы. Я тогда очень удивился. Ну, мама — ладно. Но отец — мужественный и сильный, майор артиллерии, всю войну прошел. Теперь-то я понимаю, как для человека может быть важно, чтобы его сын так написал про Родину.

Сейчас я снова пишу. И, надеюсь, они меня услышат...

Солнце палит безбожно, сжигая последнюю росу. Я сижу на жидкой кочке, а ружье — на коленях: ни положить, ни

ет с глаз долой, сгнув в металлическом серебре миллионов дрожащих личинок.

Вижу только ее глаза, темно-карие, с неправильной светло-зеленой звездочкой в середине и большим черным зрачком...

Она появилась в нашем доме, когда мне было и двух лет. Отец с мамой проходили по Неглинной мимо магазина «Охотник». У входа стоял молодой цыган. На руках он держал месячную Айку, завернутую в собственные уши, а сверху — в большую пеструю тряпку. Увидев моих родителей, он, слегка покачиваясь, безошибочно к ним направился. Цыган, как говорила мама, был nepозволительно красив, сильно пьян и умолял купить собаку. По его словам, он являлся младшим родным братом Ляли Черной*, что, видимо, не должно было оставлять никаких сомнений по поводу чистоты Айкиной породы. Правда, по словам отца, и так было видно, что перед ними — настоящая спаниелька.

Цыгана звали Петр. Он — актер. Женат, дочка во втором классе. Завтра утром у него в Ленинграде съемка, а дорожные деньги он «вот совсем недавно использовал». Одалживаться ни у кого не захотел, а увел потихоньку из дома дочкиного щенка и теперь продает за сто пятьдесят старыми — как раз на билет. Мама сказала, что ворованную, тем более у ребенка, собаку ни за что не купит. «Красавица, я же все равно продам, — резонно возразил Петр, — не вам, так другим. Подержи — не отдашь». Мама взяла Айку на руки, прижала к себе, и это решило ее судьбу.

Она не была послушной собакой. И не потому, что не хотела выполнять команды. Просто всю ее долгую, до предела насыщенную делом жизнь Айку не покидал буйный азарт погони и поиска. Команды «сидеть» и «лежать» она не научилась выполнять на охоте до конца своих дней. Но стоило лишь еле слышно, порой одними губами, произнести слово «вперед»... И наследница цыганских кровей носилась по болотам и просекам, рискуя попасть под выстрел и доверяя только себе.

Щенки у нее появлялись регулярно. Женщиной Айка была столь же любвеобильной и страстной, сколь безудержно любила охоту. Никакие запреты не помогали. Кончалось обычно тем, что она либо удирала через случайно открывшуюся дверь, либо срывалась с поводка или выпрыгивала из ошейника, а иногда даже в окно, благо мы жили на первом этаже, и с виноватым видом удирала к своим ухажерам. Успехом у мужского пола она пользовалась колоссальным. Последних щенков принесла в одиннадцать лет. И тоже — одиннадцать. Правда, живыми родились только два, да и те умерли на второй день. Айка затащила их под диван,

и больше суток мы ее не видели. Запах появился уже через несколько часов, но достать щенков было совершенно невозможно. Кидалась сразу, как волк все равно, — молча и точно. Наконец она выползла и тихо легла в стороне. «Забирайте. Они все равно мертвые».

Отец взял веник и начал доставать щенков. Все это время она одновременно рычала и выла так, что получалась какой-то глубокий и траурный звук. Потом она еще два дня ничего не ела и после каждой прогулки тщательно обыскивала квартиру, видимо, надеясь на чудо.

...Вот она — смотрит на меня из черничника — черно-белая на зеленом. Лежит, не поднимается. Устала, очень устала и не хочет никого искать. Подхожу ближе... еще ближе... И вдруг неожиданно для самого себя сильно бью ее сапогом в бок.

Через две минуты Айка взяла след. Помню, неожиданно увидел ее впереди, красивую и подтянутую. Будто не было шести часов изнурительной беготни по болотам. Она стояла около выросшей в мох поваленной ветром сосны и нервно приноживалась.

— Что, был здесь кто-то, Аинька? — еще не веря в свое счастье, спрашиваю я.

— А ты сам не видишь, что ли? Стала бы я тут торчать.

— Ну, так ищи. Ищи!

— Погоди ты. Дело серьезное.

Она зарывается носом в мох, замирает так на несколько секунд и, убедившись, что не ошиблась, глухо тьякнув, скрывается в мелком густом ельнике.

...Ветки бьют по лицу, ружье цепляется за сучки. Куда бегу, где собака — понятия не имею. Но — бегу. Еще минута этой сумасшедшей гонки, и пот начинает заливать глаза, а мои ноги в отцовских болотных сапогах делаются мягкими и тяжелыми, как слоновьи уши. Неожиданно становится светло и свободно, и я невольно останавливаюсь. Ельник кончился: передо мной — край узкого, уходящего за близкий горизонт болота. Прихожу в себя и сразу вижу Айку. Она выскочила из леса гораздо раньше и правой меня и как раз пробежала мимо. Я окликнул ее. Куда там! Она не просто бежала по следу — корпус ее вытянулся, кусочек хвоста замер, шерсть на загривке встала дыбом. Кто же это, господин?! Что за животное такое? Километр по непроходимому ельнику, а теперь по болоту. И идет, и идет... Кто же это, кто? А если зверь?.. Лось? Медведь?! А где следы? Но все же это — зверь; непослушный клок шерсти на загривке собаки красноречиво свидетельствовал об этом — загадочный зверь, не оставляющий следов и вместе с тем обладающий сладостным, неотразимым для моей Айки запахом.

Не успев я испугаться своих мыслей, как Айка резко свернула в сторону, перескочила через мощный завал сухих бревен и я услышал ее хриплый и зали-

вистый лай. Я взял себя в руки, доковылял до этих деревянных баррикад и, готовый к встрече, по крайней мере с мелким динозавром, перелез через них. Но никаких ужасов, от чего бы моей собаке так жутко выть, не увидел. Передо мной открылась старая вырубка, заросшая иван-чаем и стайками березок, пришедших на смену еловому лесу, совсем юных, но уже желтеющих.

И каменка* на пне поводит хвостом.

И раскаленное солнце — в глаза.

Мы — Айка, а вслед за ней и я — переходим на резкий сбивающийся галоп — сигнал скорой развязки. В частом ее лае появляются истеричные нотки, и я, на всякий случай, снимаю ружье с предохранителя. Мысль о том, что в патронниках — «пятерка», заряд, которым можно свалить в крайнем случае крупную утку, но никак не то, что было впереди нас, растворяется в непреодолимом желании увидеть, только увидеть это таинственное существо.

Мы влетаем в заросли черной ольхи, вязкие, как кислое тесто. Опять перед глазами замелькали листья, ветки и сучья, за ширьют посыпалась кака-то труха, забарабанили жуки и цикады по штормовке. И вот, когда силы уже начали окончательно покидать меня, ольшаник неожиданно поредел, под ногами привычно захлопало, и прямо перед собой я увидел большой калиновый куст.

Стоп... Я уже сегодня видел этот куст. А вот и мои следы. Что за наваждение! Зову собаку. Тишина... Обхожу куст и вижу небо. По нему быстро и беззвучно идут составы мелких кучевых облаков. Солнце тлеет в зените. Рядом с ним возмущается моим шумным появлением одинокая чайка. Передо мной — озеро. На другой его стороне ежится фанерными черепицами наша деревня. У берега покачивается моя лодка, а на корме невозмутимо сидит Айка. Она смотрит на меня, как всегда, преданно, но все же чуть-чуть снисходительно, с легкими искорками веселья в умных глазах. Разом все стало ясно. Она привела меня к дому. Все эти полтора часа Айка лишь инсценировала погону.

Я поискал в себе силы, не нашел их и сел в грязь.

— Как же все это в голову в твою собачью пришло?

— Вот так уж и пришло. Поехали, юноша.

— Погоди, дай опомниться.

— Поехали, поехали. Я, честное слово, очень устала, и ты не должен на меня сердиться.

Облака не пожелали наблюдать мой позор; чайка, наверное, охрипла — тоже скрылась. И солнце осталось в ярко-синем одиночестве.

Через два года Айки не стало. Старые собаки обычно уходят из жизни

* Известная цыганская актриса.

* Птичка из отряда воробьиных.

долго и мучительно. Но она не позволила себе утруждать нас своей изнурительной смертью — просто отказалась однажды идти гулять, легла на свое место и перестала двигаться. Когда на следующий день после тщетных уговоров я попытался поднять ее, то на руках и подстилке увидел кровь. На улице Юнатов в ветлебеннице нам с мамой сказали, что пришлют машину и помогут, если возможно. Но по глазам врача было ясно, что эта машина заберет Айку совсем. И я испугался прощания, позорно бежал «в гости». Отец тоже ушел: сказал, вызвали в военкомат. Так что, когда молоденькая врачиха, пряча глаза, на старом заслуженном коврикe вынесла Айку во двор, положила в машину и начала закрывать дверь, перед ней были только мама и бабушка.

Никогда себе этого не прощу! Я бы смог посмотреть на нее спокойно и весело, и она бы не догадалась, куда ее везут. Я бы сказал ей: «А помнишь, как ты меня надула тогда на Валдае? А как я бежал за тобой, спотыкаясь, и ты ждала меня? А каменку на пне? А облака над озером?.. Прости меня, я не должен был тебя пинать ногой там, в черничнике. Ты — самая лучшая собака в мире и проживаешь еще сто лет. Ну и что, пусть закрывается эта железная дверь. Ну и что... Слышишь, Айка!..»

И она бы все вспомнила, все простила и наверняка бы спокойно уснула под столь привычный для нее рокот мотора.

Наша лодка огибаёт редкие сухие стволы с выбеленными солнцем ветвями. Еще до войны дома здесь стояли вдоль глубокого ручья, поросшего вербой и таволгой. Ручей вилял по болотистой речной низине, и только местные рыбаки осмеливались выходить по нему в озеро на моторе. Озеро, в которое впадал ручей, кормило рыбой четырнадцать деревень, пока один из колхозов не поставил на нем плотину. Вода поднялась на несколько метров, существенно изменив ландшафт и лишив людей главного источника существования. Рыба, конечно, не извелась совсем, но стало ее значительно меньше, и ловилась она с трудом. Только деревня на ручье получила неожиданные преимущества. Вода заполнила низину, подошла почти к самым огородам, превратив бесполезный участок леса в залив с глубоким фарватером, в

который, кажется, собралась вся живущая в озере рыба. А деревья навсегда распрощались с листвой, сбросили кору и хвою и вскоре умерли, но остались стоять, придавая местности необычные, таинственные черты.

Стоит время суток, которое принято в России называть утренней зарей. Мы плывем за лещами. Только что миновали куст калины, где Айка завершила свой так великолепно удавшийся обман. Было это так давно, что уже и мертвых деревьев почти не осталось на воде.

— Папа, расскажи еще раз, как тебе твоя Айка отомстила.

— Я же тебе говорил, что не мне, а моему отцу.

— А ты рассказывал, что это было с тобой, а не с дедушкой.

— А мне и теперь кажется, что это было со мной... или будет с тобой.

— И ногой ты ее не пинал?

— Ну, не пинал...

— Знаешь, папа, я вот что придумал: когда-нибудь я приеду сюда со своим сыном. Мы возьмем лодку и поплывем... И я расскажу ему про Айку. Как будто это случилось со мной и с Чапой. Можно?

К горлу у меня неожиданно подступил комок. Я отпустил весла и быстро отвернулся, чтобы сидящие напротив меня Костя и Чапа не увидели моих глаз...

Ночь уже прошла, но настоящего света еще не было. Лес по берегам — белесый и призрачный. Серое небо в близирущих шурящихся звездах. И хотя до ломоты в ушах тихо, воздух уже наполнен сонмом одиноких звуков — пощелкиванием, попискиванием, бормотаньем. Мы плывем за лещами, на яму под Брусничным остров.

— Можно, — говорю я, поворачиваясь, — конечно можно.

Грех в этот момент что-либо еще пожелать от жизни. Не правда ли?

Озеро Велье, 1997 г.

Рисунки Б. Игнатъева

Б. РЕПИН

Николай — сторож наших садовых участков, что в 130 км от Москвы, тщедушный мужичонка с безвольной улыбкой (на испитом лице. Посмотришь — не человек, а былинка, колеблемая холодным ветром современной жизни. Откуда пришел Николай и как он стал нашим сторожем, никто не знает. Случилось это давно и как-то само собой. Теперь все к нему привыкли, балуют его, хотя сторож он никудышный.

Сторожевые собаки у Николая долго не задерживаются. Обычно это дворняги самых разных калибров и мастей, приبلудившиеся на наши участки в поисках лучшей доли. Тщетные надежды! Наш сторож не имеет обыкновения регулярно кормить своих собак. Одни уходят сами в поисках корма. Других, которые поприглядней, Николай по случаю обязательно проплет. Раза два у него украли собак прямо из конуры, разрезав старый, весь в узлах, брезентовый ошейник.

— Что за люди, — беззлбно ворчит по этому поводу Николай. — Крадешь собаку — кради. Но зачем же ошейник портить?

Всех собак Николая объединяет один общий признак — им дается кличка Фомка. Что это, скудость фантазии владельца или дань уголовному прошлomu, сказать трудно. Но если отбросить предрассудки, эта кличка удобна для произношения и легко запоминается.

Однажды весенним днем прохожу мимо сторожки Николая и вижу на цепи новую собаку. Да еще какую! Окрас как у русской пегой гончей, но ростом много ниже. Умный, живой взгляд, мягкие уши. Крепкая, широко развернутая грудь и хвост, упругим серпом вскинутый вверх.

— Откуда у тебя бигль? — спрашиваю.

— Какой еще бигль! Гончая это, щенок. Эх ты, а еще охотник, — с тоном превосходства отвечает Николай.

— Да нет же, — не успокаиваюсь я. — Меня не обманешь. Это точно бигль. Лучше скажи, как он к тебе попал?

— Очень даже просто. Иду со станции; а он прямо с просеки — шасть мне под ноги. Видать, вконец оголодал. Угостил я его колбаской, он и привязался. Теперь на кличку Фомка хорошо отзывается.

— Хозяева его, полагаю, скоро объявятся...

— Нет, не объявятся, — уверенно заявляет Николай. — Брошенный он. У меня глаз на это хорошо пристрелян. Хочешь, забирай его насовсем, а то все равно пропью. Эта собака не для цепи...

— А может ты, его поддержишь еще хотя бы месяциком? Глядишь, и хозяин придет, — неуверенно предлагаю я.

— Нет, пропью, — упрямо повторяет Николай, и я понимаю, что слово свое он сдержит.

Фомка

Делать нечего, я забираю собаку. Признаться, мысли завести гончую и держать ее в деревне у меня были. Мысли мыслями, а тут — живая собака. Да еще грязная, отошавшая, вся в репьях. На вид года полтора-два. Веко на левом глазу Фомки почему-то опущено, что придает его морде пиратское выражение.

Взял я Фомку в Москву, и стал он членом нашей семьи. Поправился бигль, похорошел, гордая осанка появилась. Начал я его к послушанию приучать и разным командам учить. Характер у Фомки оказался довольно ровный и спокойный, только немного упрямый. Может потому, что прежние хозяева слишком его баловали, по диванам таскали да наперебой к себе подзывали. Особенно это любят дети. Вот и привык бигль не сразу слушаться, а с оглядкой. На такую собаку кричать и замахиваться нельзя, совсем испортить недолго. Тут главное — терпение и настойчивость. И, конечно же, награда и ласка, но только к месту и в меру.

К осени Фомка уже прошел курс коммандной дрессировки, однако свою привязанность ко мне выражал весьма прохладно: то ли срок нашего знакомства был еще мал, то ли сказывалась его традиционная английская сдержанность. Однако пора было подумать о его нагонке. Мне приходилось раньше держать и натаскивать охотничьих собак. Получалось это неплохо. Но то были сеттеры, а тут — гончая. Охотиться с гончими мне приходилось довольно много, а вот о нагонке этих собак знал только понаслышке. Обложился я литературой. Читаю, подчеркиваю, в отдельную тетрадь выписываю, а полную ясности все нет. Главный вопрос — чем отличается нагонка бигля от нагонки русской гончей — в литературе освещен довольно слабо.

Начал я со знающих людьми советоваться. Одни только разводят руками: бигли, мол, порода довольно редкая, и потому охота с ними изучена слабо. Другие все по-книжному объясняют, потому как сами и есть авторы тех брошюр, которые я штудировал. А на тот главный вопрос, а также на то, как отучить бигля от бессмысленной лисьей гоньбы, конкретного ответа дать не могут.

Находились и такие советчики, которые утверждали, что бигль — полностью готовая к охоте гончая и никакой нагонки для нее не надо. Привози собаку на охоту, спускай с поводка и жди, когда она тебе зайца под ноги пригонит. Как импортные бульонные кубики — бросил в кипяток и готов суп.

Бигль, дескать, от природы знает, что ему надо делать. Потому как до-

тошные англичане, создавая эту породу, крепко постарались и все учли.

В деревне неподалеку от наших дачных участков коротал свой век Михеич, старик-гончатник, человек на всю округу известный. Его настоящее имя — Василий Иванович Михеев — так и не пристало к нему. Старик имел примечательную внешность: крепкую корявую фигуру, обширную загорелую лысину, скуластое лицо, обрамленное седоватой апостольской бородкой. Это лицо с первой встречи показалось мне знакомым. Вспоминаю, где я мог рань-

ше видеть этот сизый нос картошкой и веселье, с бесовской лукавинкой глаза? И, наконец, вспомнил — в Третьяковской галерее. Михеич — вылитый лесной бог Пан, каким изобразил его художник Врубель на своей картине. Много собак передержал он на своем веку, всю подноготную охоты с гончей знал. Книг об охоте, конечно, не читал, классическим словарем гончатника не владел, но собаки у него работали. Зашел я как-то к деду Михеичу.

— Я, мил-человек, свою охоту уже отходил. Силы, понимаешь, не те. Гончими теперь мой младший сын Володька командует. А ведь были времена! Каждую ветку в лесу знал. Сам по лесу носился как лось. А какие тузы ко мне на охоту приезжали! — старик грустно покачал головой. — Что такое бигля, я, конечно, не знаю. Потому как не приходилось. Но раз она гончая, тогда надо по-простому, но с понятием. Почаще ходи с ним в лес, пусть привыкает. От глупостей отучай — ежей там, лягушек, мышей ковырять. Гляди, чтобы скотину или домашнюю птицу не гонял, — тут уж кнута не жалеи. Учи, чтобы на трубу подваливал. Первый раз зайца погонит — поддержи, похвали. Будет скол или перемолчка — уважь собаку: поправь, помоги встать на след. Хорошо бы зайца из-под него убить и дать помять, но рвать и утаскивать — не давай. Самое поганое дело, когда гончая взятого зайца жи-

рает или от хозяина прячет. Хочешь от лисы отбить? Это трудно, собака сама свой манер понять должна. Это у нее от природы. Но лучше, конечно, подальше от лисьих нор нагонку вести, все вернее будет. Главное, смотри в оба и по ходу приспосабливайся, —ставлял меня мудрый лесной бог Михеич.

Многое из того, что сказал мне старик, потом оправдалось. И я мысленно не раз благодарил его за наставления. Не сразу, ох не сразу принял Фомка за работу. Поначалу — почти полное безразличие к лесу, боязнь хоть на шаг отойти от хозяина. Потом — неуверенный короткий поиск с беспорядочным причуиванием ко всему, что имеет запах. Леса в наших местах густые, сильно заваленные. Даже опытной собаке работать в таких местах трудно. Немало терпения и настойчивости потребовалось от меня. Признаться, не раз приходили в голову мысли отказаться от нагонки Фомки. Иногда думалось, что собака эта — неизвестного происхождения и, может быть, даже нечистых кровей — вовсе лишена охотничьих качеств. А может, она и чистокровная, но безнадежно испорчена прежними владельцами.

Тот необычайно теплый сырой ноябрьский день мне хорошо запомнился. Над лесными низинами курился легкий туман, на голых ветвях висели прозрачные капли влаги. Остро пахло грибной прелью. Я шел по лесу, привычно сбивая ногами поздние оранжевые мухоморы. Фомка был в ползаете, и я время от времени негромко покрикивал, подбадривая его. Вдруг в чаще леса кто-то ударил стеклянной палочкой в серебряный колокольчик. Раз, другой... Что это? Сипловатый Фомкин голос в городе, когда он лаял на других собак, не походил на этот звук. А серебряный колокольчик уже расплескался по лесу негромким, но залившимся звоном, уходя от меня по дуге влево. Господи, да это же Фомкин гон! И хотя бигль довольно скоро потерял след, а скол поправить так и не удалось, на душе было ощущение праздника.

Этот день преобразил моего бигля. Доселе дремавший в его крови охотничий инстинкт был наконец разбуджен. Поведение Фомки в лесу резко изменилось — стало более серьезным и осмысленным. Теперь уже не надо было заставлять его идти в полз. Фомка сам находил и старательно распутывал жировочный след зайца, переходя в гон, который долго и замысловато кружил по лесу.

Правда, голосок моей собаки оказался слабоватым. На гону Фомка неред-

ко уходил со слуха. Конечно, охота с биглем — не та удалая забава, когда смычок русских гончих раскалывает тишину леса своим победным ревом, когда охотники-гончатники, азартно перемещаясь по лесу, еле успевают подставляться под гон. Но есть у бигля и серьезное преимущество перед русской гончей при охоте по чернотропу. Заяц почти не боится бигля и идет от него медленнее, малыми кругами, держась впереди на 30—50 метров. Подставиться под такой гон даже при охоте в одиночку не составляет труда. Еще до снега я добыл из-под Фомки трех зайцев, и будущие охоты рисовались мне в самом радужном свете. Я убедился, что охота с биглем может быть красивой и добычливой, если приспособиться к его необычному гону и перемещаться по лесу без шума.

Лучшим местом охоты был старый ельник, изрезанный на отдельные острова заросшими сечами, где обычно держался заяц-беляк. Дорога туда проходила через обширную вырубку, где велели лесоразработки. Человек двадцать рабочих в желтых защитных касках, синих ватниках и резиновых сапогах, орудия мотопилы и топорами, валили лес. Срубленные деревья очищали от сучьев и складывали в штабель возле дороги. Ковер из древесных опилок и свежих щепок мягко пружинил под ногами. В воздухе висел крепкий запах еловой смолы. Когда я с Фомкой на поводке проходил мимо, они обычно бросали свою работу и принимались весело подтрунивать над нами:

— Сам во какой громила, а собачка-то — с гулькин нос. Видать, кормишь плохо. Такую и заяц затопчет...

— На охоту ходить — только зря ноги бить!

— Слышь, командир! Посиди с нами, передохни малость. Хочешь, чайку с дымком попей, перекури. Пусть зверь в лесу подрастет, крупнее будет...

Я молча проходил сквозь строй этих крепких краснолицых людей, и громкий смех перекачивался над поляной. Но это были еще цветочки. Ягодки поспевают позже, когда мы с Фомкой усталые возвращались с охоты той же дорогой. Лесорубы уже не работали. Они обычно отдыхали возле костра, сидя на бревнах. Мне казалось, что эти люди специально поджидали нас. Видя, что мы идем без добычи, они приходили в веселое неистовство:

— Где же зайцы-то? Небось набил их целую кучу да в лесу и спрятал, чтобы нам не показывать...

— Нет, ребята, не в этом дело. У него патроны мукой заряжены. И постреляешь вволю, и живность в лесу сбережешь...

Бывали шутки и пообиднее:

— Ребята, я все понял. Заяц, как увидит его гончую-недомерка, начинает помирать со смеху. Так все зайцы в лесу от смеха и передохли...

— Да ты не бери в голову. Это ребята не со зла говорят. Им просто пошутить охота. Весь день на холоде с

бревнами не больно наштуиться, — примирительно говорил в таких случаях плотный пожилой человек, бригадир лесорубов.

Своего первого зайца, добытого из-под Фомки, я не стал убирать в рюкзак, а демонстративно повесил через плечо. Пусть смотрят, кому интересно! В тот день мы с Фомкой вышли на вырубку торжественным шагом победителей. При нашем приближении все разговоры смолкли. Лесорубы обступили нас, с любопытством разглядывая трофей. Каждому хотелось погладить шерстку зверька, потрогать его уши.

— Гляди-ка, еще не вылинял. Спинка вся черная...

— Крупный беляк, килограмма на четыре потянет...

— Вот тебе и собачка. Мал золотник, до дорог. Ни ест, ни пьет, живьем заяц берет...

— Слышь, охотник. Добудь в следующей раз свежатинки и на нашу долю. А то консервы уже надоели. Мы тоже в долгу не останемся...

Подумав, я отдал им зайца — пусть ребята порадуются. С этого дня насмешки над нами прекратились. Когда мы с Фомкой проходили через вырубку, лесорубы приветливо здоровались и наперебой угощали домашней снедью.

Летом следующего года неожиданно объявился прежний владелец Фомки. В жару я часто ходил с моим питомцем купаться на запруду. Шли мы как-то обратно по бетонке. Вдруг обогнавший нас черный «Мерседес» резко затормозил. Из машины вылез невысокого роста, круглый как шар, человек в цветастой футболке. В руке он привинчив держал радиотелефон. Тяжелые, набрякшие веки придавали его лицу заспанный вид. Второй, сидевший за рулем, тоже вылез из машины. Его простоватое скуластое лицо и особенно болезненная сутулость странно смотрелись на фоне большого сверкающего лимузина. Сутулый, облокотившись на раскрытую дверь машины, с откровенным любопытством стал наблюдать за происходящим. Я почувствовал недоброе и не ошибся.

— Откуда у вас эта собака? — не здороваясь, хмуро и требовательно спросил человек-шар. И тут я заметил, ка-

кой у него цепкий немигающий взгляд.

— Мне ее подарили больше года назад, — отвечал я.

— Это мой бигль, — вызывающе заявил человек-шар и громко позвал собаку: — Патрик, ко мне!

Фомка вздрогнул всем телом, виновато посмотрел на меня и, виляя хвостом, покорно потянулся к толстяку.

— Почему вы решили, что эта собака — ваша? Бигли все имеют подобный окрас и вообще очень схожи, — неуверенно пытался возразить я, чувствуя предательский холодок в спине.

— А потому, что это — Патрик. Жена любит декоративных собак. И левый глаз ему в детстве моя сиамская кошка попортила, — заявил человек-шар, не переставая охлопывать Фомку по спине. — Патрик потерялся на прогулке и не нашел дорогу домой, — добавил он.

Мне показалось, что последний довод был неправдой, — в голосе толстяка впервые с начала встречи прозвучала неуверенность. «Наверное, посадил ты Патрика в этот самый Мерседес» да и выпустил подальше от своего коттеджа, когда собака тебе надоела. А теперь увидел ее — возмужавшую и ухоженную — и жалко стало», — невольно подумал я.

— Шеф, давай заберем нашу собаку и кончим эту музыку, — вмешался в разговор Сутулый. — Мы же опаздываем...

— Я готов по справедливости, — тонно купеческой щедрости объявил человек-шар, доставая портмоне. — Сколько вы хотите получить?

И тут меня прорвало. Горячо и сбивчиво стал рассказывать о том, как жил

у меня Фомка все это время и как мы привязались друг к другу. Как из бесхозной собаки я сделал толковую гончую. Сколько труда потратил, чтобы разбудить в ней охотничью страсть. Как лучшие умы Британии на протяжении веков создавали и шлифовали эту замечательную породу охотничьих собак. Неужели теперь этот бедняга-бигль должен лишиться своего права на счастливую полноценную жизнь!

Мои слова, и особенно жар, с которыми они вырвались у меня, смутили толстяка. Минуту он о чем-то размышлял, глядя себе под ноги.

— Шеф, ну что мы тянем резину... Гости уже собрались, и нас давно ждут, — продолжал канючить Сутулый.

— Ладно! — рубанул воздух пухлой ладонью человек-шар. — Кинем жребий, и пусть Патрик сам его вытянет. Разойдемся в разные стороны и будем звать собаку. Я — по-своему, вы — по-своему. К кому она придет, тот и хозяин. А ты заткнись и не встрейвай! — рявкнул он на Сутулого.

Так и сделали. Разошлись шагов на двадцать и стали подзывать собаку.

— Фомка, Фомка, — охрипшим от волнения голосом зову я.

— Патрик, ко мне! — властно кричит человек-шар.

Трудную задачу решает Фомка. Мечется туда-сюда, тревожно взлаивает. Вот он подошел поближе к толстяку, и тот уже тянет руку к ошейнику собаки. Екнуло у меня сердце. Вот сейчас все закончится. В последний момент Фомка, словно вспомнив что-то очень важное, бросается ко мне. Он жмется к моим ногам, с опаской оглядываясь на того, кто сердито и требовательно зовет его Патриком. Зовет в тусклое безрадостное прошлое, от которого Фомку спас счастливый случай. Я слышу, как в висках стучит кровь, отсчитывая мучительные секунды ожидания... Дальнейшее происходит как во сне. Толстяк зло машет рукой и бросает последний, полный ненависти взгляд на собаку, которая отказалась признать его хозяином. Еще через минуту черный «Мерседес» рывком трогается с места, взвизгивает резина колес, и мы с Фомкой остаемся одни на дороге.

Из всех бед хуже та, которая подкрадывается незаметно, когда ты беспечен и не успеваешь собрать силы для ее преодоления. Я должен был ехать в командировку. Очень не хотелось, чтобы в мое отсутствие Фомка томился в раскаленной июльским жаром Москве. Вот я и отвел его к деду Михеичу, моему консультанту по нагонке, и попросил присмотреть дней десять. Тот охотно согласился, отказавшись от денег, и при мне отвел бигля в вольер. Зачем я это сделал!

Вернувшись из командировки, я узнал, что Фомка погиб, попав под машину. Соседи по даче наперебой сообщали мне эту черную новость, снабжая ее все новыми подробностями.

Рисунки Б. Игнатьева

Н. Дроздов в ХАКАСИИ

«Животный мир Хакасии по-своему уникален»
Николай ДРОЗДОВ

В нашей республике побывала съемочная группа передачи «В мире животных» во главе с ее ведущим Николаем Дроздовым.

Дотошные телевизионщики снимали все бегающее, ползающее, плавающее в степи, тайге, горах, озерах и даже в районе Саянского алюминиевого завода — главного «отравителя» всего живого. Я не случайно взял в кавычки это слово. Московские гости лично побывали на этом предприятии, познакомились с уникальными системами газоочистки и защиты окружающей среды. Убедились в том, что в километре от СааЗа пасутся стада коров и табуны лошадей, крестьяне заготавливают сено, в тростниках озера Бугаево (находится также близ завода) спокойно гнездятся чайки, различные виды уток, журавли. Рыбаки ловят экологически чистую рыбу.

Понравилось телевизионщикам и стремление жителей Хакасии сохранить животный и растительный мир

дикой природы заповедников «Чазы» и «Малый Абакан». Побывали они на мараловедческих пантовых фермах и даже в домашних подворьях охотников-любителей. Немало удивил Николай Дроздова Абаканский зоопарк. Помимо представителей сибирских лесов здесь собрано немало экзотических животных. Среди последнего пополнения — удавы, обезьяны, коты-манулы.

Уникальность животного мира Хакасии заключается в том, что ее горы, степи, тайга являются центром Алтае-Саянской горной страны (так экологи России назвали этот регион). Здесь можно встретить животных всех природных поясов и краснокишжных: снежного барса и аргали. Через озера Хакасии пролегают пути миграции пролетных птиц. Если бы вы видели, сколько гусей, уток, лебедей радуют весной и осенью наших жителей!

А. КОЛБАСОВ

См. 4-ю стр. обложки

Фото автора

Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»

Даже вблизи Саянского алюминиевого завода спокойно пасется скот

ИЗЖИЗНЕНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТА

Алексей Николаевич Толстой. 1938 г.

Алексей Николаевич Толстой (1883—1945) оставил большое, разнообразное литературное наследство: исторические и научно-фантастические романы, сказки на основе русского фольклора, произведения для детей, многочисленные рассказы и повести о современности, пьесы, публицистику, стихи, которыми он начал литературную деятельность... В любом жанре литературы — исключая юношеские, подражательные стихи, — он работал талантливо и ярко, самобытно.

Сын писательницы Александры Леонтьевны Бостром, урожденной Тургеневой, и графа Николая Александровича Толстого, он провел свое детство в небольшом, под Самарой, имении отца, обрусевшего шведа Бострома, небогатого земского служащего, к которому мать его, расставшись с мужем, ушла, будучи беременной. Поэтому будущий писатель со своим отцом, фамилию которого носил, не жил. Учился в Самарском реальном училище,

затем в Петербургском технологическом институте. В 1907 году издал первый сборник стихов. Как военный корреспондент газеты побывал на фронтах первой мировой войны, написал ряд рассказов и очерков о войне. После Октябрьской революции эмигрировал за границу, жил в Париже и Берлине, продолжая заниматься литературным трудом. В 1923 году вернулся в Россию. Много и методично работал в литературе, неоднократно издавал собрания своих сочинений. Получил звание академика АН СССР, две Государственные премии, избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Мое знакомство с творчеством Алексея Толстого состоялось в семилетнем возрасте: бабушка подарила на день рождения его книжку «Детство Никиты». Под дарственной надписью приписала: «Береги эту книжку». Но могла бы не делать такой приписки: повесть, очень напоминавшая мое деревенское усадебное детство, на всю жизнь стала одной из любимых, наиболее берегаемых книг. Цела она и сейчас.

Мне довелось прочитать довольно много — и самого Толстого, и о нем, но свидетельств того, что он был охотником, нигде не попадалось. Критики обычно не упоминают в своих трудах о писателях таких фактов, не догадываясь, какое значение это имеет для мироощущения автора и характера его творчества. Правда, по тому, как написано «Детство Никиты», можно предположить, что автор повести должен был бы быть охотником, — но это ведь лишь догадки...

И вот сравнительно недавно я узнал, что, оказывается, Алексей Толстой вместе с такими признанными охотниками, каковыми были писатель Валериан Правдухин и его братья Василий и Николай, вместе с женой Валериана Правдухина, писательницей Лидией Сейфуллиной, и их друзьями совершил в 1929 году охотничье путешествие на двух лодках по реке Уралу. И даже написал записки «Из охот-

ничьего дневника», вошедшие в собрание его сочинений 1935 года. Для меня это явилось неожиданным. И не только потому, что я не читал об этом, но и по той причине, что во время моего многолетнего общения с Соколовым-Микитовым, который был знаком с Толстым еще в Берлине, в 1922 году, я не раз расспрашивал его о нем, но Иван Сергеевич никогда ни единым словом не обмолвился о том, что Алексей Николаевич не был чужд охотничьей страсти. А уж Иван — то Сергеевич, придававший очень большое значение охоте в жизни человека, не преминул бы отметить это, говоря о Толстом. По видимому, Алексей Николаевич был, действительно, лишь «не чужд», не более...

Но почему именно с Правдухиным состоялась такая экспедиция и почему охотничьи записки Толстого не включались в более поздние его собрания сочинений?

Вероятно, писатели познакомились, когда супруги Правдухины, начиная с 1925 года, некоторое время жили в Ленинграде, где находился тогда Алексей Толстой.

А не печатались после 1935 года записки об охоте с Валерианом Правдухиным, быть может, потому, что в 1937 году Правдухин был арестован и летом 1939 года умер в лагере, не дождавшись реабилитации. Напоминать о близости к опальному писателю было небезопасно, таково тогда было время...

Впрочем, это всего лишь предположение.

Надо отметить, что охотничье плавание по Яику-Уралу нашло отражение в творчестве и Лидии Сейфуллиной («Из дневника охотника»), и Валериана Правдухина (в книге «Годы, тропы, ружье»). Напечатал свои путевые заметки и брат Валериана Правдухина Василий.

Охотнику-библиофилу, если он прочтет все эти публикации, наверное, будет интересно сравнить литературное мастерство и яркость впечатлений разных участников такого путешествия.

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Из охотничьего дневника

Алексей ТОЛСТОЙ

Европа круто обрывается с правого берега. Налево — Азия. На правом берегу — казахи поселки, налево — киргизские аулы и юрты. Хотя все это — разговор; оба берега пустыни, редкие селения — где-то в степях за горячей мглой. Урал вьется по ровной, как стол, пустыне. Яры и светлопесчаные отмели, неширокие заросли ивы и тополя.

Течение подмывает берег, песчаные обрывы с шумом рушатся в реку, обнажая веревки солодкового корня (миллионы пудов лакрицы), сваливая в Урал целые леса. Из воды торчат пни и коряги (бедствие для судоходства).

Бледное небо тронуту в бесконечной высоте пленкой перистых облаков. На эту страну за четыре летних месяца не упало ни капли дождя. Зной. На круче, на фарватерных вехах сидят орлы, кор-

шуну плавают не спеша, над отмелями, дрожит крыльями пустельга. На песочке у воды — кулики-сороки, кулички-воробьи, чибисы, длинноносые, кривоклювые кроншнепы. Летит серосизый вяхирь через реку, стаями с полей на озера мчатся дуры-утки. Пустыня. Лишь редко заметишь наверху яра отверстие — землянка бакенщика. Сам бакенщик-казак и помощник его (непременно киргиз) сидят под ветлой.

Рыбу ловить им запрещено. Курят, глядят на излучину реки, на вешки, на голые пески...

Тишина здесь с девятнадцатого года, доисторическая, народу после гражданской войны осталось самое малое число. Раз в две недели проходит пароход. Прежде уральские казаки так берегли Урал, что за крик, — если кто шумел на берегу, беспокоил ленивую рыбу, — били и штрафовали. Тепер по руслу наколотили фашиновых заграждений, сбивающих струю в фарватер, шлепают пароходные колеса. Осетр, любя выходить из омута на отмель, кушать и нежится, недоволен шумом. Время заповедного Урала ушло безвозвратно. Старые казаки грозят покидать с кручи всех водных инженеров, бакенщиков и капитанов, поломать фашины. Но, думается, осетр в конце концов привыкнет к культуре, — обойдется. Тем более что пароходное движение не слишком здесь бойкое: ночью пароходы становятся на якорь, днем маяются на перекатах; то вдруг поперек Урала вброд едет казак на волах — и нужно давать задний ход, чтобы не задавить человека... «Ты, трах-тарарах, — кричат в рупор с парохода, — проезжай скорей...» Но не торопится бородатый казак, бредя по пояс в воде за возом. Или зашуршало днище о песок, — сели. Команда и добровольцы вылезают с лопатами в воду и разгребают песок, на закинутом якорю пароход протягивается по вершку в час. Желаящие могут купаться или поохотиться на озерах.

Здесь не Миссисипи. И вот бакенщик и помощник-киргиз видят: плавают по реке две лодки. В передней — три нездешних человека, наполовину голые, на носу — жмурится собака, на корме — женщина с папироской и в рыбацкой соломенной шляпе, одета в розовую ночную рубашку. На задней лодке — пять человек, тоже не здешние, голые, облупленные, гребут лениво, — жарко, торопиться некуда. В лодке — куча мешков, чемоданов, ведер, удочек, ружей. На мачте висит кусок вяленого осетра (это я настоял на том, чтобы из пойманного на перемет осетра сделали балык. Шумели, спорили, голову и хвост все-таки съели в ухе, а потом за балык благодарили).

Год сиди под ветлой на круче — ничего подобного не увидишь. Бакенщик и киргиз (у этого на косоглазом лице гладко натянута кожа, — ни удивления, никакого впечатления, азиатское равнодушие, сидит, как Будда) думают: «Эти едут неспроста, этим чего-то здесь надо...» В передней лодке поднялся человек в подштаниках, заколотых спереди английской булавкой:

— Эй, казак, озера здесь есть? (Бакенщик, подумав, отвечает, что есть.) — А уток много?..

— Много...

— А гусей видал?

— Гусей-то? — Не спеша отвечает, что и гусей видал, гусей тоже много...

На лодках совещаются, курят, лодки медленно уносятся течением вдоль яра. Бакенщик спрашивает вдогонку:

— Чьи будете?

— Из Ленинграда... Из Москвы, — доносится с лодок. Женщина в розовой ночной рубашке кричит из-под шляпы: «Охотничья экспедиция».

Так и поверил казак, что охотничья экспедиция... Хотя — везут бабу... Оглядывается на киргиза. У того сердликовые глаза — ни удивления, ни впечатления...

— А сазаны здесь есть?

— Von под тем яром — много...

Лодки унесло. Ошпаренные солнцем, члены охотничьей экспедиции лениво (вам, северянам, городским, такой лени не понять) берутся за весла. Четвертый час. Нужно выбирать место для лагеря. Подгребают к песчаной отмели, где валяются сухие коряги — дрова. Сзади — светло-зеленые талы. За ними — степь, озера. Один, в соломенной шляпе (из-под нее блестят веселые зубы), по пояс голый, в плотных, с вырванным задом, галифе, запеваёт романтически:

Костер — очаг, и степь — наш дом.

Пой песни, пой,

И город стал далеким сном,

Пой песни, пой...

Пристали. На еще горячий песок летят из лодок мешки, чемоданы. Младший член экспедиции уже торчит с ружьем на бугре, безумно глядя в сторону озер. Этот молодой человек дичал с такой поразительной быстротой, что было жутко подумать: черт возьми, далеко ли мы отошли от каменного века, если консультант-сценарист на фабрике Совкино в несколько дней обвихрел по-беспризорному, спит в патронташе и в не просохших от болота штанах, перестал членораздельно отвечать на человеческую речь, в глазах окровавленные призраки дуэтом «шарахнутых» уток, и вблизи весь он как бы пахнет мамонтовой шерстью.

Ему кричат:

— Какого черта, Липатов, идите-ка собирать дрова сначала...

Глухо рыча, повинуется. Костер уже дымит. Трое — рыбаки, наши кормильцы — ловят бреднем наживку для переметов. Шагов десять пройти бредышком и — целое ведро подпрыгивающей на песке серебряной рыбешки. Охотники, хвастаясь еще не убитым, ссорясь принципиально, уходят на озеро. У костра остается женщина, Сейфуллина. Девятый из экспедиции, рыжий, без кожного пигмента, погиб в первые же дни охоты: солнце обожгло его до второй степени. Он сидит с распухшими ногами, ловит удочкой на утиньи кишки что Бог пошлет, преимущественно подлещиков и дрянь вроде селетки.

Солнце уходит за ивовые заросли,

оранжево пылает за ветлами. Река в тени. Всплескивается большая рыба на отмели. Доктор-психиатр скрипит уключинами, завозя перемет. Брат его на той стороне под яром закинул три удочки на сазана. Червей здесь не найти, насаживают тесто, сдобренное мятым маслом: сазан падок до мятого запаха. Ах, сазан, сазан фунтов на двадцать, золоточешуйная мечта!.. Проснись, деточка, в омуте, клынь!.. Хвати, потяни, как дьявол... Вымахни из пучины на водное зеркало... В Москве, на пятом этаже, всю зиму ты снился рыбаку по ночам: бешено брал, звенела леса; и леса, и сердце вот-вот оборвутся...

И сидит рыбак в сазаньей мечте, тихо, смирно, но в душе его тот же омут, и страстей у него может быть даже и больше, чем у ружейного охотника. Этот весь во вранье, в хвастовстве, в болотной тишине, в репьях, но — весь на ладошке. А рыбак — с попытцем...

Бух, бух — на озере, — бух!.. Неслышно, без свиста, летят утиньи стаи из степи на воду. Бух... Бух-бух!.. Степной закат, лиловый, багрово-тихий, безоблачно разливается за рекой... Теперь видно только, — у костра двигается Сейфуллина, варит макароны. Прохладно. Звезды. Голос с того берега:

— Коля, что у тебя?

С этого берега негромкий ответ (человека не видно, слышно, как шлепают по воде):

А. Н. Толстой с найденным на берегу «трофеєм». 30-е годы

Печатается с сокращениями

— Сом.
— Здоровый?
— Ничего себе...

На бугре мелькнуло белое пятно — собака. Охотники возвращаются. Правдухин (младший, распорядитель охоты) бросает у огня добычу — уток — и молча валится у разостланного паруса, где приготовлены деревянные чашки, ложки, хлеб... Позже других является консультант-сценарист — взъерошен, мрачен. Сообщает: убил восемь кряковых, нашел только одну.

— Хотите, чтобы вам поверили... — презрительно говорит Правдухин... И вот ведро с дымящимися макаронами снято с огня. Голод — свирепый, стержневой, доисторический — сворачивает челюсти. Случалось, что собаки отказывались кушать то, что мы пожарили (случай с кашей «номад», сваренной в мое дежурство). Голод — эпохи переселения народов, голод — как историческая сила, голод — как основа оптимизма. Потом — чай с ежевикой, под звездами — но это уже скачок в культуру, восхитительное излишество. В костре догорают угольки. Девятый час. Стелешь плед на песке, где понравится, на голову — вязаный колпак, завертываешься в одеяло. Еще взгляд на звезды и — последний штрих охотничьего дня — мгновенный, легкий, как в детстве, сон...

2

...Погостив два дня в Уральске, мы погрузились на лодки и поплыли — восемь охотников и одна женщина Сейфуллина.

Как друга встретит нас река...

Пой песни, пой...

Первая остановка — в тот же день на острове, который был назван нами Островом Любопытного верблюда.

3

Просыпаюсь от треска сучьев. Мы на острове. Черный, черный берег, за ним проступила мрачная полоса утренней зари. Луна по-осеннему забралась высоко за перистые облака, и свет ее уже не светлый. Затихшая перед утром река будто обмелела. В палатке храпит кто-то, как великанья голова. Гляжу на бледное в рассвете созвездие и минуту размышляю...

Вот в чем дело: цивилизация задела в нас только корочку, а сердцевинной мы еще дикари. К охоте нас влечет не спорт, а первобытная свобода. У костра под звездами мы возвращаемся на прародину, сердце, уставшее от напряжения, прижимается к величественному покою земли. Мы переводим дух.

Через три тысячи лет, когда куропатки, кроншнепы и тетерева будут домашними птицами, Уральск — элегантным городом и верблюды останутся только на картинках, — тогда человек, урвавший три недели отдыха, будет проводить его на воздушном корабле. Ну и ладно. До этого еще так далеко, как вон до той звезды.

За три недели шатаний с удочкой и ружьем я выпью до дна эту лазурную, то звездную, то солнечную, чашу. Плеснется рыба на утренней заре, хрипловато просвистел кроншнеп, заготовили на отмели гуси, ветер напевает песни в сухой долины, — все звуки во мне, и во мне — огромный покой. Нужно быть охотником, чтобы открылись глаза и уши. Попробуйте-ка прогуляться так просто, с тросточкой: вы — это одно, природа — другое, вас она не впустит в себя. Для зрителя она — только декорация, где вы живо схватите насморк.

Треск в кустах сильнее. Крик Сейфуллиной. В разных местах из-под одеяла высываются головы.

— Что случилось?
— Он мне наступил на голову.
— Кто?
— Да верблюд же...
— Ничего, — спокойно говорит психиатр. — Верблюды вообще очень любопытны.

А. Н. Толстой среди местного населения. Бермамыт. 1938 г.

За кустами верблюжья голова — выше страстей и суеты — жует. С вечера мы его прогнали в глубь острова, но он хитер и любопытен, подобрался к самому стану. Кажется, еще не успел наступить Сейфуллиной на голову. Навтра вводим на него собак. Величественно уходит. Засыпаем.

И вот — светло. Река снова — широкая, играющая солнцем. Из-под одеяла — прямо в воду, — купаться, чистить зубы. Прохлада, свежесть. На перемете — два судака. Наскоро завтракаем, грузим лодки, отчаливаем, чтобы за день подалее отъехать в глубь пустыни. Верблюд сейчас же появляется на месте стана, глядит на нас, входит по брюху в воду — глядит. Посылаем ему привет...

Плывем пятые сутки, а настоящая охота — гуси, дудаки и куропаточки степи — еще впереди. С лодок стреляем по кроншнепам. Они — на плоском песке, чуть дымящемся от ветерка. Против солнца их кривоносые силуэты похожи на египетских священных птиц ибисов. Зной. Неприкрытые места кожи шипят под солнцем. Так бы выпил весь Урал кружкой. Но — вперед, вперед.

Дудак в степи зовет на бой...

Пой песни, пой...

5

Ятовь — место, где багрят осетра. Шестое декабря в прежнее время было великим днем. Съезжалось все казачество, в присутствии наказного атамана служили молебен. Стреляла пушка. И казаки верхом и на тройках мчались к ятови, в угон кидали тройки со всего скака с кручи на реку в сугробы, лома-

ли шеи и хребты, но охота была в том, чтобы первому вскочить на лед под ярмом на ятови, пешней пробить прорубку и опустить багор с острым крюком. Сонный осетр, потревоженный, всплывет и ляжет на этот крюк. Тогда — тащи.

На одной из старых ятовей нам неожиданно «подперло». Весь день был неудачный. Кроншнепы исчезли (21 августа они снимаются с отмелей и летят на низ к Каленому и Гурьеву). Подходящих озер для утиной стрельбы не нашли — то есть небольших, круглых, как тарелка, или длинных и узких, которые можно прострелить с берега на берег. Здесь утиный край. Но без челнока на больших заросших озерах ничего не сделаешь. На восьмерых —

одна собака, другая — стерва Лэди — только вертит хвостом и в болото не лезет. Консультант-сценарист в этих случаях разыскивает близ озера старый окоп (здесь они повсюду) и из глубины его ворочает воспаленными белками. Вот несется стая кряковых... Пифпаф! Одна отделилась от стаи. Кажется, падает. Подхватив патронаташи на боках, он прыжками устремляется за ней в темнеющую степь...

— Липатов, куда вы к черту!..

На стану он рассказывает:

— Стреляю дублетом. Два кряковых селезня, — перья так и брызнули, — наповал... Слышу, ударились о землю... Бегу, — лежат... Подбегаю — ожили, — фрр... Я сую, понимаете, патроны... Улетели...

— Фу ты, черт, — с досадой говорит Правдухин (младший), — да вы врете... — Я вру?

Случай горячо обсуждается и признается неправдоподобным. Одна Сейфуллина вступает за Липатова:

— А вы все хороши, наслушалась я вашего вранья...

— Мы врем?

И, как из мешка, сыплются охотничьи рассказы, — истинные случаи... Про лису, у которой под кожей поперек туловища была обнаружена проволока из-под капкана. Про зайца, на котором мчался филин, хватаясь одной лапой за кусты, другой — за заячий загривок, и был разодран пополам. Про знаменитый дублет, — в штык — по кряковым: бац-бац, обе наповал, и, как два снаряда, одна пронесется мимо левой щеки рассказчика, другая — мимо правой, — хороши, что не в лицо... (Мрачно): «Я бы с вами сейчас не разговаривал...»

Итак, день неудачный. Сидим кружком на парусе. Вечерний ветер разносит искры из костра. И вдруг — шагах в десяти от берега, на отмели, откуда был заведен перемет, точно человек колесом выскочил из воды. Кидаемся к реке. Неужели?! Невероятно! Снасть натянута как струна. Ее осторожно подтягивают. Над водой выходит серо-зеленая спина с шипами. Осетр! Общий длительный вопль первобытной радости. Осетр глянул злыми глазами из воды и — снова колесом, плеска на всю реку, хочет разрезать поводок. Рыбаки бегут с бреднем: «заводи, заходи, осторожнее». Постукивают зубами. И в бредешке рыба — аршина в два — легла на бок, показывая янтарное пузо. Ему, голубчику, веревку сквозь жабры. Терпит. Но, когда Липатов взваливает его себе на спину (больше пуда, много больше пуда!), осетр дает такого леща по задку консультанту-сценаристу, что тот летит на песок, а осетр — в воду. Наваливаемся, ловим, сажаем на прикол под лодку.

Утром приплывают в бударке, похожей на индейскую пирогу, бакенщик с помощником-киргизом. Пьют чай. (Здесь киргизы за четвертку чая дают барана.) Бакенщик лицом и говором — народный артист Москвин...

— Это вам большая удача, охотники.

Вы его разнимите, посолите, три дня держите, чтоб его солью хватило, и — на солнце. Вот тогда будет балычок.

От него узнаем, что в степях под поселком Коловертным — дудаки.

6

Заранее оговариваюсь — дудаков видели только одного и то за версту: замахал крыльями, тяжело ушел за миражные волны горизонта. Степь, сожженная солнцем. Посевы, окопанные канавами от сусликов, сгорели, пропали. Плетемся на двух телегах по жаркой соломенной равнине. Поехали только шестеро. Смотрим в бинокли. Редко на горизонте — стога. Кое-где — две-три глинобитных построечки без крыш, без кустика зелени. Это хутора. Трудно представить, где тут ютится жизнь. Но здесь еще приволье: хутора стоят на берегу степной реки. После спада вешних вод она превращается в цепь озер, зарастающих камышом и кугой. А есть хутора на безводье, у колодца, откуда руками два раза в день нужно вытнуть несколько сот ведер воды для скота. Черт знает, до чего непроизводительно растрачивается человеческая жизнь! Вот уж где азиатская обреченность: жить долгие годы на таком хуторе среди навоза и мух, бушующих раздольно метелей, волчьего завывания... Какие же черепа должны быть у этих одиночек-хуторян, богатеев, владевших, бывало, десятками тысяч голов скота! Обычно в станице гуляет с гармошкой удалой мальчишка, голосист, проворен на руку, весел взором, звенит в кармане деньгами: вся жизнь — простор. И вот — на Покров женят. Отгуляли.

И — как пропал человек, погас, как свеча: посадили его верст за полсотни на хутор с молодой женой, и полетели степные года до могилы. Жестоко и кроваво дрались казаки в девятнадцатом году за эти доисторические хутора!

7

Берег озера. Вытопанное поле в коровьих следах. Вой, визг — клубком грызутся собаки. Увидели нас, бросили междоусобицу, подбегают, — голенастые, худые — скелеты, все три хромают, — клочья шерсти — дыбом, какие-то собаки призраки. Неподалеку от воды — юрта, деревянные ребра ее наполовину открыты. Видны ситцевые подушки и огромный помятый самовар. Молодая, худая, в серых холщовых штанах, киргизка чешет бок привычным движением. Другая сидит на бугорке на скамейке и обеими руками, точно защищая, обхватила младенца с большим лицом, неподвижным, как у китайской куклы. Так сидят столетия, глядя в степь. С облегчением вспоминаю, что в Уральске видел таких же киргизок в зеленой форме юнгштурма. Те уже сюда на помет не вернутся...

— Дудаков видали?

— Йок, — тихо отвечает тонкая киргизка.

Проколесив весь день без толку, на вечерней заре постреляли уток, разбили в степи палатку, зажгли керосиновый фонарь, повесив на оглоблю чайник, подложив под него коровьих лепешек, вскипятили чай. В темноте дул холодный ветер, под пеллом раздувал угли. Печально свистела полынь. Все притихли, улеглись тесно в палатке. Проснулся я от какой-то тревоги, отогнул полог. Лохматая, как шкура, между звезд неслась черная туча. Там, где в ночной синеве терялся ее след, одна за другой падали молнии где-то за Уралом. Мощные столбы огня, но — ни звука, только посвистывал ветер в траве. Я почувствовал: удивительное во всем этом был прыжок из современного города в глухую глубь тысячелетий — как на «машине времени» Уэллса.

8

С утра кружили без дороги. Неожиданно: на кургане торчат два голенастых серо-стальных журавля. Подбираемся — снялись. Гляжу — впереди весь край горизонта колыхается, будто живой. Что это?

— Утки, — отвечает возница.

Со второй телеги также заметили астрономическое скопление птиц. Подъезжаем к заросшему озеру. Утиные стаи, десятки тысяч — тучами уносятся в степь. Но знаем, что не мало и осталось. Кидаемся с головой в черно-зеленую кугу. Здесь и матерого охотника забьет лихорадка. Консультант-сценарист, — голова ушла в плечи, затылок оцетинился, — нагнувшись, бежит, сел за кочку. Бах, трах, тах! Утки носятся со всех сторон стаями и в одиночку... Дрожащими пальцами суешь патроны, кряковые просвистывают над головой... Утки сошли с ума... Стволы раскалились... Мы сошли с ума... Патронаташи пусты... У Грайки в собачьих глазах желтое безумие...

Наконец, утки покидают озеро, те, что остаются, крепко садятся в куговых зарослях. Зной нестерпим. Подбираем добычу, ложимся на полынь под телегой. Липатов возвращается из степи с четырьмя утками, губа — в клочьях кожи — отвисла, требует, чтоб его сфотографировали. Вот где сказался человек: индивидуалист, честолюбец.

9

Вечером возвращаемся в Коловертное. Широкая улица — мазаные заборы, сараи с плоскими крышами, редко расставленные крепкие четырехкатные дома на подклетьях. Кое-где развалины. Во всем поселке — ни кустика. Отовсюду видна выжженная степь, уходящие телеграфные столбы. Черные крылья мельницы. Тусклый закат. Тишина, безлюдье, трещат кузнечики. Спотыкаясь, прошел подвыпивший казак, запел было и оборвал. И снова — глушь, ни огонька, только далеко где-то скрипит воз, степенно стонет верблюд.

Наутро в безоблачной синеве летят,

растянувшись в три линии, караваны гусей.

10

Весь день несемся на парусах — तो-ропимся доплыть до семьдесят пятого яра, где, по распросам, гусиная сидка. За дублет по гусям назначен приз. Настроение на лодках приподнятое. Вот и яр... Стоянка превосходная — на высоком песке среди кустов. Разведка находит поблизости озеро с гусиным пухом на песках. Торопливо закусываем недожаренной дичью, и еще до заката Правдухин разводит нас на номера.

Трава здесь по плечи, местами — выше головы. Топольный, ивовый живописный лес. Сквозь прибрежные ветки зеркально блестит озеро — широкая, на много верст, старица. То и дело из-под ног вылетает тетерев, ошалело путаясь в кустах; с сухим фырканьем снимаются куропатки; напуганные вяхири перелетают в двадцати шагах. Но стрелять запрещено по уговору.

Группы деревьев раскиданы как в роще. Безлюдно и девственно. По Уралу много таких пышных уголков. Раз в год здесь, на старице, ловят рыбу сетями, косят траву, собирают ежевику и терн. Но жить предпочитают в степи, в пыли.

Сидим на номерах, наломав перед собой ветвей, очистив место для стрельбы. Оранжевое солнце уходит вдаль за ивы. Начинает играть рыба. Потянули поодиночке утки. Иные садятся под самыми номерами, охорашиваются, нежатся на теплых бликах воды. Жужжат комарики. Просвистали низко кулички — стайкой. Пулей, вытянув шею, несется чирок, над ним, не отставая, падая, примеряясь, — проворный хищный сокол... Ох, чешутся руки!.. Солнце село. Опустились на озеро береговые тени. Сухое степное зарево заката сияет за ветвями. Утки, садясь, бороздят воду. Громче плещется рыба: это щуки бьют хвостами на отмели, гоняясь за рыбешкой. Лиловая мгла густеет над закатом, в ней замерцала звезда. Темнеет. Резко, тонко кричит ночной хищник. Где же гуси? Плохо видно мушку на стволах...

Что это? Го-го-го... Сильный, торжественный весенний крик... Го-го-го... Ближе из-за леса... И на угасшем закате очертания трех больших птиц — разведчики-гусаки... Пронесли над озером, вернулись и с плеском где-то сели в тени... Минута — и гогогом, шумом крыл полнится небо. Садятся стая за стайей. Веселый крик. Озеро кипит от всплесков. Кажется — вот, вот они, но ничего не видно — садятся в тень. Справа — длинная вспышка огня, сейчас же вторая... Грохот выстрела... Плеск и шум снимающихся стай... Мне на стволы несется огромная черная тень. Сердце остановилось... Нажимаю скользко холодную гашетку...

Урал. Сентябрь 1929 г.

Фотографии из архива Государственного литературного музея. Публикуются впервые.

ПАТРОНЫ
Новинка!
ТАЙГА, СИБИРЬ-7
Лучшие отечественные патроны
международного стандарта для всех видов охоты

ОРУЖИЕ
ведущих отечественных и зарубежных марок:
охотничье, спортивное,
служебное, газовое, пневматическое.

*Все для охоты
и рыбалки*

СЕЛЕНА

Ждем Вас в наших магазинах: Москва, магазин "Охотник". Тел.254-82-51, факс 254-82-24; ЗАО "Охотничий двор". Тел.207-57-98, факс 208-98-11. Воронеж, магазин "Вайцеховский и сын". Тел.(0732) 71-74-20, факс 71-38-79. Ижевск, "Калашников и К°". Тел. (3412) 59-29-52, 38-77-79, факс 71-38-79. Краснодар, магазин "Охотник". Тел.(8612) 64-23-87, тел./факс 57-66-03. Новосибирск, "Селена-Новосибирск". Тел.(3832) 26-73-98, факс 25-45-00. Рязань, "Селена-Рязань". Тел.(0912) 75-13-09, факс 76-60-90. Тула, магазин "Стрелец". Тел.(08-72) 44-30-17, тел./факс 41-08-99. Санкт-Петербург, магазин "Барс". Тел.(812)234-47-73, факс 234-63-69.

103031 Москва, ул. Неглинная, д. 20/2

Дорогие читатели, друзья!
Скоро начинается подписка на журнал
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
на первое полугодие 2000 года

Наш индекс по каталогу Роспечати:
70673 — на полгода

МЕЖОБЛАСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ БАЗА ОХОТНИЧЬИХ И РЫБОЛОВНЫХ ТОВАРОВ «СОКОЛ»

предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области
оптовые и мелкооптовые партии товаров для охотников, рыболовов и туристов

- оптические прицелы различных модификаций, кронштейны
- бинокли в ассортименте
- патронташи, погоны ружейные
- чехлы для карабинов и ружей
- наборы для чистки оружия
- масло ружейное, щелочной состав
- устройства для снаряжения патронов
- пыжи войлочные, ДВП, полиэтиленовые
- дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
- запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
- рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)
- товары для собаководов (ошейники, поводки, намордники и т.д.)
- одежду камуфлированную для зимы и лета
- маскхалаты, противоэнцефалитные костюмы, обувь, головные уборы
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- рюкзаки, палатки, спальники
- лыжи охотничьи
- лодочные моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (лодки, сапоги, чучела птиц)
- средства защиты от насекомых

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиатранспорт, ж/д контейнер

Т/ф (095) 748-24-22, тел. (095) 527-81-38; внутренние тел. 81-38, 80-46

Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д.28, НИТИ для промбазы «Сокол»

ЗАО ПРЕДПРИЯТИЕ «ОБОРОНТЕХ»

Предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области следующие товары

- дымные и бездымные охотничьи пороха: Сокол, Сунар, Салют, ДОП
- капсули-воспламенители KB-21, «Жевело», «Центробой»
- гильзы металлические, бумажные, полиэтиленовые
- патроны охотничьи
- газовое, сигнальное и пневматическое оружие
- ножи охотничьи
- индивидуальные средства защиты
- литературу для охотников и рыболовов

Отгрузка пороха и патронов осуществляется при наличии лицензии или разрешений на право хранения и ношения оружия

Тел. (095) 527-70-31, (095) 522-38-11, внутренние тел. 87-92, 89-15

Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д. 28,
НИТИ для ЗАО Предприятие «Оборонтех»

Обеспечиваем доставку порохов, патронов и капсулей специальной связью в любой регион России

ПРЕДПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖИСТИ

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет
шкурки и хвосты беличьи, колонковые

610004, г. Киров, ул. Р.Люксембург, 23. Тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22

е-майл: chief@brush.kirov.ru

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

«ПОЙ НАМ
ПЕСНИ СВОИ,
КАНАРЕЙКА»

КОТ И БЕЛЧОНОК

Уважаемая редакция! Посылаю вам свое письмо. Это скорее не письмо, а крик души. Двадцать лет я выписывал журнал «Охота и охотничье хозяйство». Этот журнал был для меня и энциклопедией, и романом, и справочником, и своего рода Библией. Но в 1999 году я остался без журнала. Той мизерной пенсии, что я сейчас получаю, едва хватает на хлеб. Двадцать лет я работал директором заповедника, был и районным депутатом, и краевым, выполнял разные общественные поручения и строил, строил... Построил центральную усадьбу со всеми коммунальными услугами, жилые дома и кордоны...

Я был уверен, что наш труд по охране природы, наши усилия по борьбе с браконьерством, наши желания и попытки сохранить природу очень важны для России, для народа, для будущих поколений. Но получилось совсем по-другому. Как только я ушел на пенсию, я словно ушел из жизни, вернее, жизнь превратилась в хождение по мукам.

Охота всегда была моим лучшим отдыхом, моим лекарством от стрессов, моральной и физической перегрузки. Охотился я с двустволкой ТОЗ-54. Но настало время, пришлось волей-неволей идти на пенсию. Став пенсионером, сразу понял, что на эти деньги не проживешь. Ну, хоть караул кричи! Невозможно купить продуктов даже самой первой необходимости. На работу устроиться в нашем селе тоже не устроишься.

С трудом мне удалось заключить договор с охотничьим хозяйством на заготовку пушнины. Я понимал, что на этом деле много не заработаешь: и пушнина дешево ценится, и зверя пушного почти нет. Но, как говорится, «на безрыбичку и рак рыба». Мне выделили участок на Горелой пади. Целую неделю я потратил на установку капканов и изготовление ловушек. Все шло вроде по плану, но с оружием вышла промашка. Свою двустволку я утопил, когда пере-

правлялся через протоку на реке Черной. Я и сам было чуть не утонул, однако чудом выполз на берег. Нужно ружье! Какой охотник без ружья? Собственно, дело не в самом ружье. Главное — оформить в милиции разрешение. Вот с этого и началось мое хождение по мукам. На оформление документов я потратил почти месяц. Жалко было не потраченного времени, а потраченных нервов. За каждую справку, за каждую бумажку надо было прыгать.

Не раз помянул я недобрым словом и правительство, и чиновников-бюрократов. Было же время, еще при социализме, когда при покупке охотничьего ружья требовался только охотничий билет. Так и должно было бы остаться, ведь излишняя строгость и дикие поборы вынуждают людей просто уклоняться от оформления документов. Такой факт. В прошлом году сотрудники охраны Лазовского заповедника изъяли 36 охотничьих ружей. Из них только три были зарегистрированы в милиции.

Короче, ружье я так и не купил. На оформление документов истратил все деньги, которые долго копил, чтобы купить ружье. Но на этом мой мытарства не кончились. Через неделю после установки ловушек я пошел их проверить. Как только вышел на свои старые следы, сразу же заметил след тигра. След был совсем свежий. Что делать? Ведь может залечь, и глазом не моргнуешь, как сападет. Сколько нас, охотников, погибло от тигриных зубов.

Стою, думаю. Потом все-таки рискнул. Иду, оглядываюсь, при каждом шорохе вздрагиваю. Но вот и первая ловушка, вернее, уже не ловушка, а... мать твою. Вся работа коту под хвост. Ловушки и капканы — все до одного были разбросаны, разрушены, приманка съедена.

Целую неделю потратил на восстановление. Через три дня иду проверять. Опять на своих следах вижу следы тигра, теперь уже более крупные. Честно признаюсь, страшно мне стало. Вижу, что хищник голодный, взять ему добычу ну просто нет возможности — нет в лесу зверя! В такой ситуации и я могу за добычу сойти. А у меня даже дробовика нет, хотя бы для успокоения души.

На этот раз тигр разрушил одну ловушку, подошел к другой и, видимо, лапой попал в капкан. От ловушки ничего не осталось, и капкан вдребезги.

Последний раз, когда я пошел проверять капканы, их на месте не оказалось. Кто-то снял их, вернее просто украл. Хотел было опять установить — вместо капканов кулемки, но тут началось... Тигр утащил собаку у одного хозяина, через неделю — у дру-

го. Затем сообщили, что в долине реки Кривой тигр напал на рыбака, случай правда оказался не смертельным, но... В общем, время наступило жуткое.

Нас постоянно пугают повышением цен, хотя они и так уже на недостижимой высоте, пугают дестабилизацией, нарастающей преступностью и даже концом света. Сегодня мне, проработавшему 40 лет, и тысячам других настоящих тружеников, не хватает денег на хлеб насущный в прямом смысле слова. Ружьишко купить — проблема неразрешимая, в то время как у мафиозников, грабителей, воров и прочей криминальной сволочи есть и пистолеты, и автоматы, и даже пулеметы. Вот только еще до атомной бомбы руки не дотянулись.

Опубликуйте что-нибудь из моего письма.

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

Листая недавно альбом семейных фотографий, задержал внимание на этом снимке, вспомнил историю его появления и захотелось рассказать. В тот год в наших местах обильный снег выпал в середине октября. Густые хлопья его, не переставая, падали целые сутки, и мягкий пуховик к вечеру следующего дня был почти по колено.

Мой пятилетний Женька в ранних вечерних сумерках шел по дорожке и увидел в снегу птичью голову. Он шагнул к ней и взял в руки едва живую перепелку.

Дома мы с ним быстро соорудили клетку с кормушкой, установили ее на подоконнике и поселили в ней... хотел написать «несчастную», а ведь ей еще повезло. Сколько таких курочек погибло в ту осень под ранним снегопадом.

Перепелка вскоре привыкла к своему новому жилью, клевала зерна, пила воду, дни проводила спокойно, а ночами из клетки слышалась какая-то возня, воркование. Мы любовались нашей питомицей, ее красивым оперением. Ведь на воле перепелку редко увидишь сидящей. Свой таинственный образ жизни она ведет в травах, либах. Лишь когда случайно приблизиться к ней, вспорхнет из-под ног. Не раз приходилось видеть, как комбайн или сенокосилка докашивали загонку и из оставшейся нескошенной кулижки, как ворох, веером взлетали эти маленькие курочки.

Однажды Женька, наливая в баночку воду, забыл закрыть у клетки дверцу. Воспользовавшись этим, перепелка ночью вышла из клетки и взмыла вверх. Мы услышали удар о потолок и затем шлепок об пол. Одновре-

менно вскопили с постели, включили свет. Наша питомица с кровавым пятном на голове лежала на полу, распутив крылья. Женька, чуть не плача, бережно положил ее обратно в клетку.

Недели две птица приходила в себя, она плохо ела, лежала без движения. Потом помаленьку снова стала подавать звуки: ворковала, шебуршала крыльями. Чем ближе к весне, тем звуки становились сильнее.

Наконец зима закончилась. Майским днем, когда уже не осталось и клочков снега, а на пригревах зазеленела трава, мы поехали перепелку за поселок. Всю дорогу она пыталась вырваться из Женькиных рук, а когда мы вышли из машины и приготовили фотоаппарат, чтобы запечатлеть вылет на свободу, перепелка вдруг затихла и оставалась неподвижной на ладони даже тогда, когда Женька разжал пальцы. Щелкнул фотоаппарат, и птица, вздрогнув, рванула вверх, перелетела поляну и опустилась на опушке березового колка.

С тех пор, слыша каждое лето перепелкино «спать-пора», я вспоминаю нашу птичку и верю, что если это и не она, то кто-нибудь из ее потомков.

С. ЧУХЛАНЦЕВ
Новосибирская обл.

Было это в Енисейской тайге, в поселке Усть-Пит. Мой двоюродный брат Олег, будучи подростком, сумел поймать бельчонка и принести его домой. Его младшие сестры обрадовались зверьку и тут же нарекли его Рыжиком. Первоначально зверек всего боялся, еду не брал, но через сутки стал смелее и уже хватал орешки из рук. Даже начал делать запасы. Освоившись в избе, бельчонок спускался с печки к корму, реагировал на свою кличку. Зато кот Вася потерял покой, постоянно находился в состоянии охоты и в любой момент был готов продемонстрировать свои способности.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

За посягательства на жизнь бельчонок кота наказывали, тот стал хмурым, прятался от детей и взрослых под печкой или кроватью. А тут еще обнаружилось, что пропали сливки из молочных крынок. Прежде такого за Васей не замечалось. После такого проступка к нему стали относиться еще строже.

А бельчонок вдруг перестал подходить к корму и не прибегать на зов. Он успел стать любимцем детей. От одного предложения родителей отнести Рыжика в лес девочки поднимали рев. Плакали они и теперь, искали, звали его, но никак не могли найти. Бельчонок исчез — или он сбежал, или... Пало подозрение на кота, что он постоянно совершил акт мести за постоянные обиды и притеснения.

Спящего на кровати кота «обскакали» и пришли к выводу, что он съел бельчонок, — пузо его оказалось необычно толстым. Детские слезы потекли рекой. Кота было решено «сослать» к бабушке. Но на следующее утро молоко в крынках опять оказалось без сливок. Кто же это? Может быть, Рыжик жив? Крынки со свежим молоком на этот раз закрыли крышками и установили наблюдение. На рассвете следующего утра загремела крышка и ворышка был застигнут на месте преступления. Им оказался, конечно же, бельчонок. Он сидел у крынки и орудовал обеими передними лапками: одну облизывал, а другой в это время шуровал в крынке, потом лапки менялись. Прodelывал это зверек с такой ловкостью, что оставалось только удивляться его изобретательности. Наверняка его предки не питались коровьим молоком или сливками. А он вот приспособился! Сняв сливки с одной крынки, бельчонок переходил к другой.

Вся семья почувствовала облегчение — Рыжик оказался жив! Теперь все окончательно поняли, что держать его в избе нельзя, и выпустили в тайгу. Кота Васю «реабилитировали» и вернули домой.

А. М. БИКТИЯРОВ
Н. Новгород

Где только не находят медвежий берлог: под выскорем, в самостоятельно вырытой земляной норе, в пещерах, стогах сена, заброшенных избах и землянках, а то просто в густых зарослях молодого ельника или на полуразрушенном муравейнике. Да мало ли что взбредет в медвежью башку при выборе места зимовки? Хозяин тайги иногда действует по принципу «что хочу, то и ворочу». И человеческого присутствия не очень-то опасается. Так, в Республике Коми берлогу обнаружили примерно в ста метрах от крайних домиков дачного кооператива.

Но, пожалуй, верхом медвежий наглости можно признать следующий случай. В пос. Вильгорт, что находится в пригороде Сыктывкара, осенью 1989 года мишка устроил берлогу в подвале строящегося кирпичного дома, возведение которого по каким-то причинам было приостановлено. Медведя потревожили детишки, избравшие новостройку местом для своих игр. Зверю шумные забавы ребятишек не понравились, о чем он возвестил громким и недовольным ревом. Испуганные дети моментально покинули здание и пожаловались случайно подвернувшемуся прохожему. Тот на беду оказался подвыпившим, решил сам «разобраться» с медведем и бесстрашно направился в дом. О последствиях он не думал, да и вообще, видимо, плохо соображал. Рассерженный мишка, защищая свое жилище, набросился на мужика и успел изрядно наломать ему бока. На большее его не хватило, трагическому исходу помешали вовремя подъехавшие сотрудники милиции, в отделение которой успели позвонить догадливые ребятишки.

В итоге мужик остался жив, а карьера медведя оборвалась под треск автоматных очередей...

Т. ПЛЕШАК,
канд. биолог. наук
г. Архангельск

Уважаемая редакция! Вот уже много лет наша семья выписывает журнал «Охота и охотничье хозяйство». Каждый год мы все с большим удовольствием его читаем. Очень бы хотелось, чтобы вы напечатали фотографию моего брата. Он сейчас служит в Армии. Ему будет очень приятно увидеть свой снимок в журнале.

Хочу пожелать вашему журналу еще долгие-долгие годы радовать своих читателей.

А. СЕВСТЬЯНОВ
Новосибирская обл.

Известны случаи, когда животные, спасаясь от нападения хищника, находят защиту у человека. Но чтобы птица искала защиту, мне довелось увидеть только раз.

Это произошло в конце 50-х годов в приозовских плавнях. Был период, когда местную утку уже разогнали, а северная еще не пришла. У меня был отпуск, поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть. Я облюбовал один лиман, посередине которого был небольшой островок из камыша. Здесь помещалась моя лодка, проходил слабый лед, но все же позволявший взять 3—4 утки.

На меня налетела пара кряковых. После выстрела одна свернула, было видно, что это подранок. Приводнилась далековато, стрелять не было смысла. Вскоре над ней появился болотный лунь и утка, помогая себе одним крылом, направилась ко мне. Приблизилась метров на 10—15. Стрелять я не стал, решив использовать ее как подсадную. Болотный лунь удалился.

После моих выстрелов по налетающим уткам она отплыла. С появлением болотного луна снова возвращалась ко мне. И так было несколько раз. Лет кончился, я стал собирать свои трофеи. Утка никакого беспокойства не проявляла. Только один раз, как бы уступая мне дорогу, отплыла в сторону. Стрелять в нее я не мог, меня охватывало какое-то неприятное чувство, как будто хочу совершить преступление против доверявшего мне существа.

Я положил ружье, взял шест и направился к выходу из лимана. Услышав всплески сзади, обернулся и вижу, что утка стремится догнать меня. Взглянув вверх, я понял причину такого поведения. Над нами висел болотный лунь. Пришлось мне уменьшить скорость. И так мы следовали все вместе. Когда приблизились к выходу из лимана и до камышей оставалось метров 20—25, утка заблала крылом по воде, обогнала меня и скрылась в камышах.

Прошло много лет. Каждый раз, когда вспоминаю этот случай, меня одолевают сомнения. Правильно ли я поступил? Как эта утка пережила зиму? Не обрел ли ее на голодную смерть?

Б. КАПЮРИН
г. Воронеж

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам охотник из Кировской области г. Луза. Охотой занимаюсь с ранних лет. Спасибо отцу родному и братьям его за то, что с малолетства брали в лес, приучили к природе обходиться бережно. В настоящее время я работаю лесничим.

Начинал свою трудовую деятельность на заводе слесарем, но всегда тянуло к природе. Закончил в Екатеринбурге УГЛТА. Стаж в лесном хозяйстве в должности лесничего семь лет. Хочу рассказать один интересный случай.

Было это весной, в мае 1996 года. При освидетельствовании очередной делянки шли по лесной дороге. Нас — двое, от машины до делянки километр с небольшим. С собой не имели даже перочинного ножика. При очередном повороте дороги, я заметил, что впереди, метрах в 100, на задних лапах стоял медведь, а передними драл кору. Остановил напарника, показав ему на медведя. В это время зверь нас и почуял. Валентин предложил бежать до машины. Медведь опустился на все четыре лапы и... пошел на нас, так спокойно, уверенно, не спеша. Я предложил бежать на месте и никуда не бежать. Когда между нами и медведем осталось метров 40, решили, что не стоит больше испытывать судьбу и полезли на ближайшее дерево. Медведь подошел к «нашему» дереву и остановился. Лишь после того, как я обложил его матом, косолапый отошел метров на 20 и лег в малине. Пролетел он так с час, а потом тихонько удалился.

Мы слезли с дерева и отправились к машине. В этот день делянку мы так и не освидетельствовали. Через два дня, побывав на этой делянке, я понял причину такого поведения зверя. На вырубке после зимы отъедались два медвежонка. Вот мамаша нас тихонько и шуганула...

В заключение хочу поблагодарить вас за журнал. С интересом читаю все статьи о проблемах охотничьего хозяйства. Считаю, что лесник должен делать свое дело, а охотовед — свое. Сотрудничать — да, но не делить лес, тем более не выселять, кто в лесу хозяин.

Высылаю вам свою фотографию с осенними трофеями.

И. ПЕЛЕВИН
Кировская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

«О, РУССКИЙ, ХОРОШИЙ СТРЕЛОК»

В октябре 1968 г. вместе с коллегой по работе В. А. Суломовым я был командирован в Берлин для участия в международном коллоквиуме по молодежной проблематике. Первый день провели на симпозиуме, остальные семь в поездках по ГДР и чтении лекций перед молодежными аудиториями. За нами была закреплена «Волга».

Шофер Курт был почти моим ровесником, очень общительным и симпатичным человеком. Машину вечерами он загонял в свой гараж, который, как и его квартира и наша гостиница, находился за городом на территории высшей школы ГДР.

Как-то вечером, вернувшись из очередной поездки, я заглянул к нему в гараж. На полочках были аккуратно разложены инструменты и различные охотничьи принадлежности. «Уж не охотник ли ты, Курт?» — поинтересовался я. В ответ он отомкнул металлический ящик и вынул из него два зачехленных ружья. Это были прекрасные двустволки фирмы «Зимсон», на прицельных планках которых в случае нужды можно было разместить и приборы ночного видения. Мы быстро с ним столковались, несмотря на мой скудный запас немецкого, и дня через два он твердо обещал свозить меня на охоту.

Эти два дня голова моя была забита только предстоящей охотой. Наконец томительное ожидание кончилось.

Мы взяли серебристо-серого с коричневыми пятнами дратхаара, заехали за его соседом-охотником и отправились на близлежащее озеро. Там Курт открыл небольшой сарайчик, выгнал лодку, пустил дратхаара вдоль берега по камышам, и мы поплыли.

Курт сидел на веслах, сосед с ружьем на корме, а меня разместили на носу. Озеро было сравнительно небольшим, метров 350 в поперечнике и около 600 в длину. Вокруговую оно опоясывалось двойным кольцом: окультуриванным лесом по суше и зарослями камыша и осоки по прибрежной воде.

Погода была солнечная, окрестность озера — желтеющий лес. Я расслабился, созерцая всю эту прелесть... И вдруг метрах в 50 перед носом лодки увидел шлепавшую крыльями по воде стайку лысух, штук двадцать. Собака их выпугнула из камышей молча, и я их выход на чистую воду проморгал. Стремясь оправдаться перед спутниками, вскинул ружье и пальнул по стае... Птицы разлетелись по воде в разные стороны, но ни одной подбитой не оказалось. Я чуть скосил глаз назад и увидел сочувствующие улыбки моих спутников.

Буквально через две-три минуты ситуация повторилась. Не придя еще в себя, я опять рубанул по стае. Результат тот же. Я уже не косил глазами на немцев. Было страшно стыдно. Я весь напрягся, до боли в пальцах впился в ружье. И вновь с таким же интервалом под взвизгивание собаки из осоки вырвалась одиночная лысуха и, стуча лапами по воде, пустилась наутек. Четко накрыл стволами, приподнял их чуть выше ее затылка. До птицы было метров 60. После выстрела она ткнулась головой в воду и затихла. Проплываем еще минуту-другую, и опять одиночная лысуха хлопает крыльями по воде, но уже сзади лодки. Я разворачиваюсь, и стволы ружья пляшут над головами моих охотников.

«Не стрелять!» — кричат они в один голос и бросаются на дно лодки. «Спокойно», — был ответ. Звучит выстрел — лысуха неподвижно застыла на воде. Собака тащит к лодке сразу двух лысух. Немцы уже с большим почтением начали поглядывать на меня.

Курт снова посылает собаку в камыши. Плываем... Проходит минут пять, из камышей доносится повизгивание собаки. Все насторожились. Повизгивание перерастает в сплошной визг.

«Утка, утка», — взволнованно произнес Курт. Но утки еще не видно. Я быстро встал на ноги и поднял ружье. Курт

Мы с Куртом после охоты

осушил весла. Через несколько секунд метрах в 65—70 от нас над камышами вырвалась утка. Я выстрелил. Она упала в камыши. Собака быстро притянула ее в лодку. «О, русский, хороший стрелок», — изрек кто-то из моих спутников. Я был на вершине блаженства...

Вечером нас собралось человек восемь. Поваром был Курт. Он вооружился щеткой и мылом и долго тер под теплой струей воды нашу кряковую. У нас такого гигиенического омовения дичи я не встречал. В своих сумках мы отыскали пару бутылок водки и, разделив зажаренную утку на 8 неравных частей, славно поужинали.

Г. ПАПКОВ

КОРШУН, ПИТАЮЩИЙСЯ... УЛИТКАМИ

Гурман? Да нет. Просто улитки — его единственная, за малым исключением, пища. И именно это обстоятельство поставило вид под угрозу исчезновения. Сегодня коршун-слизнеед занесен в Международную Красную книгу. Ареал птицы вроде бы не так уж и мал. Ее можно встретить во Флориде (США), на Кубе, в районах Восточной Мексики, в некоторых местах Аргентины.

На земле обитает всего 5 видов коршунов, объединенных в отдельную группу. Все они входят в состав семейства ястребиных, насчитывающего 205 видов. Коршун-слизнеед — птица средней величины, длиной 40—45 см. Самцы имеют темно-серую окраску, самки посветлее, у обоих алые с темными зрачками глаза и оранжевые ноги. У основания хвоста с нижней стороны — широкая белая полоса. Вот, пожалуй, его основные отличительные особенности.

Изо всех коршунов-слизнеедов в наши дни в худшем положении находится флоридский. В середине 1950-х гг. это была самая редкая птица США. Тогда всего насчитывалось около 20 особей (то есть вид был близок к вымиранию), и все они обитали на относительно небольшом участке болот в окрестностях крупнейшего озера Флориды — Окичоби.

Почему же только в этом месте? Потому что именно это озеро является источником их питания. Птица парит над тростниками болот, выискивая крупных пресноводных улиток ампулярий. Найдя улитку, коршун хватает ее и летит обычно к дереву, где, удобно усевшись на сук, своим тонким относительно длинным клювом, хорошо приспособленным к добыванию улиток, быстро извлекает моллюска из раковины и проглатывает.

Но к 1960-м годам многие флоридские болота были осушены, да и воду самого озера Окичоби стали активно использовать для орошения близлежащих земель и город-

ских водопроводов, а ведь она питает болота Эверглейдс. Это отразилось на количестве улиток и, как следствие, на количестве коршунов. Правда, осенью 1967 г. в районе национального заказника Локсэхетчи было обнаружено уже более 30 гнезд коршунов-слизнейедов. В недалеком прошлом их называли эверглейдскими коршунами.

Коршун-слизнейед относится к кочующим и перелетным птицам. Свои гнезда он устраивает на деревьях, растущих на болоте, или на высоких тростниках. Селится группами, то есть на относительно небольшом участке располагается несколько гнезд. Устройством семейного очага занимается самец. Когда гнездо готово, самка откладывает в него несколько бледно-голубых с коричневыми пятнами яиц. Насиживают яйца оба родителя.

10—12 лет назад в США насчитывалось не более 50—70 слизнейедов. Для спасения вида Службе рыбных ресурсов и живой природы пришлось, да и сегодня еще приходится прилагать немало усилий. По данным учета, проведенного в 1983 г., на болотах Флориды обитало уже 437 коршунов. Но достаточно ли этого для сохранения популяции?

Иногда в зарослях тростника исследователи находили отдельные яйца слизнейедов, оставшиеся в результате неудавшейся попытки создать гнездо. В этом случае они устраивали искусственные гнезда из тростника и веточек мирта, которые укладывали потом в проволочные корзины, укрепленные на шестах. И что удивительно, птицы охотно селились в этих гнездах, откладывая к положенному яйцу еще пару. Таким образом было спасено немало яиц.

Несколько слов об улитках. Это толстый серо-коричневый моллюск, встречающийся в водоемах Флориды. Тонкими, но хорошо приспособленными для ловли улиток когтями коршун выхватывает их из воды. Всего полторы минуты нужно слизнейеду, чтобы, взломав раковину и просушив в нее свой клюв, оторвать от стенок прикрепленную к ним мускулистую улитку. За день коршун съедает примерно 50 улиток ампулярий. Для их выращивания в национальном заказнике Локсэхетчи сооружены специальные искусственные пруды. Именно помощь человека позволила возрасти численности флоридского коршуна-слизнейеда. «Известны случаи, когда в условиях стресса эти птицы нападали на мелких черепах, змей и даже млекопитающих, — говорит Поль Сайкс, биолог Службы рыбных ресурсов и живой природы, изучающий слизнейедов уже много лет, — но, как правило, это акты отчаяния». Самка флоридского коршуна-слизнейеда откладывает в гнездо три яйца (но это в хороший в пищевом отношении год). В среднем в гнездах бывает по два птенца. Молодые покидают их в месячном возрасте, но наряд взрослой птицы они наденут только после второй линьки, то есть на третьем году жизни.

В результате столетнего осушения болот Флориды их площадь сократилась вдвое. Повышение или понижение уровня воды в них часто зависит от потребности в воде человека. Это только так кажется, что болотный штат Флорида — благодатное место для слизнейедов, хотя в прошлом действительно было так. «Когда вы посмотрите вокруг и увидите, как сильно все изменилось в этой части США, — говорит Сайкс, — вы поймете, что большинство мест обитания слизнейедов уничтожено».

Сегодня во Флориде эти птицы селятся только там, где они могут найти свою единственную пищу — ампулярию. А это относительно небольшие участки, оставшиеся от обширных болот Эверглейдс, и мелководные, окопанные рвами водоемы, принадлежащие Управлению водного хозяйства Южной Флориды. Хотя улитка достаточно плодотворна, ей круглый год необходимы затопляемые болота.

Все это приводит к тому, что официальная федеральная программа восстановления популяции этой птицы в США выглядит, по признанию американских ученых, пока что довольно пессимистично.

По материалам зарубежной печати
Е. СОЛДАТКИН

КУХНЯ ОХОТНИКА

Жареный вальдшнеп (Франция)

Извлечь из вальдшнепа только кишечник, прочие внутренности оставить. Обернуть птицу длинными ломтиками соленого шпика. Жарить в духовке при высокой температуре 18—20 мин. Сервировать ломтиками хлеба, запеченными в масле.

Сальми из вальдшнепа (Франция)

Вальдшнеп жарится на сильном огне; снимается жареным не до конца («с кровинкой»), разделяется, мясо отделяется от костей и держится в тепле.

В небольшой кастрюле вываривается вине лук-шалот, затем туда добавляются мясо вальдшнепа, перец и соль. После этого кипятится еще 5 мин и все содержимое откидывается на сито. Перед подачей к столу мясо вальдшнепа заливается полученным соусом.

На одну порцию: 1 вальдшнеп, 2 головки мелко нарезанного лука, 1/2 стакана красного сухого вина, перец и соль по вкусу.

Вальдшнеп, жареный на решетке, в фольге или на вертеле (Болгария)

Очистить вальдшнепа, изнутри посолить и поперчить, обмазать маслом. Во время жарения добавить соль и черный перец. Сервировать с лимоном.

Вальдшнепа можно запечь в фольге или на вертеле на слабом огне, время от времени поливая маслом, образующимся в процессе жарения, вином и томатным соусом (на 1 вальдшнепа — 10 мл вина и 5 г томатного соуса).

На одну порцию: 1 вальдшнеп, 25 г (полная столовая ложка) сливочного масла, молотый черный перец, лимон, соль.

«КИРОВОХОТА»
Организуем охоту
на медведя с 15 августа
в закрепленных охотугодьях.
610035, Киров, ул. Попова,
16 А, ГП «Кировохота»
Тел.(8332) 63-78-10

РЫБОЛОВНЫЕ ТОВАРЫ – ПОЧТОЙ

141400,
Московская обл.
г.Химки-10, в/я 141
ЗАО "САГИТТА"

E-mail:
sagitta@aba.ru

- Большой выбор обычной и плетеной лески
- Дешевые отечественные и элитные крючки
- Свинцовые и вольфрамовые мормышки
- Блесны, воблеры, мягкие приманки
- Катушки и удилица различных типов
- Сети, полотна из лески и капрона
- Резиновые надувные лодки
- Запчасти к подвесным лодочным моторам
- Одежда, рюкзаки, палатки и другое

Высылаем полный каталог

НА ПРИВАЛЕ

САФОНОВ В. Охотоведение на распутье	1
ТЕМЕРОВ В. В защиту права собственности	4
ПАЖЕТНОВ В. Медвежата-сироты	6
БЛОМ М. Новая самозарядка МР-151	9
ФЕДОРИЩЕВ И. Новосибирский зоологический парк	10
КОРЫТИН С. Петр Александрович Мантейфель	12
ЗВОРЫКИН Н. Охота на уток	16
ХАЛЕЕВ М. Куропатки и охота на них	18
ЗУЕВ Е. Робинзон по имени Агап	21
ЖИВОТЧЕНКО В. «Евразия-99»	24
ГОРИН В. У нас в Татарстане	26
За что платят охотники	27
АЗАРОВ А. Патроны делаю сам	28
ПОЛЯКОВ В. Экспансивная пуля 12 калибра	30
БАРАНОВСКИЙ С. Сочинение на заданную тему	32
РЕПИН Б. Фомка	34
КОЛБАСОВ А. Н. Дроздов в Хакасии	37
ЧЕРНЫШЕВ В. Путешествия. Приключения. Охота. Алексей Николаевич Толстой	38
ТОЛСТОЙ А. Из охотничьего дневника	38
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	42, 43, 47
Шишкин В. Чистики	48

ВНИМАНИЮ НАШИХ АВТОРОВ!

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество: год рождения, серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом), просим вас присылать их нам вместе с материалами, предлагаемыми для публикации

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блом, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Держин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **Э. С. Корчагина**

Сдано в набор 08.06.99 г. Подписано к печати 02.07.99 г. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27030 экз. Заказ 1192 Цена 12 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области
Тел.: (272) 71-336. Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

Таинственные **пыжики** (**длинноклювый** и **короткоклювый**) до настоящего времени остаются среди наименее изученных дальневосточных чистиковых. Первые кладки этих птиц были обнаружены на Охотском побережье только в 60-е годы XX века, и пока удалось найти не более 4—5 гнезд каждого вида. Больше гнездящихся пыжиков обнаружено на американском берегу, где и общая их численность выше — около сотни тысяч особей каждого вида.

Пыжики по размерам немного крупнее скворца (длина 23—25 см), но более плотного сложения (вес более 200 г). Среди длиноклювых пыжиков выделяют два подвида: азиатский (более крупный, длиноклювый и светлый) и американский. Последние исследования говорят о видовой самостоятельности этих форм. Азиатские длиноклювые пыжики гнездятся от севера Камчатки до Сахалина и Южных Курил. Американские залетают на Чукотку. Короткоклювый пыжик обнаружен на Чукотке (возможно, есть на о. Врангеля) и на северо-западном побережье Охотского моря. Окраска оперения пыжиков неброская. В летнем перье преобладают бурые тона. У длиноклювого пыжика на коричневатой спине охристо-рыжеватые поперечные пестрины, особенно широкие и заметные на плечевых перьях. Брюшная сторона выглядит темной из-за налегающих друг на друга поперечных бурых предвершинных полос на белых перьях. Зоб темный, но на щеках и горле темные полоски уже, так что эти участки выглядят светлыми с темными пестринами. Крылья и хвост темно-бурые, прямой клюв почти черный, радужина бурая. Лапы короткие розово-охристого цвета с черными перепонками между пальцев. В зимнем наряде брюшная сторона, передняя часть шеи, горло, щеки, плечевые перья белые. Окраска спины серо-черная. У короткоклювого пыжика клюв соответственно короче, чем у длиноклювого (почти вдвое). По темному фону спины летом разбросаны продольные светлые пестрины, более широкие на плечах. Темно-бурые поперечные полосы на светлом брюхе образуют характерный зубчатый рисунок. Низ брюха выглядит светлым (в отличие от длиноклювого пыжика). Крылья темно-бурые. Краевые перья короткого хвоста белые. В зимнем наряде короткоклювого пыжика белого цвета больше, чем у длиноклювого (широкая белая зона вокруг глаз); спина темно-серая. Клюв и радужина темные, лапы светло-охристые с темными перепонками. Птенцовый наряд похож на зимний взрослых, но больше пестрин и буроватых тонов на белых полях.

Сведения о размножении крайне скудны. Длинноклювый пыжик в отличие от прочих чистиковых гнездится преимущественно на деревьях хвойных пород на высоте нескольких метров. В Северной Америке находили его гнезда и на земле. Пыжики гнездились отдельными парами в десятках километров от побережья. В кладке 1 яйцо овальной формы, скорлупа светлая с мелкими пестринами. Инкубация около месяца. Взрослые у гнезда активны в сумеречное и ночное время. Азиатские пуховики не описаны, у американских птенцов желтоватый пух с темными пестринами. Птенцы выкармливаются рыбой и слетают на 30—40-й день. Короткоклювый пыжик гнездится на каменных осыпях, часто у границы снежников в десятке километров от берега. Единственное яйцо откладывается прямо на землю. По светлому фону скорлупы пятен больше, чем у длиноклювого. Насиживание около 30 дней. Пока точно неизвестно, как слетки добираются до моря. В питании преобладают морские беспозвоночные, мелкая рыба. Зимуют пыжики в открытом море, видимо, смещаясь несколько южнее мест гнездования. На воде часто издают характерный свист. Отмечена гибель пыжиков от пернатых хищников и нефтяного загрязнения. Оба вида пыжиков как малоизученные, редкие птицы занесены в Красную книгу России. Любые сведения о находке пыжиков, их гнезд или птенцов представляют большой научный интерес.

В. ШИШКИН

Длинноклювый пыжик

Короткоклювые пыжики

Длинноклювый пыжик

Длинноклювый пыжик в зимнем перье

Короткоклювый пыжик в зимнем перье

длинноклювый

короткоклювый

